

ВЕСТНИК
Омского юридического
института
№ 2 (2)

г. Омск, 2004 год

ПРАВО ЕСТЬ ИСКУССТВО ДОБРА И СПРАВЕДЛИВОСТИ

Содержание

Теория и история государства и права

Белоусов А.А. Юридическая норма и форма ее выражения	5
Киреева И.Л. Понятие эффективности позитивного права	10
Мельникова Т.Н. Различные подходы к определению понятия "судебная практика"	12
Огородников В.В. Личность и переходные состояния политических режимов: проблема харизматического лидерства	14
Быкова А.Г. Государственно-правовое регулирование винной монополии в России в первой четверти XIX века	16

Конституционное, административное, информационное право

Баширов Р.А. Конституционная система и структура органов исполнительной власти Российской Федерации	20
Бережинская О.С. Конституционные основы языковой политики в Российской Федерации	23
Векленко В.В., Бекетов О.И. О необходимости восстановления административного надзора милиции за лицами, освобожденными из мест лишения свободы	28
Пивченко Ю.В. Возбуждение дела как первоначальная стадия производства по делам об административных правонарушениях	32
Казанник А.И. Использование коллегиальной формы обсуждения и принятия управленческих решений в исполнительных органах власти России	37

Гражданское и гражданско-процессуальное право

Костенко Н.В. Правоспособность юридических лиц в современном гражданском праве России	46
Прежеславская С.В. К вопросу о понятии морального вреда	48
Кустова Е.А. Порочный договор аренды, или последствия переходного периода в законодательстве об упорядочении процесса передачи федеральной собственности в муниципальную	51

Трудовое право

Распутина Л.Н. Монетизация льгот и социальная защита инвалидов	54
Скиллер-Котунова Е.В. Процедурно-процессуальные вопросы регулирования труда государственных гражданских служащих	56
Ухова Л.Д. Роль принципов в процессе реализации норм поощрения добросовестного труда	60
Затолокина Т.А. Индивидуально-договорной уровень правового регулирования трудовых отношений	64

Уголовное и уголовно-процессуальное право

Деришев Ю.В. К проблеме формирования уголовно-процессуальной доктрины Российской Федерации	67
Головин В.В. Ответственность по исполнительному праву	71
Волторнист О.А. О структурном построении современного российского уголовного судопроизводства	77

Смагин К.М. Доследственное производство в англосаксонской модели уголовного процесса	79
Мищенко А.В. Особенности классификации компьютерных преступлений	81
Пальянов А.А. Мошенничество в сфере электронных платежей	85
Деришев Ю.В., Волторнист О.А. Вопросы использования результатов административной и оперативно-розыскной деятельности в доказывании	87

Судебная психиатрия

Четвериков Д.В., Усов Г.М. Общественно опасные действия олигофренов	90
Четвериков Д.В. Семиология субкультуры потребителей героина	92

Философия

Першин Ю.Ю. Исследование феномена терроризма как актуальное направление философской антропологии	96
--	----

Экономика

Бекряшев А.К. Проблемы развития фондового рынка России	104
--	-----

Филология

Попова Л.В. Описательное терминоведение: проблемы, задачи, методы, достижения (на материале авторских терминосистем функциональной грамматики)	110
Слугевич Т.И. Основные способы образования юридических терминов и их смысловое взаимодействие	117
Попков В.В. Развитие и становление нормализованной орфографической системы нидерландского языка с точки зрения основных понятий теории письма и теории интерференции	119
Минеева Е.Е. Особенности перевода военно-полицейской эмоционально окрашенной лексики	122

Методология научных исследований

Дука О.Г. Классификация политологических теорий и концепций с позиций системно-парадигмального подхода	125
--	-----

Сведения об авторах	130
---------------------------	-----

Теория и история государства и права

ЮРИДИЧЕСКАЯ НОРМА И ФОРМА ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ

А. А. Белоусов

С гносеологической точки зрения, право — это явление идеального мира. Как форму общественного сознания, как идеальное явление в российской юриспруденции право рассматривалось многими правоведами. Норма права чаще всего определяется как правило поведения, некоторые авторы рассматривают правило поведения как нормативное суждение. Довольно частым является представление о норме права как о мере, масштабе, модели поведения, в зависимости от того, какую сторону хочет подчеркнуть тот или иной автор при определении содержания указанного явления¹. А. Ф. Черданцев, рассматривая юридическую норму как логико-языковой феномен, подчеркивает, что практически отсутствуют какие-либо определения юридической нормы, в соответствии с которыми ее можно было бы отнести к материальной сфере².

Иными словами, юридическая норма — это идеальный образ юридически значимого поведения, и важно определить, каким образом и в какой форме существует этот образ в мышлении, является ли юридическая норма понятием или представляет собой систему понятий либо не является таковым, т. е. не включает в себя понятий вообще³.

Из определения нормы права как нормативного суждения на первый взгляд следует, что юридическая норма понятием не является, поскольку, как известно, понятие в формальной логике рассматривается как часть суждения, и в этом смысле понятие как термин суждения меньше, чем суждение. Отсюда юридическая норма, по крайней мере, состоит из понятий.

Еще один существенный момент необходимо отметить, который подчеркивается А. Ф. Черданцевым: это прагматическая функция норм права, суть которой заключается в том, что функция отражения при нормативном регулировании подчинена функции воздействия на реальный мир⁴.

Рассматривая различие между нормой социальной и суждением, А. Ф. Черданцев, ссылаясь на Л. Живковича, указывает, что социальная норма — это форма общественного сознания, а суждение — форма мышления⁵. В данном случае следует возразить, во-первых, любое суждение одного субъекта по отношению к другому субъекту выступает как объективное, независимое от мнения индивида, как общественное суждение. Во-вторых, поскольку норма — идеальное явление, то как мысль она существует в форме мышления. Социальная норма как нормативно-оценочное отражение одновременно это отражение также и рациональное, как мысль, в которой находит свое выражение и определенное отношение познающего субъекта к чему-либо. Когда тот или иной индивид осуществляет познавательный акт, то он рассматривает предмет познания с определенной точки зрения, выявляя те или иные стороны исследуемого явления. Не всякое суждение есть норма, но всякая норма есть суждение (модальное суждение).

Само по себе суждение как утверждение в логике предикатов обозначает то, что предмет (логический субъект) обладает определенными свойствами, находится в определенных отношениях, относится к чему-либо (предикат как характеристика предмета). Суждения могут использоваться и в модальной логике, в том числе деонтической, которая квалифицирует высказывания не с точки зрения истинности или ложности, а с точки зрения модусов «должен», «обязан», «разрешено». Иными словами, норма права предстает как суждение о должном (возможном) поведении. Логический субъект должен обладать определенными характеристиками. Естественно, если рассматривать суждение в классическом смысле слова только как утвердительное высказывание, то норму права трудно отнести к категории суждений. Но если суждение рассматривать как обычную связь между ло-

гическим субъектом и его характеристиками, то аргументы (символы) остаются, а изменяется связка, от характера которой зависит и «качество» суждения.

В то же время «смысл нормы состоит не в отображении действительности... а в изменении, приведении последней в соответствие с нормой»⁶. И с этим следует согласиться при нескольких условиях. Разумеется, норма права — это сама по себе не форма отражения действительности, в том числе и суждение, если его рассматривать как утвердительное предложение о чем-либо, как высказывание, назначение которого — выразить, обозначить мысль. Поэтому высказывание не есть мысль, но мысль объективируется посредством высказываний. Мысль может передаваться с помощью высказываний различного характера: утвердительных, вопросительных, деонтических и т.д. Важна не форма передачи мысли сама по себе, а важно то, как она передает ту или иную мысль. И здесь форма подчинена, в полном смысле слова, рациональному содержанию. Смысл (норма права) требует адекватного выражения.

Высказывание о должном (разрешенном, запрещенном) или возможном поведении может быть рассмотрено как часть познавательного процесса, который есть единство распредмечивания и опредмечивания — познание не завершается процессом созерцательно-пассивного отражения (да и не является таковым по сути), выражающимся в утверждении о том, что S есть P. Процесс познания — суть активная реализация отражения. S есть P выражает результат познания и одновременно его начало, начало следующего цикла познавательной деятельности. Стадия, этап опредмечивания мыслей есть одновременно процесс проверки этих мыслей на их соответствие действительности (не только природной, но и социальной), тогда как текстовое высказывание «S должен (разрешено, обязан) P» есть этап движения от высказывания «S есть P» (т.е. от неявной, существующей в понятии характеристики субъекта), которое одновременно выступает концом предыдущего познавательного цикла и началом нового познавательного этапа, к следующему высказыванию «S есть P_n» (другой характеристике субъекта) в процессе опредмечивания теоретического. Этап опредмечивания включает в себя нормативный компонент (инструкцию), методику действия. Но этот нормативный компонент основан на знании, что подобное действие вообще возможно. Так, в процессе познания метод познания предстает в качестве своеобразного правила, нормы познания, хотя сам по себе метод является одновременно и результатом познания.

Иными словами, то, что норма права выступает как предписывающее, инструктирующее высказывание, не вызывает сомнений, но это высказывание может быть преобразовано в утвержде-

ние «субъект права совершил что-либо в соответствии с нормой права» (S есть P) после реализации нормы. То есть если суждение рассматривать как связь между логическим субъектом (подлежащим) и его предикатом, выражающим действия, свойства, отношения и т.д., то, в зависимости от стадии познавательно-преобразовательной деятельности (практики), данная связь может выступать как утверждение, долженствование и т.д.

Таким образом, можно сказать, что норма права неразрывно связана не только с другими функциями языка, он и с формами отражения действительности, со знаниями. Мысль передается посредством суждения, умозаключения, но мысль — есть ее движение, которое находит свое выражение в высказываниях. Любое слово языка есть в свою очередь обозначение определенного знания (абстракции) об обозначаемом предмете. Нормативная составляющая практики, выполняя свою обслуживающую роль, может быть и обслуживанием процесса познания: преобразующая деятельность направлена на удовлетворение потребностей в чем-либо (в том числе и в познании).

Норма права в качестве логико-языкового феномена выступает как прескриптивная, предписывающая абстракция. Однако чтобы исполнить предписание, необходимо знать, что предписывается в той или иной ситуации, знать, обладать информацией о наличии последней, т.е. необходимо норму как абстракцию включить в мыслительный процесс, соотнести ее с имеющимися знаниями. И в этом смысле норма выступает в качестве объекта познания, норма включается в понятийную систему с целью выработать понимание нормы как смысла.

Кроме того, любая норма может быть представлена как высказывание, утверждающее должное (дозволенное) поведение⁷. Иначе говоря, норма может не иметь грамматического выражения нормативности, модусов «обязан», «разрешено», «запрещено», но в то же время нести на себе печать долженствования. А поскольку «... в деонтической логике находят применение все функторы логики высказываний и квантификаторы логики предикатов»⁸, то имеет место и модальное (деонтическое) суждение. О том, что юридическая норма может быть выражена в виде суждения, высказываются многие авторы (например, Н.Г. Ромашов, Н.И. Козюба). И в этом смысле весьма трудно согласиться с тем утверждением, что норма права, выступающая как высказывание, не может иметь форму суждения. В то же время она не тождественна ему. С проблемой нормы права, выступающей как деонтическое суждение, очень тесно связана другая проблема — истинность норм права. Поскольку утверждается, что если норма права не является суждением, то оно не может быть истинным или ложным.

Само по себе нормативное предложение не может быть ни истинным, ни ложным в смысле двузначной логики, как утверждают А. Герлох и В. Кнапп. Они предлагают различать собственно нормативные предложения и высказывания о них. Последние как утверждения о нормах права, об их содержании, с их точки зрения, могут быть оценены на основе истинности или ложности⁹.

Однако нормативное предложение само по себе бессмысленно вне соотношения с утверждением о нем, поскольку трудно обосновать саму нормативность данного предложения в том смысле, что из него не следует ни то, что и какой орган государственной власти издал нормативный акт, ни где помещено указанное предложение, какова его сфера действия и т. д. Иначе говоря, вне понятийной структуры оно не имеет специфики, оно предельно абстрактно и недостаточно, с необходимостью требует для себя высказываний о норме права, которые уже могут быть оценены с точки зрения формальной логики как истинные или ложные. То есть прескриптивный характер предложения нельзя вывести без того, чтобы не ответить на вопрос, чье это веление (оно может быть предписанием как государственного органа, так и органа местного самоуправления или предписанием отца в отношении сына и т. д.). Даже если предложение грамматически включает в себя модусы долженствования, то это вовсе не означает, что данное предложение является нормативным, имеет государственно-властный характер. Вне определенной системы знаний, которая проявляет себя через знаковую систему, мы не сможем установить, что то или иное предложение обладает свойством нормативности. «Нормативное предложение — это языковое выражение правовой нормы, оно является формой нормы, которая опосредует ее содержание. Нормативность предложения заключается не в его грамматической форме, а в его значении»¹⁰.

Поэтому не вызывает сомнения утверждение о том, что нормативное предложение не может быть ни истинным, ни ложным в смысле двузначной логики, но оно может быть оценено как истинное или ложное как часть правового понятия, как его абстракция, входящая в систему абстракций. Норма права, выступая в роли части целого правового понятия, приобретает такие свойства, которыми она не может обладать в «чистом» виде, сама по себе, вне соотношения с другими абстракциями. Понятие, с нашей точки зрения, это не только логика определений (то, что есть, существует), но и логика обоснования, т. е. нормативное предложение в системе абстракций не только определяет, раскрывает свое содержание, но и обосновывается как истинное или ложное. Истинность или ложность для формальной логики сродни тому, что истинно или ложно то, что утверждается в выска-

зывании, истинность можно проверить, непосредственно восприняв отражаемый объект со стороны утверждения о нем (например, предмет имеет красный цвет, а познающий субъект одновременно может непосредственно воспринять его). Однако знания для любого индивида даны опосредованно, через социальную практику как знания культуры, общественно усвоенные им, а не вытекающие непосредственно из личного опыта, поэтому истинность или ложность той или иной абстракции может определяться также опосредованно, через соотношение с другими абстракциями в понятийной форме. Истинность нормативного предложения проверяется, оно получает указанные характеристики в системе абстракций, т. е. в системе других высказываний, которая выступает в качестве внешней (языковой) формы понятия.

Возьмем для примера высказывание «субъект (S) должен передать субъекту (B) вещь (p)». Само по себе нормативное предложение вне его соотношения с определенной системой знаний не несет абсолютно никакой информации, кроме того, что кто-то кому-то должен передать что-то. Если действие заменить какой-либо символикой, то вне интерпретационного процесса, как известно, данная формула не имеет никакого значения. Нормативное предложение состоит из слов естественного языка, и каждое слово как знак имеет одновременно закрепленное за ним в ходе общественной практики определенное значение (значения). Через эти значения знак связан с определенными абстракциями различной сложности, выражающими соответствующие знания о предмете. В этом смысле трудно согласиться с тем мнением, что знания существуют только в форме суждений, умозаключений, в форме утвердительных высказываний¹¹. Например, знание о незнании¹² в понятии может выражаться в форме вопросительных высказываний, в виде возможного (гипотетического) высказывания — все это отражает изменчивость познавательной информации, ее различные функциональные стороны: знание выступает в мышлении в виде определенного образа как объект познания, как проблема, как инструмент мышления, практики, с помощью которого осуществляются различные мыслительные операции.

Нормативное предложение тем самым неразрывно связано через слова с понятийной системой абстракций, которая есть динамическая система, предполагающая взаимопереход от содержания одного понятия к другому. Из системы слов и их значений складываются абстракции первого уровня. Так, если на место символов S, B и p подставить слова «продавец» (тот, кто передает (продает) вещь «р»), «покупатель» (лицо, приобретающее указанную вещь за деньги) и «товар» (вещь, участвующая в гражданском обороте), то получаем как бы

первый уровень абстракций, отталкиваясь от которых мы переходим к другому уровню, связанному с понятиями «гражданский оборот», «деньги» и т.д. В свою очередь, покупатель определяется через отношение к своей противоположности продавцу, они взаимно определяют друг друга, т.е. одна абстракция в определенном отношении предполагает себе другую абстракцию как свою противоположность. Одновременно можно видеть, что данной абстракции недостаточно, чтобы сделать вывод о нормативности указанного предложения, поскольку нормативным предложением считается не только предложение, где грамматически выражены модусы «разрешено», «запрещено», «должно» и т.д., а также не всякое предложение, имеющее грамматически выраженные модусы долженствования, в то же время может считаться нормативным. Для вывода о том, что данное нормативное предложение — есть веление государства, необходимо, по крайней мере, знать источник (акт), форму существования данной нормы права. Формальные источники права (как текст) символизируют, выступают как знаковая форма, обозначающая властный источник формирования нормы права (орган государственной власти, местного самоуправления, представительный, исполнительный орган и т.д.).

Операторы нормативности позволяют то или иное высказывание отнести формально к нормативной системе общества (моральной, юридической, эстетической и т.п.). Можно сказать, что всякая социальная норма может быть выражена как нормативное высказывание (суждение), но не всякое такое суждение есть социальная норма (объективное предписание для субъекта). Например, когда субъект права обязывает себя получить образование, в этом случае данное обязывание не является социальной нормой, хотя и существует другая норма, предоставляющая возможность получить образование. В этом случае мы имеем регулируемую абстракцию морального, внутреннего толка, которая образуется в отношении с нормой, позволяющей получить образование человеку, только последняя зафиксирована в нормативном правовом акте в нормативном предложении, а первая образуется, противопоставляется в мышлении индивида как связанная с ней абстракция в правовом понятии.

Смысл данных рассуждений заключается именно в том, чтобы подчеркнуть, что нормативностью то или иное предложение, высказывание наделяется или приобретает это качество только в системе абстракций, в понятийном взаимодействии мыслительной деятельности. Особенно это наглядно видно, когда предложение (например, конституционное положение, указывающее на то, что Российская Федерация — правовое государство), рассматриваемое как нормативное, существует, с фор-

мальной точки зрения, как суждение (утверждение), взятое само по себе вне понятийного контекста.

В том же ключе можно говорить и об оценочном характере социальной нормы (нормы права, в том числе, как разновидности социальной нормы), который противопоставляется суждениям: утвердительные высказывания (суждения) в контексте нормативно-оценочной системы абстракций приобретают соответствующее значение. «Оценка представляет собой сознательное выражение положительного или отрицательного отношения субъекта к оцениваемому объекту»¹³. Оценка обозначает и процесс сопоставления предмета с критерием оценки и результат такой оценки, т.е. «определенное знание, специфически логико-языковой феномен, высказывание, приписывающее оцениваемому предмету определенные качества»¹⁴.

Мышление (процесс противопоставления, сопоставления) предполагает соотнесение — оценку — одного знания с другим, которое выступает в данном процессе как критерий оценки. Познавательный процесс несет на себе и бремя оценки, отношения, поскольку мышление неразрывно связано с эмоциональной, волевой и другими сторонами сознания. Оценка может быть как аксиологическая, с точки зрения социальных ценностей и потребностей человека, и неаксиологическая как соотношение с определенной мерой, масштабом. Ценности и потребности должны быть осознаны, чтобы быть частями мыслительного процесса, и поэтому они существуют в рациональной форме (абстракции) как знание о своих потребностях, общественных интересах и т.д., поэтому нормативно-оценочное высказывание — это только средство выражения оценочной абстракции как результата оценки. Оценка «осуществляется на основе знаний, сама является определенным знанием, ориентирующим человека в мире ценностей»¹⁵. В связи с чем представляется спорным жесткое противопоставление социальной нормы и суждения по данному критерию: суждение относится только к логико-познавательному отражению, а социальная норма — к нормативно-оценочному. Здесь логико-познавательное отражение в виде абстракции-суждения может быть выражено не в форме утвердительного суждения, а в форме оценочного суждения.

Через категорию оценки осуществляется, как отмечается в литературе, связь гносеологии и аксиологии, оценка есть категория и гносеологии и аксиологии¹⁶. В этом случае фразу «X ценно с точки зрения системы ценностей SA» можно преобразовать в утвердительное суждение «X есть ценность системы SA». При этом смысл фактически не изменяется, т.е. то, что оценка может быть преобразована в суждение-утверждение, свидетельствует о неправомерности выше указанного критерия размежевания социальной нормы как оце-

ночного отражения и суждения как формы гносеологического отражения. В противном случае вообще непонятно, что такое гносеологическое отражение: отражение, существующее в форме суждения (только как утвердительного высказывания о тех или иных свойствах предмета), т.е. как только мы гносеологическое суждение перефразируем в оценочное или нормативное высказывание, то оно перестает быть гносеологическим? Отсюда встает вопрос о том, почему не может быть истинностной оценки. Оценка как адекватное отношение субъекта к отражаемому предмету с точки зрения той или иной системы социальных ценностей. Система ценностей есть результат познавательной ценностной практики общества. Практика как всеобщее обособляется, проявляет себя как обособленное всеобщее в отношении человеческих ценностей. Иначе говоря, ценностно-практическое отношение людей — это есть частное проявление общественной практики. Через мир ценностей человек формирует определенное видение мира, определенное знание, в том числе и о своих ценностях. В связи с чем непонятно, почему оценка как знание не может быть соотносена с критерием оценки (системой ценностей человеческой практики) и почему оценка не может быть гносеологической категорией, соответственно абстракцией, выражающей социально-ценностное отражение действительности, т.е. оценка выступает как способ освоения, познания мира с точки зрения человеческих ценностей. Поэтому указание на то, что социальная норма, имея оценочный характер, связана с интересами и целями людей и тем самым отлична от гносеологического отражения, фиксируемого в суждениях, вызывает определенные сомнения.

Объект познания выступает как предмет практики (объект во взаимосвязи с социальной практикой), и с этой стороны выделение объекта как предмета под определенным углом — есть реализация познавательного процесса в целях и интересах общественной практики. Иными словами, нет познания без общественных и индивидуальных потребностей, целей, следовательно, и знания, фиксируемые в суждениях или других высказываниях, есть реализация целей и интересов человека.

И последний аргумент, высказанный А.Ф. Черданцевым, который мы здесь рассматриваем, обосновывающий положение о том, что социальная норма — это не сведения о состоянии какого-либо объекта, это не дескриптивная (описывающая) информация, а прескриптивная (предписывающая). Во-первых, любая норма предписывает что-то конкретное кому-то, в ней должны быть обозначены (или выводиться логическим путем) субъект, который определяется через соответствующую совокупность признаков; действия, которые должен произвести субъект нормы права; юридичес-

кие факты; условия производства указанных действий. Все это «зашифровано» в словесной форме в нормативном предложении. Каждое слово — это «вход» к идеальным образам, к системе абстракций, понятиям. Без описательности, которая представлена как бы в свернутом виде, невозможно понимание нормы права. Слово в предложении — это свернутое высказывание, суждение о наличии, или, лучше сказать, об обозначении определенной группы характеристик, сведений о субъекте, его действиях, о юридических фактах¹⁷.

Нормативная абстракция служит отправным пунктом ее же конкретизации в понятийном содержании через соотнесение ее с другими абстракциями. Это своего рода отправная абстракция начала развертывания в мыслительной деятельности внутрисюжетных (абстрактных) рядов. Смысл и специфика нормативного предложения заключаются именно в том, что посредством естественного языка оно связывает в единой грамматической форме социальную действительность и государственное веление, как специфическая связь единичного со всеобщим (всеобщей практикой). Чтобы воздействовать, предписывать, государство должно предписывать только то, что действительно возможно, что в принципе осуществимо при данном уровне развития общества.

Таким образом, нормативное высказывание — это внешняя языковая форма существования нормы права как эмпирической абстракции, которая есть одностороннее знание, сочетающая в себе как прескриптивные, так и дескриптивные моменты. Но здесь важно также подчеркнуть тот факт, что, хотя норма права неразрывно связана с языковой формой своего выражения, но она как мысль и, следовательно, ее структура не тождественна указанной форме ее объективации.

¹ См.: Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. — Екатеринбург. 1993. — С. 5-7.

² Там же. — С. 6.

³ Заметим, что понятие мы определяем как динамическую систему различного уровня абстракций (идеальных образов), отражающих объективную действительность.

⁴ См.: Черданцев А.Ф. Указ. соч. — С. 10.

⁵ См.: Живкович Л. Теория социального отражения. — М., 1969. — С. 60. См. также: Черданцев А.Ф. Указ. соч. — С. 25.

⁶ Черданцев А.Ф. Указ. соч. — С. 33.

⁷ См.: Кнапп В., Герлох А. Логика в правовом сознании. — М., 1987. — С. 175.

А.Ф. Черданцев, отстаивая точку зрения о прескриптивности нормы права, тем не менее соглашается, что конституционные положения, в частности, носят не только нормативный характер, но и дескриптивный (утверждение, описание), и они не имеют нормативных терминов. Однако он указывает на то, что нормативность предложения вытекает из контекста. См.: Черданцев А.Ф. Указ. соч. — С. 37-38.

⁸ Кнапп В., Герлох А. Указ. соч. — С. 176.

⁹ Там же. — С. 182-183.

¹⁰ Там же. — С. 179.

¹¹ См.: Черданцев А.Ф. Указ. соч. — С. 33. Автор практически присоединяется к мнению А.А. Ивина, который проводит разграничение между суждением и социальной нормой на основе того, что суждение — форма мышления, а нормативное предложение является формой общественного сознания. Но мышление — часть сознания индивидуума, а норма права есть форма выражения мыслей. Общественное сознание как всеобщее проявляет себя в индивидуальном, оно не существует вне индивидуального сознания, но не тождественно ему. Поэтому непонятно, почему суждение отделяется от нормативного предложения, поскольку суждение является формально логическим «видением» высказывания, т.е. нормативного предложения в том числе.

¹² Термин, используемый, например, В.С. Библером. См.: *его*. Мышление как творчество (введение в логику мысленного диалога). — М., 1975.

¹³ Клаус Г. Сила слова. — М., 1967. — С. 21. Цит. по: Черданцев А.Ф. Указ. соч. — С. 105.

¹⁴ Черданцев А.Ф. Указ. соч. — С. 105.

¹⁵ Там же. — С. 106.

¹⁶ См.: Гранин Ю.Б. О гносеологическом содержании понятия «оценка» // Вопросы философии. — 1987. — № 6; Черданцев А.Ф. Указ. соч. — С. 106.

¹⁷ А.Ф. Черданцев отчасти соглашается с данным положением, но доминирует все же мысль о прагматической функции нормы права, которая выражается в предписывающем ее характере. См.: Указ. соч. — С. 37-38.

ПОНЯТИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПОЗИТИВНОГО ПРАВА

И. Л. Киреева

Анализ западно-европейской и американской политико-правовой мысли первой половины XX в. по вопросу эффективности права и эффективности правовых норм привел нас к выводу о перспективности исследования понятия «эффективность права» с позиций теории права Л. Фуллера¹, признававшего наличие в праве одновременно элементов «сушего» (право есть результат действия социальных факторов) и «должного» (нормы права, соответствующие определенным требованиям, являются средствами достижения целей права).

О двуединой природе права говорил Аристотель, который рассматривал право как «политическую справедливость и норму политических отношений между людьми»². Он видел в праве два начала: естественное (то, которое везде имеет одинаковое значение и не зависит от его признания или непризнания, или право справедливости) и «условное» (позитивное), предполагающее право государства, выраженное в форме закона, установленного людьми.

В этом контексте, полагаем, необходимо рассмотреть категории «справедливость» как исходный элемент (цель) в понятии эффективности позитивного права и «средства», с помощью которых достигается главная цель права — справедливость. В итоге попытаемся определить понятие эффективности позитивного права и его составляющие, исследование которых в дальнейшем послужит ключом к разработке указанного понятия применительно к конкретно-историческим условиям.

По Аристотелю, понятие справедливости, лежащее в основе естественного права, рассматри-

валось как равная мера свободы каждого, а справедливое право считалось возможным лишь между свободными и равными людьми.

В отношении определения равенства согласимся с позицией И.А. Ильина, обосновывающего равенство людей на основе признания за каждым из них как разумным, живым существом, носящим в себе влечение к счастью и полноте духовного бытия, по справедливости равного притязания на жизнь, на удовлетворение, развитие своих благих способностей и на свободу добрых проявлений. Если люди и различны по своим реальным свойствам, то они равны по своему человеческому достоинству.

В этом смысле справедливое право, по И.А. Ильину, есть право, которое верно разрешает столкновение между естественным неравенством и духовным равенством людей, учитывая первое, но управляясь всегда от последнего³.

Категория свободы зачастую рассматривается в сочетании с категорией собственности, призванной к осуществлению потребностей индивидов. Собственность есть первое наличное бытие свободы⁴.

Известно, что абсолютно свободных людей, как и абсолютно равных между собой, не бывает (свобода каждого человека простирается лишь до тех пределов, у которых начинается свобода других людей). Так и право никогда не может стать вполне совершенным и справедливым⁵, ибо человеческие интересы не гармонируют между собой: немисливо поэтому, чтобы право когда-либо одновременно воздало должное всем законным интересам⁶.

Другой причиной относительности понятия справедливости и вытекающих из него категорий равенства и справедливости является специфика конкретной культуры, социальной среды, индивидуальной ситуации⁷.

Когда речь идет об особенностях культурной ситуации, то здесь можно говорить о различиях в понимании справедливости в традиционных и техногенных обществах⁸, в обществах с различными типами культурной ментальности и др.⁹

Специфика социальной среды может быть олицетворением социальной стратификации и происходящих в обществе процессов социальной мобильности¹⁰.

Отличительные особенности индивидуальной ситуации тесно взаимосвязаны с сознанием индивидов, в том числе с их правосознанием¹¹.

Третьей причиной относительности рассматриваемого понятия «справедливость» служат представления о государстве как справедливым или несправедливым¹² в зависимости от того, насколько оно отвечает интересам своих граждан и защищает их естественные права (на жизнь, собственность и т. д.).

Таким образом, перед нами возникает дилемма: с одной стороны, право (как должное) есть справедливость, нацеленная на предоставление равной меры свободы каждому с соблюдением баланса между естественным неравенством и духовным равенством людей. С другой стороны, мы имеем позитивное право, наличествующее в реальной жизни, сближение которого с описанным идеалом осложнено рядом причин (коллизиями интересов индивидов, спецификой конкретной культуры, социальной среды, индивидуальной ситуации, восприятием государства как справедливого или несправедливого).

Учитывая разделяемую нами позицию Л.С. Явича о многоуровневой сущности позитивного права¹³, сформулируем возможные «средства» (направления) достижения цели естественного права в позитивном.

Первое направление, которому соответствует юридическая сфера (**нормы права** как выражение государственной воли), по нашему мнению, должно коррелировать с совершенством юридического инструментария, способного учесть две другие сущностные составляющие права.

Второе направление, которому соответствует социально-экономическая сфера (**отношения собственности** в их вещном (материальном) содержании и волевом выражении), должно состоять в санкционировании государственной волей и отражении в юридической сфере отношений собственности, соответствующих интересам индивидов и социальных групп.

Третье направление, которому соответствует политическая сфера (притязания индивидов и со-

циальных групп на **признание их интересов**), должно отражать состояние общественного сознания, производное от отношений собственности, легитимизируемых государством.

Таким образом, на другой «чаше весов» мы получили совокупность **«средств»** достижения цели естественного права (справедливости) в позитивном: государственная воля, выраженная в нормах позитивного права, отношения собственности и состояние общественного сознания, находящиеся во взаимодействии.

Подходя к формулированию понятия эффективности позитивного права, закономерным будет напомнить об общефилософском характере использованной нами категории «взаимодействие», признаки которой были систематизированы Г.Ф. Гегелем: «а) одна сторона определения столь же причина... как и другая; б) причина полагает саму себя, и лишь это полагание есть ее бытие; в) это чистое чередование с самим собой есть, таким образом, раскрытая, или положенная необходимость»¹⁴.

Итак, по нашему мнению, **эффективность позитивного права** есть система взаимодействия между понятием справедливости и теми средствами, с помощью которых она достигается (нормы позитивного права, отношения собственности и состояние общественного сознания).

¹ См.: *Киреева И.Л.* Западно-европейская и американская политико-правовая мысль первой половины XX века об эффективности права и эффективности правовых норм // *Международные юридические чтения: Материалы науч.-практ. конф.* — Омск, 2004. — Ч. 1. — С. 102.

² См.: *История политических и правовых учений* / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. — М., 2002. — С. 62.

³ См.: *Ильин И.А.* Общее учение о праве и государстве // *Собр. соч.* В 10 т. — Т. 4. — М., 1994. — С. 79-80.

⁴ См.: *Баллаев А.Б.* Читая Маркса: Историко-философские очерки. — М., 2004. — С. 83.

⁵ См.: *Поляков А.В.* Общая теория права: (Феноменолого-коммуникативный подход): Курс лекций. — 2-е изд., доп. — СПб., 2003. — С. 337.

⁶ Там же. — С. 338.

⁷ Там же. — С. 479.

⁸ См.: *Степин В.С.* Судьба марксизма и будущее цивилизации (вместо заключения) // *Марксизм: рг и сопга.* — М., 1992. — С. 311-330.

⁹ См.: *Сорокин П.* Социальная и культурная динамика: (Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений) / Пер. с англ., комментарии и статья В.В. Сапова. — СПб., 2000. — С. 48-64.

¹⁰ См.: *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992. — С. 302, 373.

¹¹ См.: *Ильин И.А.* Указ. соч. — С. 310-376.

¹² См.: *История политических и правовых учений* / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. — М., 2002.

¹³ См.: *Явич Л.С.* Общая теория права. — Л., 1976. — С. 87-93.

¹⁴ *Гегель Г.Ф.* Энциклопедия философских наук. — Т. 1: Наука логики. — М., 1975. — С. 334-336.

РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА»

Т. Н. Мельникова

Обращение к вопросу определения понятия «судебная практика» обусловлено постоянно возрастающим интересом в последние годы к результатам деятельности судебных органов, а также природе судебных актов.

Споры ученых-юристов и многочисленные представления о судебной практике вызваны во многом отсутствием легального определения судебной практики в российской законодательстве, хотя упоминание о ней встречается в нем все чаще.

Так, Конституция Российской Федерации, используя понятие «судебная практика», не дает его расшифровки, устанавливая лишь, что Верховный суд Российской Федерации и Высший арбитражный суд Российской Федерации дают разъяснения по вопросам судебной практики (ст.ст. 126, 127). Помимо Конституции, это понятие широко используется в законодательстве о судебной системе и некоторых других законах: федеральных конституционных законах «Об арбитражных судах в Российской Федерации», «О судебной системе Российской Федерации», «О военных судах Российской Федерации», в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации, Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации, Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» и др.

В настоящее время в правовой науке нет единого мнения по вопросу определения понятия «судебная практика».

В XIX в. в российском правоведении среди авторов, не разделявших и не знавших философских воззрений диалектического материализма на практику, сложилось понимание судебной практики как результата деятельности судебных органов в виде устоявшейся линии по разрешению определенной категории дел¹. Придерживался таких воззрений и С.И. Вильянский, по мнению которого «судебная практика — это сложившиеся при разрешении судами однородных конкретных дел правовые положения, выработанные в результате единообразного и многократного применения норм к отношениям, не урегулированным с исчерпывающей ясностью или неполно урегулированным соответствующим законом»².

О.С. Иоффе писал, что «судебная практика — это обобщение выражения одной линии советских судебных органов при разрешении дел данной категории»³.

Своих сторонников эта точка зрения находит и в настоящее время. По мнению С.С. Алексева,

судебная практика представляет собой опыт применения юридических норм к конкретным жизненным ситуациям⁴. В.М. Лебедев полагает, что под судебной практикой понимается не деятельность судов по рассмотрению конкретных дел, а итог этой деятельности, т.е. опыт индивидуально-правовой деятельности судов, складывающийся в результате применения права при решении юридических дел⁵.

А.Б. Венгеров и С.Н. Братусь расширили понятие «судебная практика», указав на то, что она представляет собой единство: а) того вида судебной деятельности по применению правовых норм, который связан с выработкой правоположений на основе раскрытия смысла и содержания применяемых норм, а в необходимых случаях их конкретизации и детализации; и б) специфического результата этой деятельности (самих правоположений)⁶.

Солидарны с такой позицией В.Н. Карташов и В.И. Леушин, говоря о юридической практике как единстве правовой действительности и сформированного на ее основе социально-правового опыта⁷.

Ряд других авторов (И.Я. Дзюрягин, А. Герлох, В. Кнапп) под юридической практикой, к которой относится и судебная практика, подразумевают юридическую деятельность.

Как видим, в правовой науке используются многообразные определения понятия «судебная практика». Вместе с тем приведенные выше точки зрения позволяют выделить три направления его определения:

судебная практика — это деятельность;

судебная практика — это итоги деятельности;

судебная практика — это деятельность + ее итоги.

В.М. Сырых полагает, что выработать правильный подход к пониманию понятий «юридическая практика», «судебная практика», «правоприменительная практика» можно с учетом философского подхода к такой фундаментальной гносеологической категории, как «практика».

В соответствии с диалектическим материализмом «практика» (от греческого — действенный, деятельный, активный) представляет собой целенаправленную, чувственно-предметную коллективную деятельность людей, направленную на создание материальных благ, преобразование природы или общества⁸. При этом, как отмечает автор, практика не может сводиться к деятельности отдельной личности, государственных органов или государства в целом, а представляет собой предметно-практическую деятельность общества в це-

лом на всем протяжении его существования⁹. В связи с этим под судебной практикой В.М. Сырых подразумевает всю предметно-практическую деятельность судебных органов по разрешению уголовных и гражданских дел независимо от того, объективируются ее результаты в форме правоположений или просто решений по конкретным делам¹⁰.

Однако не все ученые-юристы согласны с тем, что любое судебное решение по конкретному делу можно отнести к судебной практике.

Например, С.Н. Братусь и А.Б. Венгеров решительно отвергают мысль о том, что к судебной практике относится любое решение народного суда, определение кассационной или надзорной судебной инстанции или даже сумма решений по конкретной группе дел. По их мнению, далеко не все определения судебных коллегий Верховных судов союзных республик, Верховного суда СССР и даже руководящие разъяснения пленумов этих судов и их постановления по отдельным делам могут быть включены в судебную практику. Так, не могут быть отнесены к судебной практике напоминания о содержании закона, равно как и изложение этого содержания¹¹.

Указанные авторы к судебной практике относят такие итоги судебной деятельности, которые представляют собой результаты толкования норм права в процессе их применения судом при разрешении конкретных дел. Эти результаты раскрывают и углубляют содержание применяемой нормы, конкретизируют ее в форме определенных положений своеобразного нормативного характера — правоположений. Конкретизирующее правоположение, на их взгляд, может быть сформулировано в постановлениях пленумов Верховных судов республики или Верховного суда страны на основе обобщения многочисленных решений по определенной группе дел, на основе решения, вынесенного высшими кассационными и надзорными судебными инстанциями или даже народным судом по конкретному делу. Решение, вынесенное по отдельному делу, становится правоположением лишь в том случае, если оно воспринято практикой и служит образцом для вынесения решений по однородным делам.

По нашему мнению, такая позиция авторов не вносит ясности в вопрос о том, какие результаты судебной деятельности, выраженные в судебных актах, следует относить к судебной практике, поскольку она рождает трудности при отнесении к судебной практике не только судебных решений районных судов, но и постановлений Пленума Верховного суда Российской Федерации. Кроме того, следуя этой позиции, основной массив судебных актов вообще не будет подпадать под понятие судебной практики.

В связи с изложенным полагаем более приемлемым взгляд на эту проблему В.М. Сырых, утверждающего, что решающим критерием отнесения той или иной деятельности к практике служит характер деятельности, а не ее результаты. Этим подходом следует руководствоваться и при характеристике судебной практики. Таким образом, обозначение судебной практики через всю деятельность судебных органов по отправлению правосудия соответствует философской категории практики и способствует успешному решению ряда проблем правовой науки. В частности, возможности изучения судебной деятельности в комплексе, во взаимосвязи с другими социальными факторами, что позволит поставить на научную основу изучение эффективности деятельности судебных органов и эффективности действия правовых норм¹².

Следует признать эту позицию более аргументированной, поскольку она не исключает из судебной практики результаты деятельности не только высших судебных инстанций, но и районных судов. К судебной практике относится весь массив судебных актов, что дает возможность глубоко и детально анализировать эту категорию, особенно в настоящее время, когда роль и значение судебной практики постоянно возрастают, поскольку она способствует развитию и совершенствованию законодательства в связи с тем, что законодателю не всегда удается учесть все многообразие отношений, подлежащих правовому регулированию.

¹ См.: Сырых В.М. Логические основания общей теории права: В 2-х т. — Т. 1: Элементный состав. — М., 2000. — С. 117.

² Вильнянский С.И. Лекции по советскому гражданскому праву. — Харьков, 1958. — С. 57, 60.

³ Иоффе О.С. Советское гражданское право. — Л., 1958. — С. 44.

⁴ См.: Алексеев С.С. Право: азбука-теория-философия. Опыт комплексного исследования. — М., 1999. — С. 117-118.

⁵ См.: Лебедев В.М. Становление и развитие судебной власти в Российской Федерации. — М., 2000. — С. 197.

⁶ См.: Судебная практика в советской правовой системе / Под ред. С.Н. Братуся. — М., 1975. — С. 16.

⁷ См.: Карташов В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. — Саратов, 1989. — С. 44; Леушин В.И. Юридическая практика в системе социалистических общественных отношений. — Красноярск, 1987. — С. 22.

⁸ См.: Сырых В.М. Логические основания общей теории права: В 2-х т. — Т. 1: Элементный состав. — М., 2000. — С. 115.

⁹ Там же. — С. 116.

¹⁰ Там же. — С. 119.

¹¹ См.: Судебная практика в советской правовой системе / Под ред. С.Н. Братуся. — М., 1975. — С. 8-9.

¹² См.: Сырых В.М. Указ. соч. — С. 121.

ЛИЧНОСТЬ И ПЕРЕХОДНЫЕ СОСТОЯНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ: ПРОБЛЕМА ХАРИЗМАТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

В. В. Огородников

Проблема харизматического лидерства в переходный период достаточно исследована в научной литературе. Основные взгляды относятся к западной политологической и социологической науке (Х. Арендт, Г. Лебон, К. Манхейм, Ф. Ницше, В. Райх, А. де Токвиль, Л. Февр, З. Фрейд, Э. Фромм, О. Шпенглер, К. Ясперс и др.)¹.

Характерной чертой исследования харизматического лидерства в XX в. можно признать попытки осмысления данного феномена как неизбежного следствия эпохи масс, массового сознания, массовой политической культуры. О. В. Данилевская утверждает, что XX в. «признанно считается веком харизматических личностей, но не менее часто он называется и веком толп. Обилие «великих» появилось именно в эпоху «массовости» не случайно. Существует прямая зависимость между этими двумя обстоятельствами»².

Представляется важным не только изучение закономерностей установления харизматического лидерства вследствие «восстания масс» в XX в., массовых предпочтений, традиций, обычаев, менталитета, но и тщательный анализ влияния процессов взаимодействия между обществом и государством на становление харизматических лидеров. Остро необходим ответ на вопрос, *почему все переходные состояния политических режимов неразрывно связаны с харизматическим лидерством?* Почему кризисные, нестабильные состояния политической системы приводят к активизации лидерских начал отдельных личностей? Почему в определенный исторический период общество и государство обречены на господство одной человеческой воли? Почему в определенные моменты харизматический тип легитимации власти становится преобладающим над остальными типами? Социологический и политологический анализ национальных и культурных традиций отдельных государств и народов не дает полного представления о лидерстве в переходных состояниях политических режимов. Исследование переходных состояний политических режимов предполагает познание взаимодействия личности и государства, субъективного и объективного начал в зависимости от традиций, менталитета, культуры. Возникает вопрос, почему объективный исторический процесс государственной жизни подменяется субъективной волей А. Македонского, Луи Бонапарта, В. И. Ленина, И. В. Сталина, А. Гитлера, Б. Муссо-

лини и др. Переходные состояния политических режимов представляют собой столкновение прошлых и нарождающихся общественных отношений, когда нарушаются основные принципы взаимодействия между личностью, обществом и государством.

Причиной появления харизматических лидеров следует считать поляризацию и дистанцирование между обществом и государством в переходном состоянии политического режима. Нарушение общественных связей в эпохи политических кризисов и утрата необходимого государственного влияния и поддержки либо чрезмерное государственное вмешательство порождают кризис индивидуального сознания, потерю жизненных ориентиров. Человек в такое время существует между двумя полюсами, соперничающими и противостоящими друг другу и не получает должных ответов на интересующие его вопросы. И общество, и государство в переходных состояниях политических режимов заняты решением своих глобальных проблем в экономике и политике, а отдельный человек и его психология остаются в стороне. Следствием становится появление массового сознания, включения в общественные процессы менталитета и культурных традиций, желания упорядоченности социальной и политической сфер любой ценой. В итоге, «массовый человек», слабый перед политическим и общественным кризисом, подвергается психологической зависимости от лидера партии, группы, государства. Отдельные авторы подтверждают обоснованность этих исторических выводов: «К числу ситуационных факторов, воздействующих на психологию и деятельность лидера, в первую очередь, очевидно, должны быть отнесены характер политического строя и политическая культура данной страны»³. О. В. Данилевская приходит к выводу, что «те или иные черты лидера обуславливаются социальным заказом эпохи. Авторитарное сознание русского народа, усугубленное диктатурой, сопровождающей всякую массовую утопию, предопределило экстремистское развитие истории отечества в двадцатом веке... Такие фигуры, как Гитлер и Сталин, были востребованы в массе населения, став «волшебными помощниками» и дав этой безликой массе направление и назначение»⁴. «Личность лидера играла в политической культуре России центральную роль, институции — второстепенную»⁵.

Общим выводом может служить тот факт, что авторитарные традиции вскрываются в период

политического и общественного кризиса и приводят к доминированию режима личной власти. Особо авторитарные тенденции характерны для народов, государство которых на протяжении длительных исторических периодов имело главенствующее значение над обществом в основных сферах общественного и государственного взаимодействия, замедлявшее темпы становления гражданского общества. Следствием стало выпадение этих народов и государств из всеобщего временного ритма, неразвитость демократических институтов и обреченность на переходные процессы в режиме жесткой единоличной власти. Г. Гилберт формулирует следующий вывод: «Традиция подчинения деспотизму, преобладавшая веками в Германии, России, Испании и Италии, оставила слишком сильный след среди народов и их потенциальных лидеров, для того чтобы его отвергнуть ради золотого века демократии»⁶.

Харизматическое лидерство в переходных состояниях политических режимов закономерно обусловлено, так как относительная стабильность может быть обеспечена путем централизованной единоличной власти. Разобщенность социальных интересов в таких состояниях преодолевается с помощью централизации интересов государства. Другой стороной переходных процессов является естественная психологическая зависимость населения от сильного руководства страны в целях наведения элементарного государственного порядка. Политические игры и распри в вопросах перераспределения власти, собственности, финансов, не улучшающие условия жизни отдельного человека, порождают «политическую апатию» населения, снижение общественного внимания к действиям на политической арене. Появление в такое время лидера воспринимается как благодатный исход политической борьбы и пророчество ближайшей централизации и стабилизации.

Обратим внимание еще на одну особенность. *Политические события переходных состояний политических режимов, например, реформы, революции, государственные перевороты и др.; в общественном сознании фиксируются в непрерывной связи с деятельностью отдельных личностей* (реформы Петра I, Александра II, Витте, Столыпина, переворот Пиночета в Чили, «хрущевская оттепель»). Почему? Высочайшее социальное напряжение в эти периоды могло быть разрешено только через политическое лидерство. Иначе история превратилась бы в безликую повседневность. Преобразовательная деятельность стала возможной при непосредственной «власти одного».

Таким образом, единоличная власть — один из способов разрешения противоречий между обществом и государством в моменты наивысшего обострения конфликта между ними.

Величайшая опасность харизматического лидерства в том, что индивидуальное поведение непредсказуемо и может быть даже опасно в масштабах общества и государства.

Достаточно отметить, что общество не застраховано от социально-вредного поведения создаваемых им лидеров. Зависимость «всех» от настроения «одного» на протяжении длительного времени — источник тоталитаризма. «Власть одного» как признак переходного состояния политического режима должна иметь экстренный, краткосрочный характер и направлена на решение конкретных задач, т. е. должна быть разумной и обоснованной. В противном случае идет процесс тоталитарной стабилизации, всеобщего застоя. Авторитарное переходное состояние политического режима сменяется консервативным тоталитаризмом. В этом основная опасность авторитарных переходных состояний политических режимов в XX в. Диктаторский авторитаризм в России после Великой Октябрьской революции 1917 г. заменяется после смерти Ленина тоталитаризмом Сталина по причине длительной продолжительности переходных процессов, отсутствия стабилизации. Революционный конфликт не получает должного разрешения, социальная напряженность не снижается, политическая сфера не укрепляется. Необратимое следствие — тоталитаризм, при котором психология «одного» вообще не управляема.

Харизматическое лидерство может быть и искусственно поддерживаемым. Особенно это характерно для современных переходных состояний политических режимов. Лидер сознательно идет на политическую конфронтацию, создавая «образ врага» и тем самым привлекая к себе общественное внимание и поддержку. Создается временное видимое противоречие, необходимое лидеру для увеличения своего авторитета. Причем такой способ политической борьбы прослеживается не только в консолидирующихся демократиях, но и в других государствах (например, Россия).

Подведем некоторые итоги.

Харизматическое лидерство — естественный способ разрешения противоречий между обществом и государством в переходном состоянии политического режима. В переходных состояниях политических режимов прослеживается прямая психологическая зависимость населения от лидеров. Массовое сознание, вызываемое политическим кризисом, включает в действие предшествующий исторический и культурный опыт нации в разрешении общественных противоречий. Довольно часто опыт основан на политической власти одного лица.

¹ См., напр.: *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. — М., 1996; *Лебон Г.* Психология народов и масс. — СПб., 1995;

Манхейм К. Диагноз нашего времени. — М., 1994; Ницше Ф. Так говорил Заратустра. — М., 1990; Райх В. Психология масс и фашизм. — СПб.-М., 1997; Токвиль А. Демократия в Америке. — М., 1992; Фрейд З. Психология масс и анализ «Я». — М., 1925; Фромм Э. Бегство от свободы. — М., 1995; Февр Л. Бои за историю. — М., 1991; Шпенглер О. Закат Европы. — Новосибирск, 1993; Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М., 1994.

² Данилевская О.В. Теория и практика харизматического лидерства. Опыт двадцатого века: Дис... канд. полит. наук. — СПб., 1999. — С. 3.

³ Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. — М., 1996. — С. 212.

⁴ Данилевская О.Я. Указ. соч. — С. 172.

⁵ Личность и власть: интеркультурный диалог. — М., 1998. — С. 21.

⁶ Gilbert G. The psychology of dictatorship. — N.Y., 1950. — P. 12.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВИННОЙ МОНОПОЛИИ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

А. Г. Быкова

Проблема алкоголизма в российской повседневности всегда была актуальной. На протяжении XIX – XX вв. она неоднократно становилась предметом научных исследований ученых различных специальностей — юристов, медиков, историков, социологов, демографов и т.д. Тем не менее проблема государственно-правового регулирования производства и торговли спиртными напитками в России в первой четверти XIX в. до сих пор не стала предметом системного и комплексного изучения.

Для упорядочивания системы производства и продажи вина министр финансов Д.А. Гурьев в 1817 г. представил на утверждение императора новый Устав о питейном сборе, который был утвержден 2 апреля 1817 г. Александром I. Причина введения нового Устава виделась в том, что «опыт многих лет показал не состоятельность существующих правил. Этот способ получения казенных доходов был сопряжен крайними для народа отягощениями и неблагонадежен для казны»¹.

Устав состоял из манифеста и двух частей. В манифесте раскрывались причины уничтожения прежней системы и введения новых правил. Первая часть включала в себя собственно Устав о питейном сборе, вторая — Устав об образовании Управления питейного сбора в 29 великорусских губерниях. Характерной особенностью нового Устава является то, что многие нормы были незавершенными и предусматривали дальнейшую доработку (§ 98, 118 и др.).

Согласно новому Уставу о питейном сборе в 29 губерниях страны устанавливалась новая казенная винная система. Питейные сборы взимались с хлебных вин и водок, фруктовых, виноградных водок и водок, выкуранных из сахарных остатков, пива

и меда, не только российского, но и иностранного производства (ст. 1). Каждый вид напитков должен был производиться на соответствующих заводах. Для производства и продажи каждого вида спиртных напитков были разработаны особые правила.

Правом винокурения пользовались дворяне и чиновники, войсковые обыватели, колонисты и другие поселенцы. В отличие от Положения 1795 г. Устав 1817 г. существенно увеличивал нормы выкурки вина с 90 ведер до 2000 ведер ежегодно. Заводчик должен был заключить с Казенной Палатой контракт на поставку вина в казенные магазины.

Форма контракта была введена 11 июня 1817 г. специальным сенатским указом «О форме контракта на поставку вина в казну»². В преамбуле к Указу предписывалось заключать контракты на поставку вина с казенных и частных винокуренных заводов в тех губерниях, на которые распространялся Устав о питейном сборе. Несмотря на то, что предписывалось ввести контракты только на 1819 и 1820 гг., фактически они просуществовали до 1914 г. Особо оговаривалась недопустимость отступления от установленной законом формы контракта. Контракт состоял из 18 пунктов, и бланк печатался на гербовой бумаге. Контракт заключался между казенной палатой и винокуром. Согласно заключенному контракту винокур обязывался выкурить на собственном или находящемся на его содержании винокуренном заводе и поставить в казенные винные магазины определенное количество ведер полугарного вина³. За поставленное вино винокур получал четко фиксированную плату. При этом одна треть вознаграждения являлась залогом за вино годовой пропорции следующего года. Перевозить вино в винные магазины винокур обязывался в

бочках с наклеенным ярлыком. Поставленное в магазин вино должно было пройти испытание «на доброту». В случае некачественности вина надзиратель питейного сбора в присутствии поставщика обязан был перевести вино на испытание в Казенную палату. Издержки за испытание и перевоз вина возлагались на винокура, в случае признания некачественности вина, и на Казенную палату, в случае необоснованных претензий к «доброте» вина. По окончании срока действия контракта винокуру возвращался залог, а также Казенная палата выдавала ему аттестат о исправном выполнении контракта. В случае смерти винокура выполнение контракта переносилось на его наследников. В примечании к пункту 18 оговаривались условия передачи обязанностей по контракту от одного лица к другому. Примечание вступало в силу в случае передачи владельцем или держателем винокурного завода другому лицу.

Согласно Уставу о питейном сборе правом изготовления хлебных водок обладали дворяне и чиновники обер-офицерских классов, купцы 1 и 2 гильдий. Для изготовления хлебных водок вино приобреталось только в казенных винных магазинах. В первой половине XIX в. на водочных заводах изготавливались водки: ординарные, подслащенные медом или сахаром, с разными специями, бальзам, коньяк, ром, ликер, ратафии⁴, наливки «высшей доброты».

Заниматься изготовлением пива и меда могли дворяне и чиновники, купцы всех гильдий, мещане и торгующие крестьяне. В свидетельстве на право пивоварения или медоварения указывались сорт напитка (пиво русское крепкое или легкое, пиво на английский манер, портер, мед), какой объем напитков пивовар мог производить и т.п.

В России было распространено домашнее пивоварение. Для «узаконения» данного явления Устав о питейном сборе особо оговаривал, что изготовление пива и меда для «домашнего обихода в селах и деревнях может производиться свободно».

Устав вводил и акциз на пиво, мед, виноградные и фруктовые водки. Пивоваренные заводы были обложены специальным акцизом, исходя из объемов пивоваренных котлов. В столицах — Москве и Санкт-Петербурге — 12000 руб. с котла в 72 ведра⁵ для высших сортов и 6000 руб. для меда и низших сортов спиртных напитков. С водок взимался акциз в 6 руб. с ведра, с кизлярских напитков — 2 руб. с ведра.

Оптовая продажа крепких напитков осуществлялась винокурными и водочными заводами, пивоварнями (число последних не ограничивалось). Заводчики могли продавать водку, вино и пиво по свободной цене. Раздробительную торговлю спиртными напитками казна передавала в частные руки. При этом существенно ограничивалось число мест раздробительной торговли (питейные

дома, ведерные, винные, портерные, маркитанские и пивные лавки, трактиры, гостиницы при почтовых станциях, ренсковые погреба с правом продажи вина на вынос и распивочно, постоялые дворы, корчмы, буфеты и др.).

Торговать в казенных магазинах имели право только винные приставы. При этом оговаривалось, что одному лицу не должно принадлежать более двух заведений. Казенное вино должно было продаваться только в казенных винных лавках. В каждом городе Российской империи (обязательно) открывалась одна казенная винная лавка. В казенных винных лавках вино продавалось оптом: бочками⁶ (вино — не менее 40 ведер, водка — 200 ведер) и ведрами по 7 руб. ассигнациями, а в дальнейшем — по 8 руб. ассигнациями. Продажа вина в казенных винных лавках производилась летом с 8 ч. утра до 20 ч. вечера, зимой с 9 ч. до 16 ч. без выходных. Устав вводил некоторые послабления для продавцов казенных винных лавок. Поскольку они обязаны были продавать в своих заведениях казенное вино, не получая при этом прибыли, то им было разрешено продавать на 2 руб. дороже настойки и наливки, а простое пиво, медовые и хлебные водки по свободной цене.

В соответствии с Правилами о продаже из питейных домов торговать в питейных домах могли виноторговцы: купцы 3 гильдии, мещане и крестьяне (казенные, удельные и помещичьи). Особо оговаривалось, какие напитки могли продаваться в питейных домах. Питейные дома были открыты с «восхода солнца» до 22 ч., в воскресенье и праздничные дни они открывались только после окончания божественной литургии.

Содержать ренсковые погреба, портерные лавки, трактиры и другие заведения с раздробительной продажей могли лица, имеющие свидетельство на право торговли. Свидетельства выдавались Казенной палатой на один год. В нем указывались: фамилия, имя, отчество держателя, место расположения заведения и виды спиртных напитков, которые разрешены для данного типа заведений.

Третья глава Устава о питейном сборе устанавливала ответственность за нарушение его правил. Она включала в себя ответственность за нарушение общих положений (отдел I), за производство питейной продажи в местах, не установленных уставом (отдел II), за нарушение правил продажи вина с винокурных (отдел III), водочных заводов (отделы IV – V) и пивоварен (отдел VI), из казенных магазинов (отдел VII), питейных домов (отдел VIII), ренсковых погребов (отдел IX), портерных лавок (отдел X) и других заведений (отдел XI).

Устав вводил новое управление винной системой — Управление питейного сбора, которое включало:

1) Главное управление питейного сбора во всех 29 губерниях. Оно находилось в ведении министра

финансов, а все дела решали во втором отделе Департамента разных податей и сборов;

2) губернские управления питейными сборами, которые входили в состав Казенных палат;

3) управление в каждом городе с уездом возлагалось на уездное управление питейного сбора.

В составе управлений значились управляющие питейными сборами, винные приставы и помощники. Главное управление питейного сбора и его местные отделы занимались а) заключением подрядов с владельцами частных винокурных, водочных заводов и пивоварен на изготовление соответствующих спиртных напитков, хранением их в магазинах, арендой помещений под казенные винные магазины, кадровыми вопросами, сбором сведений о количестве изготавливаемых напитков, торговых оборотах винных магазинов, питейных домов и др.; б) наблюдением за своевременными поступлениями в казну акцизных сборов, выдачей ярлыков установленного образца на провоз вина и водок в другие губернии; в) рассмотрением дел о нарушениях статей Устава, своевременным взысканием штрафов и др.

Для регулирования системы производства и продажи вина в остальных губерниях именованным указом, данным Сенату 22 августа 1817 г. «Об отдале на откуп питейного сбора в Сибирских, Новороссийских, Малороссийских и Западных Губерниях» вводился питейный откуп с 1819 по 1822 г.⁷ Этот документ существенно отличался от Устава. Он состоял из 7 пунктов и включал в себя общие положения по организации питейных торгов на откуп. Согласно этому документу на 15 января 1818 г. в Правительствующем Сенате назначались торги. В сем желающим участвовать в них предлагалось предоставить свои замечания и дополнения к условиям существования откупов в двухнедельный срок.

Существенно дополняли Устав о питейном сборе изданные 1 января 1818 г. Условия на содержание питейных сборов в трех новороссийских губерниях, трех сибирских губерниях, двух малороссийских и семи западных губерниях с 1 января 1819 по 1823 г.⁸ В трех новороссийских губерниях питейный сбор делился на две части: питейный сбор с вина, водок и наливок, и сбор с чарочной продажи. В остальных губерниях питейная продажа отдавалась на откуп по территориальному признаку — каждый город с уездом составлял один питейный откуп. Пития, отдаваемые на откуп, продавались по фиксированным ценам.

Устав о питейном сборе 1817 г. был существенно дополнен и изменен Проектом дополнительных статей к Уставу о питейном сборе в 29 великороссийских губерниях⁹. С 1 января 1820 г. в 29 великороссийских губерниях вводилась казенная и «вольная» продажа питей.

Казенная продажа вина осуществлялась из казенных винных магазинов. Право открывать и закрывать казенные винные магазины предоставлялось министру финансов. Каждый казенный магазин находился в ведении винного пристава. Из казенных винных магазинов вино продавалось только виноторговцам, водочным заводчикам и частным лицам. Винопродавцам имели право отпускать только полугарное вино. Водочным заводчикам, кроме полугара, разрешалось приобретать и спирты разной крепости, для производства водки. Частные лица могли приобретать только пенное¹⁰ и полугарное вино. В казенных винных лавках спиртные напитки отпускались только оптом — бочками, ведрами, полуведрами, четвертями ведер и штофами. Распивочная продажа вина не допускалась.

Вольная продажа вина осуществлялась из питейных домов и временных выставок. Согласно новому постановлению разрешалось содержать только один питейный дом. В питейных домах и временных выставках осуществлялась чарочная, ведерная или «другими оптовыми количествами» продажа вина. Во время покупки вина покупатель сам отмерял необходимое количество вина с помощью «казенных мер». За владение этими «казенными мерами» содержатель питейного дома или временной выставки был обязан платить в Уездное или Губернское правление питейного сбора определенную сумму, указанную в свидетельстве на право содержания питейного дома или временной выставки.

Проект дополнительных статей изменил условия продления действия свидетельств на право содержания питейных домов или временных выставок. Если раньше свидетельство выдавалось только на один год и по истечении его необходимо было приобретать новое, то теперь по истечении годового срока действия содержатель питейного дома или временной выставки мог пользоваться им «постоянно и непрерывно столько времени, сколько сам пожелает, возобновляя его»¹¹.

Введение в действие «Проекта дополнительных статей к Уставу о питейном сборе в 29 великороссийских губерниях» ознаменовало собой установление государственной водочной монополии по всей России¹², за исключением Сибири, где борются со злоупотреблением откупщиков правительство было не в силах. По Указу государство оставляло за собой производство водки и ее оптовую продажу, передавая в частные руки только розницу. Это не было полной монополией. Для того, чтобы предупредить спекуляцию государственной водкой, была установлена твердая цена на нее по всей империи — 7 рублей ассигнациями за ведро.

За время действия казенной продажи вина значительно сократилось потребление спиртных напитков с 18 млн. ведер в 1819 г. до 12 млн. ведер в 1826 г.¹³

Негативными последствиями системы казенной продажи вина были постоянные нарушения Устава о питейном сборе 1817 г. В результате Министерство финансов разработало новый законопроект, который возвращал к жизни старую откупную систему производства и продажи спиртных напитков. Закон был одобрен 30 октября 1826 г. Николаем I¹⁴. С января 1827 г. в Российской империи вводилась откупная система, которая просуществовала до 1863 г.

¹ См.: *Устав о питейном сборе и учреждении для Управления питейного сбора в 29 великорусских губерниях на основании устава // Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ) с 1649 г. Соб. 1. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. — Т. XXXIV. — №26764 (2 апреля 1817 г.). — С. 134.*

² *Сенатский*. О форме контракта на поставку вина в казну // ПСЗ. Соб. 1. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. — Т. XXXIV. — №26918 (11 июня 1817 г.). — С. 381-384.

³ Полулар или полугарное вино — спирт, разбавленный на одну четверть чистой холодной водой. Обычно на три ведра спирта шло одно ведро воды. Полученная смесь и носила название полулара. После обычного оставления смеси следовала техническая проба на качество. Напиток наливался в особый металлический цилиндр — отжигательницу. Смесь поджигалась. По окончании горения остаток выливался в специальный металлический стакан, имевший ровно половину объема отжигательницы. Если стакан заполнялся после выжигания полностью, то полулар считался нормального качества. Простота этой операции имела немаловажное значение для поддержания единого стандарта выпускаемой водки.

⁴ Ратафия — алкогольный напиток, полученный на основе четверенного спирта. Ратафии делились на две группы — ароматизированные и сладкие. Они подкрашивались ягодными сиропами или иными растительными экстрактами.

⁵ Ведро — единица объема жидкости. В разные времена ведро имело и разные емкости. В X веке его объем был от 12 до 14 литров в зависимости от губерний. В то же время ведро было основой, которая подразделялась на ряд более мелких единиц, особенно употребляемых в быту и мелкой торговле. В XII в. существовали меры — ведро питейного меда, ведро церковного вина, а с XVI в., когда начинается массовая торговля водкой, появляется термин «указного ведра». Оно равнялось 12 кружкам. В кружку входило 1,1 литра водки. В то же время встречается и термин «винное ведро», также равное 12 кружкам. В XVII в. объем винного ведра остается прежним, зато «толстее» кружка. Теперь ведро состоит из 10 кружек. С 1621 года винное ведро получает название ведра дворцового. Оно же называется еще питейной мерой или московским ведром, которое является самым маленьким по объему ведром в России. В него входит 12 литров, в то время как в других областях ведро все еще вмещает от 12,5 до 14 литров. С XVI в. начинают точные меры разделения ведра на более мелкие емкости. Ведро вмещает 10 стоп, или 100 чарок. Хотя надо заметить, что речь еще идет не о московском, а об обычном ведре. В XVII в. ведро делится на 10 и

100 частей и составляет десятичную систему, которой не существовало во всей Европе.

⁶ Бочка — крупная мера объема жидкостей. С 1720 г. использовалась бочка-сороковка, в которую вмещалось ровно сорок ведер (48 литров). Но эта бочка использовалась как мера зерна, воды и отчасти для водки. С 1744 г. в обиход вводится указная бочка, предназначенная только для водки. В нее вмещается тридцать ведер хлебного вина. Кроме того, использовался и водочный бочонок емкостью 5 ведер, в который разливалась только водка высших сортов. Наряду с этими бочками существовала и винная беремная бочка, равная 10 ведам. В полуберемную вмещалось 5 ведер. В дальнейшем крупные меры жидкостей в виде бочек начинают делаться по пятикратной системе — на 5, 10, 20, 30 и 40 ведер.

⁷ См.: *Именной*, данный Сенату. Об отдаче на откуп питейного сбора в Сибирских, Новороссийских, Малороссийских и Западных губерниях // ПСЗ. Соб. 1. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. — Т. XXXIV. — № 27008 (22 августа 1817 г.). — С. 894-491.

⁸ См.: *Условия* на содержание питейных сборов в трех новороссийских губерниях, с 1 января 1819 по 1823 гг. // ПСЗ. Соб. 1. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. — Т. XXXV. — № 27210 (1 января 1818 г.). — С. 1-21; *Условия* на содержание питейных сборов в трех сибирских губерниях, с 1 января 1819 по 1823 гг. // ПСЗ. Соб. 1. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. — Т. XXXV. — № 27211. (1 января 1818 г.). — С. 21-37; *Условия* на питейный откуп с 1 января 1819 по 1823 гг. в двух малороссийских и семи западных губерниях // ПСЗ. Соб. 1. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. — Т. XXXV. — № 27212 (1 января 1818 г.). — С. 37-47.

⁹ См.: *Именной* указ, данный Сенату. Высочайше утвержденный Проект дополнительных статей к Уставу о питейном сборе в 29 великороссийских губерниях и к учреждению для управления оного // ПСЗ. Соб. 1. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. — Т. XXXVI. — №28034 (17 декабря 1819 г.). — С. 501-509.

¹⁰ Пенное вино — лучший сорт водки, которая получалась из простого вина. В винокуренной промышленности — первая фракция при перегонке вина.

¹¹ ПСЗ. Соб. 1. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. — Т. XXXVI. — №28034 (17 декабря 1819 г.). — С. 503.

¹² Государственная водочная монополия была отменена в 1828 г. Сенатский, с прописанием именного повеления. Пояснение условий на питейные откупа с 1827 по 1831 год в великороссийских губерниях. // ПСЗ. Соб. 2. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. — Т. III. — № 2028 (15 мая 1828 г.). — С. 536-541.

¹³ См.: *Осипов Н.О.* Исторический очерк взимания питейных сборов в России // Казенная продажа вина. — СПб.: Главное Управление неокладных сборов и казенной продажи питей, 1900. — Приложение. — С.13.

¹⁴ См.: *Об условиях* на откупа питейного сбора с 1827 по 1831 гг. по губерниям: малороссийским, западным, новороссийским, сибирским и Омской области, также по городу Одессе и по округам Военных поселений // ПСЗ. Соб. 2. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. — Т. I. Отд. 1. — № 641 (30 октября 1826 г.). — С. 1061-1079.

Конституционное, административное, информационное право

КОНСТИТУЦИОННАЯ СИСТЕМА И СТРУКТУРА ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Р. А. Баширов

Концепция исполнительной власти, воспринятая Конституцией Российской Федерации 1993 г., принципиально отличается от положений, содержащихся в ранее действовавшей Конституции РСФСР 1978 г. При этом положения Конституции Российской Федерации относительно органов исполнительной власти весьма лаконичны и не дают полного представления об их системе.

Основы современного конституционного статуса органов исполнительной власти в целом могут быть охарактеризованы незначительным числом общих позиций. Исходным является тот факт, что, представляя собой одну из ветвей единой государственной власти, они пользуются относительной юридической самостоятельностью в осуществлении исполнительной власти в отношениях с субъектами и законодательной, и судебной властей.

Ознакомление с юридической литературой советского периода показывает, что вопрос об органах государственного управления исследовался в ней достаточно широко. Основные аспекты были достаточно полно освещены в работах В. А. Власова, Н. А. Волкова, Ю. М. Козлова, А. Е. Лунева, В. М. Манохина, А. И. Менабде, Е. В. Шориной, Ц. А. Ямпольской¹. Однако современная конструкция исполнительной власти в России кардинально отличается от советской системы, что связано с «изменившейся политической и экономической реальностью»².

Нормативным основанием для определения системы органов исполнительной власти является Конституция Российской Федерации, которая определяет исполнительную власть как самостоятельную (ст. 10), вводит такие понятия, как система федеральных органов исполнительной власти (п. «г»

ст. 71), федеральные органы исполнительной власти (ч. 2 ст. 77) и территориальные органы федеральных органов исполнительной власти (ч. 1 ст. 78), органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации (ч. 2 ст. 77, чч. 2 и 3 ст. 78) и исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации (ч. 2 ст. 95), единая система исполнительной власти (ч. 2 ст. 77), а также структура федеральных органов исполнительной власти (ч. 1 ст. 112).

Для концепции развития системы исполнительной власти важным является вопрос, касающийся понимания самой системы данной ветви власти и условий, влияющих на ее нормальное функционирование. За последнее десятилетие (со времени принятия Конституции Российской Федерации 1993 г.) система федеральных органов исполнительной власти реформировалась неоднократно. Анализ нормативных правовых актов в рассматриваемой сфере общественных отношений свидетельствует, что в ряде случаев изменения отдельных структурных подразделений этой системы были неоправданными и не были вызваны объективной необходимостью, отсутствовало организационно-правовое обоснование реорганизации органов исполнительной власти. Все это приводило к нестабильности системы исполнительной власти. Несовершенство системы исполнительной власти, как отмечается в современных исследованиях, требует выработки научных критериев ее понимания³.

Систему федеральных органов исполнительной власти в зависимости от их организационно-правовых форм можно определить на основе совокупности нормативных правовых актов: Конституции Российской Федерации, Федерального кон-

ституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» и указов Президента Российской Федерации «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» от 9 марта 2004 г. № 3 14 (ред. 20 мая 2004 г.)⁴ и «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти» от 20 мая 2004 г. № 649⁵.

Анализ перечисленных нормативных правовых актов в их единстве позволяет сделать вывод о том, что систему федеральных органов исполнительной власти образуют Правительство Российской Федерации, федеральные министерства, федеральные службы, федеральные агентства, а также территориальные органы федеральных органов исполнительной власти.

Система органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации согласно ч. 1 ст. 77 Конституции Российской Федерации определена Федеральным законом «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»⁶ и учредительными актами субъектов Российской Федерации. Эту систему образуют высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации и иные органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации.

Следует отметить, что конституционное законодательство не дает четкого определения понятий «система» и «структура» органов исполнительной власти. По справедливому утверждению Н.А. Игнатюк, «в постсоветский период использование определений «система» и «структура» федеральных органов исполнительной власти на практике не имеет точного законодательного закрепления, довольно часто они используются не по их прямому назначению, встречаются случаи смешивания этих понятий и неправильного их применения в нормативных правовых актах Российской Федерации»⁷.

Большое количество нормативных правовых актов, касающихся исполнительной власти Российской Федерации, привело к тому, что в них произошло смешение ключевых понятий «системы» и «структуры» федеральных органов исполнительной власти.

Вследствие спора между Государственной Думой Федерального Собрания и Президентом Российской Федерации относительно содержания конституционных понятий «система федеральных органов исполнительной власти» и «структура федеральных органов исполнительной власти» Конституционный суд Российской Федерации дал толкование пункта «г» статьи 71, части 1 статьи 76 и части 1 статьи 112 Конституции Российской Федерации⁸.

Анализ названного постановления Конституционного суда свидетельствует о том, что судеб-

ный орган конституционного контроля дал системное толкование соответствующих конституционных норм. Конституционный суд указал, что, будучи составным элементом единой системы федеральных органов государственной власти, федеральные органы исполнительной власти также представляют собой определенную систему с собственной структурой. При этом на конституционном уровне полный перечень федеральных органов исполнительной власти не устанавливается. Конституция Российской Федерации применительно к системе федеральных органов исполнительной власти регламентирует лишь вопросы организации и деятельности Правительства, осуществляющего исполнительную власть, устанавливает состав Правительства, а также предусматривает полномочие федеральных органов исполнительной власти создавать свои территориальные органы.

В отношении того, каким актом должна утверждаться система федеральных органов исполнительной власти — федеральным законом или Указом Президента — Конституционный суд подтвердил свою правовую позицию, которая ранее была им сформулирована в постановлении от 9 января 1998 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации»⁹. В частности, отнесение вопроса к ведению Российской Федерации означает, что регулироваться он может не только федеральным законом, но и другими видами нормативных правовых актов, однако такого рода акты не могут противоречить Конституции Российской Федерации. Только в тех случаях, когда Конституция для решения вопроса требует издать федеральный конституционный закон или федеральный закон, правовое регулирование иным актом исключается.

Таким образом, Конституционный суд подтвердил легитимность указов Президента Российской Федерации «О системе федеральных органов исполнительной власти» от 14 августа 1996 г. № 1176¹⁰ и «О структуре федеральных органов исполнительной власти» от 22 сентября 1998 г. № 1142¹¹, которые действовали на тот период времени. Вместе с тем Конституционный суд указал на возможность регулирования вопросов, касающихся системы федеральных органов исполнительной власти, федеральным законодателем.

В юридической литературе высказывается мнение о необходимости разработки и принятия федерального закона о федеральных органах исполнительной власти Российской Федерации¹². По мнению В.А. Зимина, система исполнительной власти не может считаться завершённой в своем формировании без наличия законов и подзаконных актов на их основе, системно охватывающих все параметры правового статуса органов исполнительной власти и структурных элементов каждого органа в

отдельности¹³. Укажем, что в настоящее время проект Федерального закона «О федеральных органах исполнительной власти Российской Федерации» разработан Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации¹⁴.

Иной позиции придерживается Ю.М. Козлов, считающий, что утверждение и изменение законодателем перечня центральных органов государственного управления является «перебором» и «узурпированием» функций исполнительной власти¹⁵.

Полагаем, что регулирование структуры федеральных органов исполнительной власти непосредственно нормативным правовым актом Президента закономерно, поскольку эта структура представляется Председателем Правительства именно Президенту. При определении этой структуры Председатель Правительства должен исходить из задач и полномочий Правительства по осуществлению исполнительной власти. В то же время Конституционный суд констатировал наличие существенного ограничения для свободного усмотрения Председателя Правительства и Президента в этом вопросе, а именно: структура федеральных органов исполнительной власти может устанавливаться или реорганизовываться только в пределах бюджетных ассигнований, выделенных на соответствующие цели федеральным законом о бюджете на текущий год.

Анализ решения Конституционного суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 2-П в нормативном единстве с нормами бюджетного законодательства дает основание полагать, что в формировании системы и структуры федеральных органов исполнительной власти участвуют не только Председатель Правительства и Президент, но и Федеральное Собрание.

Согласно пункту «а» ч. 1 ст. 114 Конституции и ст. 15 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» Правительство разрабатывает и представляет Государственной Думе федеральный бюджет. Из взаимосвязанных положений п. «з» ст. 71, ч. 1 ст. 76, ч. 1 ст. 105 и ст. 106 Конституции следует, что Государственная Дума принимает федеральный закон о федеральном бюджете, который подлежит обязательному рассмотрению в Совете Федерации. В соответствии со ст. 196 Бюджетного кодекса Российской Федерации¹⁶ установлено, что Государственная Дума рассматривает проект федерального закона о федеральном бюджете на очередной финансовый год в четырех чтениях. При этом Государственная Дума во втором чтении утверждает расходы федерального бюджета по разделам функциональной классификации расходов бюджетов Российской Федерации (ч. 1 ст. 205 названного кодекса). В соответствии с приложением 3 «Функциональная клас-

сификация расходов бюджетов Российской Федерации» к Федеральному закону «О бюджетной классификации Российской Федерации»¹⁷ установлено, что к расходам федерального бюджета по разделам функциональной классификации относятся, в частности, расходы на функционирование исполнительных органов государственной власти.

С учетом изложенного можно сформулировать следующий вывод.

Конституционной основой исполнительной власти является совокупность юридических норм, закрепляющих систему ее органов. Решение вопросов построения системы органов исполнительной власти и правового статуса ее звеньев Конституция Российской Федерации предоставляет Федеральному конституционному закону «О Правительстве Российской Федерации», нормативным указам Президента Российской Федерации, Федеральному закону «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», а также учредительным актам субъектов Российской Федерации. Палаты Федерального Собрания, наряду с Президентом и Правительством Российской Федерации, непосредственно участвуют в формировании системы и структуры федеральных органов исполнительной власти посредством бюджетного регулирования.

¹ См.: *Власов В.А.* Советский государственный аппарат. — М., 1959; *Волков Н.А.* Органы советского государственного управления в современный период. — Казань, 1962; *он же.* Советское государственное управление и система его органов // Ученые записки Белорусского государственного университета им. В.И. Ленина. Вып. 34. Секция юридическая. — Минск, 1957; *Козлов Ю.М.* Органы советского государственного управления. — М., 1959; *Лунев А.Е.* Обеспечение законности в советском государственном управлении. — М., 1963; *Манохин В.М.* Конституционные основы советского административного права. — Саратов, 1983; *он же.* Органы советского государственного управления. — Саратов, 1962; *он же.* Порядок формирования органов государственного управления. — М., 1963; *Менабде А.И.* Советский государственный аппарат и вопросы его дальнейшего совершенствования. — Тбилиси, 1965; *Научные основы государственного управления в СССР.* — М., 1968; *Пржевальские* проблемы науки управления. — М., 1966; *Шорина Е.В.* Коллегиальность и единоначалие в советском государственном управлении. — М., 1959; *Ямпольская Ц.А.* Органы советского государственного управления в современный период. — М., 1954; *она же.* О развитии структурно-организационных форм государственного управления // Сов. гос-во и право. — 1964. — № 6.

² *Послание* Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 6 марта 1997 г. «Порядок во власти — порядок в стране (О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» // Российская газета. — 1997. — 7 марта.

³ См., напр.: Ноздрачев А.Ф. Министерская система управления в истории и современной России // История становления и современное состояние исполнительной власти в России. — М., 2003. — С. 49; Журавлев А.Л., Комаров В.В., Полянский И.А. Структура исполнительной власти в современный период // Конституционное и муниципальное право. — 2001. — № 1. — С. 6.

⁴ См.: *Собрание законодательства РФ*. — 2004. — № 11. — Ст. 945; № 21. — Ст. 2023.

⁵ Там же. — 2004. — № 21. — Ст. 2023; № 31. — Ст. 3234; № 38. — Ст. 3775.

⁶ Там же. — 1999. — № 42. — Ст. 5005; 2004. — № 25. — Ст. 2484.

⁷ Игнатюк Н.А. Как используются понятия «система» и «структура» федеральных органов власти в конституционном законодательстве // Журнал российского права. — 1999. — № 9. — С. 47.

⁸ См.: *Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 2-П «По делу о толковании положений статей 71 (пункт «г»), 76 (часть 1) и 112 (часть 1) Конституции Российской Федерации»* // Вестник Конституционного суда РФ. — 1999. — № 3.

⁹ См.: *Вестник Конституционного Суда РФ*. — 1998. — № 2.

¹⁰ См.: *Собрание законодательства РФ*. — 1996. — № 34. — Ст. 4081.

¹¹ Там же. — 1998. — № 39. — Ст. 4886.

¹² См., напр.: *Исполнительная власть в Российской Федерации: Научно-практическое пособие* / Отв. ред.

А.Ф. Ноздрачев, Ю.А. Тихомиров. — М., 1996. — С. 6; Васильева Л.Н. Взаимоотношения федеральных и региональных органов исполнительной власти: пути совершенствования (По результатам исследования ИЗИСП) // Журнал российского права. — 2000. — № 8. — С. 164; Журавлев А.Л., Комаров В.В., Полянский И.А. Указ. соч. — С. 5; Окуньков Л.А. Перспективы перераспределения полномочий между Президентом, Правительством и Федеральным Собранием // Законодательство. — 2000. — № 9. — С. 52; Прошина В.С. Правовое регулирование органов исполнительной власти // Журнал российского права. — 1998. — № 2. — С. 33.

¹³ См.: Зилин В.А. Исполнительная власть в Российской Федерации. — Самара, 2001. — С. 111.

¹⁴ См.: Тихомиров Ю.А., Ноздрачев А.Ф., Игнатюк Н.А., Петухов В.Н., Терещенко Л.Н., Минашкин А.В. Законодательный фундамент исполнительной власти // Журнал российского права. — 1998. — № 8. — С. 110-112.

¹⁵ См.: Козлов Ю.М. Исполнительная власть: Правительство Российской Федерации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11, Право. — 1993. — № 4. — С. 5.

¹⁶ См.: *Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. 23 декабря 2003 г.)*. — М., 2004.

¹⁷ См.: *Федеральный закон «О бюджетной классификации Российской Федерации» от 15 августа 1996 г. № 115-ФЗ (ред. 29 июня 2004 г.)* // СЗ РФ. — 1996. — № 34. — Ст. 4030; 2004. — № 27. — Ст. 2711.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О.С. Бережинская

Язык — уникальная ценность и неотъемлемый признак нации. Содействие развитию и использованию языков — одно из важнейших направлений национальной политики любого государства, тем более такого многонационального, как Российская Федерация. Один из основных принципов политики демократического государства в области использования языков — принцип их равноправия.

Принцип равноправия языков соотносится с состоянием прав и свобод граждан в каждом государстве. Настоящее равноправие языков понимается как допущение «двух или более языков к свободному употреблению» как в межличностных, так и в официальных сферах общения¹.

Каждый народ имеет право на сохранение и развитие своей культуры, традиций и языка, в том числе народ, у которого нет государственно-территориальных образований, либо народ, чьи представители мигрируют из других государств на территорию Российской Федерации.

Еще 70 лет назад профессор В.Н. Дурденевский отмечал: «Живые и жизнеспособные языки имеют равное право на существование в государстве, где живут говорящие на этих языках нации, такие языки должны быть допущены к употреблению в частной и общественной жизни, в школе, администрации, в суде на равных основаниях, причем должны быть в меру жизненных ресурсов государства создаваемы возможно равные материальные условия для пользования языками; лишь при отсутствии достаточных ресурсов и малой распространенности данного языка равноправие его может быть заменено правом применения в пределах, обеспечивающих чисто культурные нужды данной национальной группы»².

Законодательную базу правового регулирования использования языков в Российской Федерации составляет целый ряд нормативно-правовых актов. Его стержень — Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы

международного права и международные договоры России.

Государством гарантируется равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения и других обстоятельств. Статья 19 Конституции Российской Федерации запрещает любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

Принцип недискриминации по подобным критериям зафиксирован в международных договорах. В частности, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., закрепляя обязательства участвующих государств принять в максимальных пределах имеющихся ресурсов меры для обеспечения полного осуществления экономических, социальных и культурных прав, устанавливает, что участвующие в Пакте государства обязуются гарантировать, что права, провозглашенные в Пакте, будут осуществляться без какой бы то ни было дискриминации и, в частности, по языковому признаку. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. также закрепляет принцип недискриминации по языковому признаку. Кроме того, он устанавливает, что в странах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком.

Принцип языковой недискриминации закрепляется также Конвенцией о борьбе с дискриминацией в области образования 1960 г., Декларацией о праве на развитие 1986 г. и рядом других международных актов.

Особой заботой и вниманием международного сообщества окружены языки национальных меньшинств и коренных малочисленных народов. Обязанность государств по защите и поддержке их языков устанавливается международными актами. В соответствии с Документом Копенгагенского Совещания Конференции по человеческому измерению 1990 г. лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, имеют право свободно выражать, сохранять и развивать свою языковую самобытность. В частности, они имеют право:

- свободно пользоваться родным языком в личной и общественной жизни;
- создавать и поддерживать собственные образовательные учреждения, организации или ассоциации;
- распространять информацию, иметь доступ к ней и обмениваться информацией на родном языке.

Государства-участники обязуются защищать языковую самобытность национальных меньшинств на своей территории и создавать условия для поощрения этой самобытности.

Конвенцией о борьбе с дискриминацией в области образования 1960 г. (для СССР вступила в силу 1 ноября 1962 г.) закреплено, что за лицами, принадлежащими к национальным меньшинствам, следует признавать право вести собственную просветительскую работу, включая руководство школами, и в соответствии с политикой в области образования каждого государства использовать или преподавать собственный язык при соблюдении некоторых недискриминационных условий.

В настоящее время в составе Российской Федерации выделяются 32 субъекта (более трети всех субъектов), которые в той или иной мере являются национальными образованиями (республики, автономная область и автономные округа). Они занимают более 53% всей территории страны. Но так как ряд этих субъектов расположен в районах с экстремальными природно-географическими условиями, доля живущего там населения значительно ниже — 17,6 % жителей России³. Свои названия (титул) эти субъекты, как правило, получили от имени народа, который на их территории проживает с древности. Поэтому эти народы еще называют титульными.

Несмотря на то, что Конституция РФ называет всех субъектов равноправными, но, в отличие от других, республики признаются государством, имеют свои конституции, вправе устанавливать свои государственные языки, а также определять свое гражданство. Такими правами среди всех субъектов Российской Федерации пользуются исключительно республики. Можно отметить, что республики различаются между собой не только по географическому расположению на карте, но и по размерам площади, численности населения, доли титульного населения.

Например, площадь Адыгеи в 408 с лишним раз меньше территории Республики Саха (ср.: 3103,2 тыс. км² и 7,6 тыс. км², количество жителей Башкортостана более чем в 20 раз превышает население Республики Алтай (ср.: 3964 тыс. чел. и 192 тыс. чел.), в Карелии лишь каждый десятый житель является представителем титульной национальности, а в Чувашской Республике доля чувашей среди населения республики составляет почти 70%⁴.

Для России языковая политика является одной из наиболее важных проблем межнациональных отношений. Это именно та проблема национально-государственного строительства, которая непосредственно касается жизни и деятельности каждого конкретного человека, поэтому решать ее следует предельно осмотрительно.

Язык — зеркало всего человечества и каждой личности, драгоценное достояние всех народов: больших и малых. Это один из главных показателей принадлежности человека к определенной нации. Он создается и совершенствуется в течение многих веков, выступает хранилищем тысячелетнего опыта народа, его культуры. «Забота о языке, его сохранении и развитии — это своеобразная лакмусовая бумажка, определяющая уровень национального самосознания той или иной этнической группы»⁵.

В Концепции государственной национальной политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента от 15 июня 1996 г. № 909, среди основных принципов государственной национальной политики значительное место отводится защите языковых прав личности и народов. К этим принципам относятся:

— равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от его расы, национальности, языка, отношения к религии, принадлежности к социальным группам и общественным объединениям;

— запрещение любых форм ограничения прав граждан по признакам социальной, национальной, языковой или религиозной принадлежности;

— содействие развитию национальных культур и языков народов Российской Федерации;

— запрещение деятельности, направленной на подрыв безопасности государства, возбуждение социальной, расовой, национальной и религиозной розни, ненависти либо вражды;

— защита прав и интересов граждан Российской Федерации за ее пределами, поддержка соотечественников, проживающих в зарубежных странах, в сохранении и развитии родного языка, культуры и национальных традиций, в укреплении их связей с Родиной в соответствии с нормами международного права.

Статусом государственного языка России обладает в соответствии с Конституцией РФ и Законом РСФСР «О языках народов РСФСР» (1991 г.) русский язык. В Конституции (п. 2 ст. 68) закреплено также право республик на установление своих государственных языков.

В Российской Федерации наблюдалась тенденция утраты нерусским населением знания языка своей национальности и признанием родным русского языка. Так, до половины карелов, более трети башкир, коми, мордвы, удмуртов, 20-25% марийцев и чувашей считают родным русский язык. Только с 1970 г. по 1989 г. доля переставших владеть языками своей национальности буряттов, коми, марийцев, удмуртов, чувашей, якутов увеличилась вдвое, а карелов и мордвы — в полтора раза⁶. Вместе с этим снижался и престиж обучения детей в национальных школах.

Положение необходимо было исправлять и в первую очередь с помощью законодательных мер.

Таким образом, принятый 25 октября 1991 г. Верховным Советом Российской Федерации Закон «О языках народов РСФСР» — явление весьма знаменательное и важное. Принятый впервые в законодательной практике России, он ликвидировал существенный пробел в правовом регулировании языковых отношений и регламентировал основные вопросы использования языков на территории Российской Федерации. В частности, определил основы правового положения языков народов, проживающих в России, гарантии их защиты, урегулировал использование языков в разных сферах государственной деятельности, в обучении и воспитании, в топонимике, отношениях Российской Федерации с зарубежными странами, открыл возможность установления ответственности за пропаганду вражды и пренебрежения к любому языку, нарушение конституционно установленных принципов национальной политики, создание ограничений и привилегий в использовании языков и др.

Закон опирается на конституционное регулирование применения языков и развивает соответствующие положения действующей Конституции РФ, в частности, ч. 2 ст. 46, формулирующую общее правило о том, что каждый имеет право на пользование родным языком, включая обучение и воспитание, и ст. 171, определяющую правила употребления языков при осуществлении правосудия в Российской Федерации.

Федеральный закон представляет собой солидную базу, принципиальную основу для республиканского законодательства о языках, в котором с учетом местной специфики, национального состава населения, степени развития и использования применяемых в республике языков можно полно и развернуто урегулировать все конкретные вопросы языковой политики.

Каждая республика может определить, какой язык или языки являются в ней государственными, какие меры предусматриваются для защиты национального языка, в каких сферах жизни он может использоваться. Языковая проблема — это составная и очень важная часть решения национального вопроса, и республиканский законодатель не может отмахнуться от нее.

В Российской Федерации со второй половины 1990 г. параллельно с перестройкой государственности на новых федеративных началах стала набирать силу и языковая реформа. Практически все республики своим государственным языком, наряду с русским, объявили язык (языки) титульной национальности, что нашло место в большинстве случаев в их конституциях, а также в законах о языках республик. В республиках Марий Эл, Мордовия и Северная Осетия (Алания) в качестве государственных языков признаются два варианта одного литературного языка: в Марий Эл — марий-

ский (горный, луговой), в Мордовии — мордовский (мокшанский, эрзянский), в Северной Осетии — осетинский (иронский и дигорский диалекты). В Кабардино-Балкарской Республике оба титульных языка признаны государственными — кабардинский и балкарский. В Карачаево-Черкесской Республике государственными языками являются абазинский, карачаевский, ногайский, черкесский.

Конституции республик Карелия и Башкортостан предписывают статус государственных языков устанавливать законами, но такие законы имеются лишь в проектах. Таким образом, в Карелии и Башкортостане в соответствии с Конституцией Российской Федерации государственным языком является пока только русский язык. До 1999 г. законы о языках были приняты в 15 республиках РФ⁷. Они признают, наряду с русским языком, государственными еще 19 языков. Кроме того, мордовский, осетинский и удмуртский языки являются государственными по конституциям соответствующих республик. Таким образом, 22 языка титульных наций республик России признаны государственными.

Поскольку в некоторых республиках государственные языки еще не установлены, то список государственных языков в республиках будет расти. С учетом проектов соответствующих законов общее количество государственных языков в республиках может достигнуть тридцати семи.

В ряде республик в связи с приданием статуса государственного титульному языку он объявляется объектом особой заботы государства. Так, статья 18 Степного Уложения (Основного Закона) Республики Калмыкия гласит: «Калмыцкий язык является основой национального самосознания калмыцкого народа. Его возрождение, сохранение, развитие и расширение среды употребления являются приоритетными задачами органов власти Республики Калмыкия».

Статья 9 Закона Республики Адыгея «О языках народов Республики Адыгея» закрепляет право на выбор языка общения. Статья 10 — право на выбор языка воспитания и обучения: граждане Республики Адыгея имеют право свободно выбирать язык обучения и воспитания. Обучение детей родному языку является гражданским правом и долгом родителей. Республика Адыгея обеспечивает на своей территории создание системы воспитательно-образовательных учреждений и иных форм воспитания и обучения на государственных языках Республики Адыгея и создает условия для реализации прав граждан других национальностей, проживающих в Республике, на воспитание и обучение детей на родном языке.

Статья 8 Закона Республики Хакасия «О языках народов Республики Хакасия» также закрепляет право ее граждан на выбор языка общения, воспитания и обучения. Кроме того, предусматрива-

ется, что Республика Хакасия проявляет заботу об удовлетворении национально-культурных, языковых потребностей хакасов, проживающих за пределами Республики, хотя практически реализовать подобное положение, вероятно, трудно. Поэтому необходимо обеспечить, чтобы такие положения не стали безжизненной нормой закона.

Статья 8 Закона Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан», закрепляя право на выбор языка воспитания и обучения, гарантирует башкирскому населению, проживающему за пределами Республики Башкортостан, содействие государства в организации различных форм воспитания и обучения на башкирском языке.

Статья 2 Закона Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстан» устанавливает, что на территории Республики Татарстан государством создаются условия каждому народу и личности для сохранения и всестороннего развития родного языка, обеспечивается свобода выбора и использования языка общения.

Необходимо учесть и принятый 15 сентября 1999 г. Закон Республики Татарстан «О восстановлении татарского алфавита на основе латинской графики», который вступил в силу 1 сентября 2001 г. До 1 сентября 2011 г. в Республике Татарстан действуют одновременно два алфавита: на основе латинской графики и кириллицы. С 1 сентября 2011 г. на территории Республики Татарстан русский алфавит употребляться не будет. Принятие подобного закона, хотя и не противоречит нормам федерального законодательства, тем не менее значительно затрудняет процесс языкового общения народов России. Республика Татарстан — субъект Российской Федерации. На всей территории Российской Федерации статус государственного языка имеет русский язык, равно как и статус языка межнационального общения. Введение же в обращение нового алфавита, отличного от кириллицы, подрывает не только многовековые традиции языкового общения народов России, возможность упрощенного обмена на территории Российской Федерации достижениями культуры, но и единство, целостность Российского государства.

Подобные положения об особом внимании к государственным титульным языкам можно найти в законах республик Коми, Саха (Якутия), Чувашии, Ингушетии, Марий Эл и Кабардино-Балкарской Республики.

В законе Республики Тыва декларируется, что придание тувинскому языку статуса государственного, наряду с другими позициями, послужит правовым гарантом решения кадровых предпосылок для поощрения и помощи в изучении тувинского языка представителями других национальностей. Такой подход далеко не в полной мере соответствует норме этого же закона об обеспечении в Тыве свободного развития и равноправия всех языков.

Несомненно, исходя из принципов равноправия народов на сохранение и развитие своих языков, в законах Адыгеи, Алтая, Бурятии, Татарстана, Хакасии и Карачаево-Черкесской Республики закреплено право на государственную поддержку всех языков народов этих республик.

Следует признать, что зачастую именно признание государственным титульным языкам республик особого приоритета служит основанием для эскалации напряженности в межнациональных вопросах. В первую очередь сюда нужно отнести требования по обязательному знанию обоих государственных языков для кандидата на должность высшего должностного лица республики, а также расширенное толкование перечня должностей, при занятии которых необходимо знание обоих государственных языков.

В настоящее время требование владения президентом республики обоими государственными языками закреплено в конституциях республик Адыгея, Башкортостан (хотя титульный язык не объявлен государственным), Бурятия, Ингушетия, Саха (Якутия), Северная Осетия (Алания), Татарстан, Тыва. Подобное положение было исключено из Конституции Республики Марий Эл в 1997 г.

В период подготовки и проведения выборов президентов этих республик требования языкового ценза вызывают нарекания избирателей. Например, в апреле 1998 г. «Российская газета» опубликовала письмо двенадцати представителей общественных организаций Республики Бурятия, где они писали, что введение ценза оседлости (не менее 10 лет) и языкового барьера лишает примерно 80% избирателей пассивного избирательного права — права выдвигать свою кандидатуру на пост президента Республики Бурятия — главы субъекта Российской Федерации⁸. Конституция Российской Федерации, федеральные законы ограничений или дополнительных условий по знанию государственных языков для кандидатов на выборные должности федерального уровня, а также уровня субъектов РФ не вводят. Статья 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» гласит, что «гражданин Российской Федерации может избирать, быть избранным независимо от языка».

Очевидно, что проблема, связанная с требованием к кандидатам владеть обоими государственными языками республики, затрагивает тонкую сферу национальных отношений. Существовавшая ранее, да и существующая сегодня языковая ситуация в республиках не способствует освидению языка титульной нации людьми других национальностей, владеющих государственным языком Российской Федерации — русским языком. К началу языковой реформы в Российской Федерации сложилась ситуация, при которой проживающее в рес-

публиках нетитульное население практически все не владело языком титульной национальности, а свободно владело государственным языком Российской Федерации. Более того, и представители титульных народов не все владели языком своей национальности, особенно проживающие в городах. Поэтому процент владеющих языком (языками) титульной национальности напрямую зависит от доли этой национальности в составе всего населения республики. Напомним, что титульный этнос (этносы) составляет большинство населения лишь в республиках Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия (Алания), Тыва, Чечня, Чувашия, а также в Кабардино-Балкарской Республике.

Проведя многосторонние социологические исследования по отношению к введению государственного титульного языка людей различных национальностей в Республиках Башкортостан и Татарстан, М.Н. Губогло пришел к выводу: чем крупнее доля титульной национальности, тем естественнее для нее самой и представителей других национальностей и, прежде всего, для русских понимание необходимости владеть ее языком⁹. Никто не оспаривает конституционное право республик иметь, наряду с русским, свой государственный язык, никто не оспаривает право народов на защиту и развитие национальных языков. Но реализация этого права не должна препятствовать реализации конституционных прав и свобод граждан. Представляется сомнительным подход, при котором считается, что требование знания обоих государственных языков к кандидату на должность президента республики повысит престиж титульного языка, станет кадровой предпосылкой для поощрения и помощи в изучении национального языка представителями других национальностей.

Есть и иной взгляд на проблему обязательного знания обоих государственных языков руководителем республики. Например, директор Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишков считает: «Для участия в управлении и в культуре нужно устанавливать не принцип этнической принадлежности жителя республики, а принцип участия в местной культуре (наряду с возможным цензом оседлости), т.е. президентом Татарстана может быть избран не только этнический татарин, но и русский и чуваш, но способный говорить на татарском языке и, естественно, пользующийся доверием необходимой части электората»¹⁰.

Своеобразный подход к повышению престижа государственного титульного языка своих республик заложили в конституциях законодатели Алтая и Коми. Как известно, в этих республиках нет требования к высшему должностному лицу владеть обоими государственным и языками, однако при вступлении в должность глав этих республик и Конституция Республики Алтай (ст. 117) и Конститу-

ция Республики Коми (ст. 83) обязывает их принести присягу на государственных языках соответствующей республики.

Таким образом, не только опыт России, но и мировой опыт показывает: чтобы полностью реализовать право на два или несколько государственных языков, нужны серьезная законодательная база, специальные программы развития государственных языков, меры стимулирования изучения языков всем населением. А главное, нужен длительный период времени, когда второй, третий... государственные языки станут реальностью.

¹ См.: Дурденевский В.Н. Равноправие языков в советском строе. — М., 1927. — С. 9.

² Там же. — С. 26.

³ См.: Ромашкин В.В. Языковая реформа в Российской Федерации. — Горно-Алтайск, 1999. — С. 29.

⁴ См.: Народы России: Энциклопедия. — М., 1994. С. 19. 434-435

⁵ См.: Ромашкин В.В. Указ. соч. — С. 31.

⁶ См.: Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. — М., 1994. — С. 34.

⁷ См.: Закон Чувашской ССР — Республики Чувашии «О языках в Чувашской ССР» от 27 октября 1990 г., Закон

Тувинской АССР «О языках в Тувинской АССР» от 14 декабря 1990 г.; Закон Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч «О языках в Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч» от 30 января 1991 г.; Закон Республики Бурятия «О языках народов Республики Бурятия» от 10 июня 1992 г.; Закон Республики Коми «О государственных языках Республики Коми» от 11 июня 1992 г.; Закон Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстан» от 8 июля 1992 г.; Закон Республики Хакасия «О языках народов Республики Хакасия» от 3 ноября 1992 г.; Закон Республики Саха (Якутия) «О языках в Республике Саха (Якутия)» от 5 ноября 1992 г.; Закон Республики Алтай «О языках» от 3 марта 1993 г.; Закон Республики Адыгея «О языках народов Республики Адыгея» от 31 марта 1994 г.; Закон Кабардино-Балкарской Республики «О языках народов Кабардино-Балкарской Республики» от 16 января 1995 г.; Закон Республики Марий Эл «О языках в Республике Марий Эл» от 26 октября 1995 г.; Закон Карачаево-Черкесской Республики «О языках народов Карачаево-Черкесской Республики» от 14 июня 1996 г.; Закон Республики Ингушетия «О государственных языках Республики Ингушетия» от 16 августа 1996 г.; Закон Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан» от 15 февраля 1999 г.

⁸ См.: Не всякий язык доведет до президентского кресла // Российская газета. — 1998. — 4 апр.

⁹ См.: Губогло А.Г. Развивающийся электорат России. — М., 1996. — Т. 1 — С. 43-53.

¹⁰ Тишков В.А. Концептуальная эволюция национальной политики в России. — М., 1996. — С. 25.

О НЕОБХОДИМОСТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА МИЛИЦИИ ЗА ЛИЦАМИ, ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В.В. Векленко, О.И. Бекетов

Весной этого года внимание специалистов привлекла информация о встрече Президента Российской Федерации с руководителями Конституционного, Верховного и Высшего арбитражного судов, на которой В. Путин предложил обсудить проблему возможности возвращения к административному надзору за лицами, совершившими тяжкие и особо тяжкие преступления и отбывшими срок наказания в местах лишения свободы. По словам главы государства, эту проблему поставил Генеральный прокурор, который аргументировал это необычным ростом рецидивных преступлений. Более трети освобожденных из мест лишения сво-

боды вновь встают на преступный путь. В отношении лиц, отбывших наказание за совершение особо тяжких преступлений, в частности убийств, этот показатель составляет почти пятьдесят процентов. Генеральный прокурор объяснил эту негативную тенденцию тем, что в последние два года с лиц, освободившихся из мест лишения свободы, был снят административный надзор. «Предпринятый нами два года назад шаг в законодательстве, когда мы перестали заниматься административным надзором, к сожалению, дал плохой результат. Между тем, нормативная база для подобного надзора существует во многих развитых странах, в частности,

в США, Великобритании и Франции», — отметил Генеральный прокурор. При этом он обратил внимание Президента на парадокс, который заключается в том, что сегодня условно-досрочно освобожденные находятся под административным контролем, т. е. правоохранительные органы следят за их поведением, а люди, которые не исправились, не встали на путь искреннего раскаяния, из поля зрения правоохранительных органов выпали.

Руководители судов в целом одобрили идею восстановления административного надзора, высказав ряд замечаний, связанных, главным образом, с необходимостью создания уравнивающих механизмов, чтобы общество двигалось в направлении правового государства. Разработан и соответствующий законопроект¹.

В поддержку намерения, высказанного на необычно высоком для него уровне, приведем собственные аргументы, основанные на многолетнем изучении законодательства, теории и практики применения рассматриваемой меры.

В СССР надзор милиции за определенной категорией лиц, освобожденных из мест лишения свободы, был легально учрежден в соответствии с совместным решением ЦК КПСС и Совета Министров СССР, принятым в июле 1966 г.²

На основании этого решения был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об административном надзоре органов милиции за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», утвердивший Положение об административном надзоре³. С вступлением в силу данного Указа надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, принял отчетливо выраженную принудительную форму.

Согласно Положению надзор устанавливался первоначально лишь за особо опасными рецидивистами, а также лицами, судимыми к лишению свободы за тяжкие преступления, если их поведение в местах лишения свободы свидетельствовало об упорном нежелании встать на путь исправления либо если они после отбытия наказания (или условно-досрочного освобождения от него) систематически нарушали общественный порядок, правила общежития и, несмотря на предупреждения органов внутренних дел, продолжали вести антиобщественный образ жизни. Срок надзора определялся в шесть месяцев.

Однако уже в первые три года практического применения данной меры, в течение которых, по оценке специалистов, она зарекомендовала себя весьма эффективным принудительным средством предупреждения рецидива преступлений, прояснилась необходимость совершенствования ее правового регулирования. В связи с этим Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 июня 1970 г.⁴

был значительно расширен круг лиц, подпадающих под действие Положения. Причем это расширение произошло за счет формального критерия: теперь под надзор попадали также лица, судимые более двух раз к лишению свободы за любые умышленные преступления. Материальный критерий сохранился: для установления надзора за этой категорией лиц требовалось, чтобы их поведение в местах лишения свободы свидетельствовало об упорном нежелании встать на путь исправления либо чтобы они после отбытия наказания (или условно-досрочного освобождения от него) систематически нарушали общественный порядок, правила общежития и, несмотря на предупреждения органов внутренних дел, продолжали вести антиобщественный образ жизни.

Указом от 12 июня 1970 г. была увеличена продолжительность надзора: он стал устанавливаться на срок от шести месяцев до одного года. По-прежнему предусматривалась возможность его продления каждый раз еще на шесть месяцев в пределах сроков, указанных законом для погашения или снятия судимости. Все остальные положения Указа от 26 июля 1966 г. не изменились.

После этого законодательство о гласном административном надзоре оставалось стабильным. Лишь в сентябре 1983 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР были внесены новые существенные изменения и дополнения в этот правовой институт⁵. Вновь был расширен круг лиц, подпадающих под Положение об административном надзоре, причем опять за счет формального критерия. Надзор стал применяться дополнительно к лицам, судимым два раза к лишению свободы за любые умышленные преступления, а также к ранее освобожденным из мест лишения свободы условно-досрочно или условно с обязательным привлечением к труду и вновь совершившим умышленное преступление в течение неотбытой части срока наказания или обязательного срока работы. Материальный критерий, необходимый для применения надзора, изменен не был.

Этим Указом был пересмотрен порядок учреждения надзора за особо опасными рецидивистами и лицами, упорно не желающими в период отбывания наказания в местах лишения свободы встать на путь исправления. Если раньше надзор в отношении указанных лиц учреждался органами внутренних дел (милицией) по месту жительства поднадзорного, то теперь он стал применяться непосредственно администрацией исправительного учреждения при освобождении. Вплоть до последнего времени начальник исправительного учреждения выносил мотивированное постановление, в котором указывались основания для установления надзора, его срок и определялось время прибытия поднадзорного к избранному им месту жительства.

Обязанности и ограничения, предусмотренные Положением, устанавливались начальником органа внутренних дел по прибытии поднадзорного к избранному месту жительства.

В связи с тем, что установление ответственности за нарушение правил гласного административного надзора в СССР всегда относилось к компетенции союзных республик, законодательство об этом развивалось несколько обособленно.

В августе 1966 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об ответственности за нарушение правил административного надзора»⁶. За нарушение правил надзора была установлена административная ответственность в виде штрафа от десяти до пятидесяти рублей. Дела о данных правонарушениях рассматривались судьей единолично с вызовом поднадзорного, совершившего нарушение, и в необходимых случаях — свидетелей.

Тогда же, в августе 1966 г., был издан другой Указ Президиума Верховного Совета РСФСР, включивший в Уголовный кодекс РСФСР ст. 198² «Злостное нарушение правил административного надзора»⁷.

В соответствии с введенной в юридический оборот новой уголовно-правовой нормой подзлостным стало пониматься такое нарушение правил, предусмотренных Положением о надзоре, которое совершено, во-первых, с целью уклонения от надзора, во-вторых, если оно совершено лицом, которое дважды в течение года подвергалось административному взысканию за такие же нарушения. Санкция нормы предусматривала ответственность в виде лишения свободы на срок от шести месяцев до двух лет или исправительных работ на срок от шести месяцев до одного года. Однако в связи с изменениями, внесенными в 1982 г. в Основы уголовного законодательства⁸, в соответствии с которыми срок исправительных работ был увеличен до двух лет, санкция этой нормы была несколько ужесточена: исправительные работы стали применяться на тот же срок, что и лишение свободы⁹.

Наконец, в сентябре 1983 г. законодательным актом РСФСР ст. 198² УК РСФСР была дополнена частью второй, предусматривающей уголовное наказание в виде лишения свободы на срок от одного года до трех лет за самовольное оставление поднадзорным места жительства с целью уклонения от надзора, а также за неприбытие без уважительных причин в определенный срок к избранному месту жительства лица, в отношении которого надзор установлен администрацией исправительного учреждения при освобождении из мест лишения свободы.

Таким образом, последними из приведенных законодательных актов Союза ССР и союзных республик было значительно усовершенствовано состояние правовой урегулированности порядка

установления и осуществления надзора, во всяком случае в плане его полноты и завершенности.

По законодательству, действовавшему до сентября 1983 г., надзор устанавливался исключительно органами внутренних дел (милицией) по месту жительства поднадзорного. Это распространялось в том числе и на особо опасных рецидивистов и на лиц, в отношении которых надзор учреждался на основании заключения администрации исправительного учреждения и наблюдательной комиссии. Однако данные лица, избрав при освобождении место жительства, нередко к нему не являлись, уклоняясь от установления надзора. Тем не менее они не подлежали ни уголовной, ни даже административной ответственности, поскольку под надзор они взяты не были и не могли рассматриваться как нарушители его правил. Состав правонарушения отсутствовал. Этот пробел в законодательстве способствовал уклонению от надзора значительного числа подпадавших под него лиц.

Трудно было признать нормальным и такое положение, когда поднадзорный, уклонившийся от надзора и скрывшийся с места жительства, иногда отсутствующий более года, после обнаружения по окончании срока надзора не привлекался к ответственности. Между тем при уклонении от надзора лицо нарушало одновременно все его правила, лишало орган внутренних дел возможности контролировать его поведение, прерывало воспитательный процесс. Это было равносильно самоликвидации надзора лицом, под ним состоящим. Недостаточное правовое обеспечение института административного надзора в этом отношении способствовало уклонению определенного количества лиц от установленного надзора. Поэтому дополнения, внесенные в ст. 198² УК РСФСР, усиливая принудительный потенциал и расширяя сферу надзора, несомненно, способствовали его эффективности.

Этот вид надзора в юридической литературе носил наименование «специальный надзор милиции» или индивидуальный, персонифицированный надзор¹⁰. Сущность такого надзора — контроль за поведением состоящего под ним лица, оказание на него необходимого воспитательного воздействия и предоставление необходимой помощи. Именно контроль, воспитание и помощь являлись элементами предупредительного механизма надзора.

Обеспечению эффективного контроля служил специальный правовой режим — совокупность ограничений и дополнительных обязанностей, возлагаемых на поднадзорное лицо (запрет ухода из дома в ночное время; запрет без разрешения милиции выезда за пределы района (города) по частным делам; явка в орган внутренних дел для регистрации от 1 до 4 раз в месяц и некоторые другие).

В то же время необходимо подчеркнуть, что институт административного надзора для своего времени в достаточной степени гарантировал соблюдение прав поднадзорных. Так, для установления и каждого случая продления надзора требовалась санкция прокурора. Дела об административных правонарушениях (до возбуждения уголовного дела — не менее двух раз) рассматривались судьей, который каждый раз оценивал законность установления (продления) надзора. Предусматривалось право обжалования законности установления как самого надзора, так и отдельных его ограничений.

Начиная с 1990-х гг. развитие законодательства о гласном административном надзоре, по-видимому, под влиянием весьма жесткой научной критики, развернувшейся на страницах юридической литературы¹¹, пошло по радикальному и непоследовательному пути. Прежде всего речь идет о почти механическом исключении из законодательства уголовной ответственности за злостное нарушение правил административного надзора¹². Адекватного усиления административной ответственности не произошло, поэтому в отношении судимых лиц, грубо нарушающих правила административного надзора (не прибывших к избранному месту жительства из исправительного учреждения, скрывшихся с постоянного места жительства и т.п.), данный институт оказывался явно неэффективным, а обеспечивающее его законодательство — пробельным.

Закон РФ «О милиции» 1991 г. термин «административный надзор» не употребляет вообще в силу его якобы «нецивилизованности». Соответствующая обязанность милиции сохранилась, но стала формулироваться следующим образом: «Контролировать в пределах своей компетенции соблюдение лицами, освобожденными из мест лишения свободы, установленных для них в соответствии с законом ограничений; участвовать в предусмотренных законом случаях в контроле за поведением осужденных, которым назначены виды наказания, не связанные с лишением свободы, либо наказание назначено условно» (п. 18 ст. 10 Закона РФ «О милиции»).

Серьезнейшей реформации в этой части подвергся Уголовно-исполнительный кодекс РФ, введенный в действие 1 июля 1997 г.

ИТК РСФСР 1960 г. предусматривал специальную, 20-ю главу «Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». Согласно ст. 183 УИК РФ за всеми лицами, освобожденными от отбывания наказания (не только за освобожденными из мест лишения свободы и независимо от их поведения), осуществляется контроль в соответствии с законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами. Но где это законодательство, где правовые

акты, к которым отсылает эта статья?! Их мы не находим¹³. В то же время Положение об административном надзоре формально-юридически продолжает действовать.

Несмотря на столь искаженную нормативную основу, административный надзор устанавливался как администрациями исправительных учреждений, так и органами внутренних дел вплоть до последнего времени. Лишь с изданием приказа МВД России от 12 февраля 2003 г. № 98 «О признании неприменяемыми нормативных правовых актов МООП СССР, МВД СССР, МВД РСФСР», в том числе соответствующей инструкции, данная мера перестала применяться.

Отметим, что по мнению опрошенных практических работников¹⁴, большинство поднадзорных, несмотря на отсутствие по закону какой-либо ответственности, в силу своеобразного «ритуализма», привычки соблюдать требования сотрудников органов внутренних дел все же не нарушали установленных ограничений и находились под контролем милиции. Между тем, речь идет о лицах, которые, судя по их предшествующей преступной деятельности, обладали наиболее ярко выраженной антиобщественной установкой, можно сказать, составляли ядро преступного мира.

Оппоненты обосновывали юридическую сомнительность данного института со стороны двух позиций: а) вряд ли можно считать, что внесудебное ограничение прав и свобод гражданина, каков бы он ни был, отвечает конституционным принципам; б) этот институт был задуман как средство индивидуальной профилактики рецидива, а превратился в его крупнейший рассадник¹⁵. С первой позицией необходимо согласиться: действительно, установление ограничений поднадзорному судом в большей степени соответствовало бы принципам правового государства. В этой части институт административного надзора, безусловно, нуждается в «модернизации». С другим же аргументом согласиться нельзя. Исследования авторов за более чем 10-летний период действия рассматриваемого института показали, что административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, в Омской и Новосибирской областях прекращался в связи с привлечением поднадзорного к уголовной ответственности в 30-35% случаев, в Тюменской области — в 22. Если взять за среднюю цифру — 30%, то из них в 20% случаев поднадзорные привлекались к уголовной ответственности за злостное нарушение правил административного надзора (причем обычно без лишения свободы), и лишь 10% — за совершение иных преступлений. Осмелимся заявить, что, учитывая стойкую антиобщественную установку личности поднадзорных, это небольшая цифра.

В качестве вывода подчеркнем, что административный надзор милиции за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, является испытанным многолетней (почти сорокалетней!) практикой эффективным принудительным правовым средством предупреждения рецидива преступлений, и его юридическое восстановление в модернизированном виде, безусловно, повысит ответственность работы правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Усовершенствования, на наш взгляд, должны быть связаны прежде всего с введением судебного порядка установления и продления надзора, избрания поднадзорному ограничений и возложения обязанностей, рассмотрения дел об их нарушении, а также обжалования незаконных действий и решений надзирающих органов.

¹ См.: Устинов сообщил Президенту о росте рецидивной преступности в стране // Российские федеральные новости. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.RFN.ru>, свободный; Путин встретился с главными судьями России // Официальное Интернет-представительство Президента России. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.prezident.kremlin.ru>, свободный.

² См.: Социалистическая законность. — 1966. — № 8.

³ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. — 1966. № 30. — Ст. 597.

⁴ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. — 1970— № 24. — Ст. 206.

⁵ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. — 1983— № 39. — Ст. 584.

⁶ См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР— 1966. — № 32. — Ст. 769.

⁷ См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР— 1966. — № 32. — Ст. 770.

⁸ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. — 1982— № 30. — Ст. 572.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: Котгоргин С.И. Специальный надзор милиции: (Проблемы, задачи, функции). — Омск. 1973. — С. 14.

¹¹ См., напр.: Бибиев М.М., Блувштейн Ю.Д. Бюрократизм в правоохранительной деятельности: истоки и пути преодоления / Сов. гос-во и право. — 1990. — № 9. — С. 63-64.

¹² См.: Закон Российской Федерации от 29 апреля 1993 г. "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР" // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. — 1993. — № 22. — Ст. 789.

¹³ См.: Поляков А. Существует ли административный надзор? / Законность. — 1999. — № 8. — С. 30.

¹⁴ В 2002 г. авторами с помощью специально разработанного инструментария было опрошено 320 участковых уполномоченных милиции, непосредственно осуществлявших административный надзор в г. Омске.

¹⁵ См.: Бибиев М.М., Блувштейн Ю.Д. Указ. соч. — С. 64.

ВОЗБУЖДЕНИЕ ДЕЛА КАК ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ СТАДИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Ю.В. Пивченко

Производство по делам об административных правонарушениях развивается во времени как последовательный ряд сменяющих друг друга фаз (стадий).

В общетеоретическом аспекте понятие «стадия» означает период, определенную ступень развития¹. В юридической литературе под процессуальной стадией понимается сравнительно самостоятельная часть производства, которая, наряду с его общими задачами, характеризуется свойственными только ей задачами, документами и другими особенностями².

Помимо стадий, выделяются и менее крупные элементы производства по делу — этапы. Этап характеризует порядок осуществления группы взаимосвязанных процессуальных действий и представляет собой относительно самостоятельную

часть производства. Таким образом, несколько этапов образуют стадию³. Иногда понятия «стадия» и «этап» смешиваются, что приводит к неточностям в анализе правоприменительного производства. Например, М.Я. Масленников считает, что стадиями административно-юрисдикционного производства являются этапы совершения соответствующих действий. Он указывает также на то, что стадия не всегда заканчивается составлением отдельного процессуального документа. В частности, это касается установления лица, совершившего административное правонарушение⁴. Как правильно отмечает А.Ю. Якимов, такое суждение представляется неверным, поскольку установление личности привлекаемого к ответственности лица может рассматриваться как юридическое действие (или несколько действий), но не в качестве стадии производства⁵.

В научном плане проблема стадий и этапов производства по делам об административных правонарушениях весьма эффективно разрабатывается Д.Н. Бахрахом и его последователями. В теории административного права выделяются следующие стадии данного производства: административное расследование, рассмотрение дела, обжалование, пересмотр постановления и его исполнение. Точки зрения некоторых ученых-административистов отличаются от общепринятой системы стадий. Так, М.Я. Масленников выделяет пятизвенную систему стадий, разделяя стадию рассмотрения дела на две: рассмотрение дела и принятие решения⁶. С.И. Котюргин в качестве самостоятельных рассматривал стадии возбуждения дела и административного расследования⁷. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) впервые на законодательном уровне закрепил стадии производства по делам об административных правонарушениях. Анализ норм позволяет вести речь о четырех стадиях: возбуждение дела об административном правонарушении; рассмотрение дела; пересмотр постановлений и решений по делам об административных правонарушениях; исполнение постановлений по делам об административных правонарушениях. До принятия КоАП РФ не было достаточных оснований определять начальную стадию производства по делам об административных правонарушениях как стадию возбуждения дела, так как КоАП РСФСР (главы 18, 19) регламентировал лишь отдельные действия должностных лиц на этой стадии. Таким образом, КоАП РФ предлагает перечень стадий производства по делам об административных правонарушениях, который не совсем согласуется со сложившимися теоретическими представлениями.

Рассматриваемая проблема еще и обострилась, поскольку закон предусмотрел возможность проведения административного расследования по некоторым видам правонарушений (например, нарушение таможенных правил). Согласно ст. 28.7 КоАП РФ административное расследование возможно лишь по некоторым категориям дел, требующих проведения процессуальных действий и иных мероприятий со значительными временными затратами.

Действительно, с одной стороны, проведение таких мероприятий, как, например, экспертиза, ревизия, оценка имущества и т.п., требует значительных временных затрат, участия в производстве новых субъектов (экспертов, специалистов). С другой стороны, только при наличии соответствующих повода и оснований уполномоченным должностным лицом принимается решение о возбуждении дела. Для их установления необходимо проведение проверочных действий, определяющих наличие или отсутствие состава правонарушения. По результатам таких действий будет решаться воп-

рос о возбуждении или отказе в возбуждении дела об административном правонарушении. Вместе с тем согласно КоАП РФ эта деятельность не является административным расследованием, а носит характер предварительной проверки.

С нашей точки зрения, вряд ли следует упрекать законодателя в том, что он избрал наименованием первой стадии производства по делам об административных правонарушениях «возбуждение дела об административном правонарушении». Это наименование отражает значение данной стадии, которое заключается в законном, обоснованном и своевременном начале производства по делу об административном правонарушении, что является одним из необходимых условий для разрешения дела в соответствии с законом. На стадии возбуждения дела об административном правонарушении разрешается вопрос о возбуждении дела, т. е. определяется возможность начать производство по делу об административном правонарушении.

Таким образом, считаем возможным предложить следующую систему стадий производства по делам об административных правонарушениях: возбуждение дела об административном правонарушении; административное расследование; рассмотрение дела, пересмотр постановления (факкультативная стадия); исполнение постановления по делу об административном правонарушении.

Сходные точки зрения можно встретить в юридической литературе. Так, В.А. Лория отмечает, что стадия административного расследования имеет место по ряду дел об административных правонарушениях, в частности, при необходимости истребования дополнительных доказательств и сведений для составления протокола после стадии возбуждения дела⁸.

В теории административного права существует точка зрения о том, что, устанавливая на законодательном уровне начальную стадией производства по делам об административных правонарушениях стадию возбуждения дела, законодатель тем самым в административном процессе пытается найти аналог уголовно-процессуальной и гражданско-процессуальной деятельности⁹.

По нашему мнению, придавая термину «возбуждение дела об административном правонарушении» нормативный характер, законодатель не стремился обеспечить полную аналогию с уголовным процессом. Во-первых, КоАП РФ не исключает возможности осуществления любых административно-процессуальных действий до возбуждения дела об административном правонарушении. В теории уголовного процесса возбуждение уголовного дела является условием для применения мер процессуального принуждения, т. е. до возбуждения дела эти меры не применяются (например, личный обыск). До вынесения постановления о

возбуждении дела следователем или дознавателем могут быть проведены только непринудительные процессуальные действия (например, осмотр места происшествия). До возбуждения дела производятся и принудительные, но непроцессуальные действия (фактическое задержание, доставление). Во-вторых, возбуждать и вести дело об административном правонарушении может очевидец правонарушения (например, инспектор ГИБДД), а также одновременно различные должностные лица органов исполнительной власти.

Основной причиной появления в КоАП РФ стадии возбуждения дела, по-видимому, стало стремление законодателя внести упорядоченность в работу с обращениями граждан и иной информацией о совершении административных правонарушений.

На стадии возбуждения дела решаются две основные задачи — установление поводов и оснований для возбуждения дела об административном правонарушении и решение вопроса о возбуждении дела или об отказе в его возбуждении.

Представляется, что стадия возбуждения дела состоит из следующих этапов: прием и регистрация информации о правонарушении, предварительная проверка, принятие решения о возбуждении дела и его процессуальное оформление, направление дела по подведомственности.

Процедура возбуждения дела начинается с приема и регистрации первичных сведений о правонарушении. В органах внутренних дел, например, для этих целей ведется журнал учета иной информации о правонарушениях, который хранится в дежурной части и заполняется оперативным дежурным.

Согласно п.12 Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в органах внутренних дел Российской Федерации сообщений о преступлениях и иной информации о правонарушениях, утвержденной приказом МВД России от 13 марта 2003 г. № 158, передача сообщений и иной информации исполнителю для проведения проверки без регистрации в журнале учета иной информации о правонарушениях категорически запрещается. Сообщение о правонарушении, поступившее по подведомственности, также подлежит регистрации, о чем отправитель уведомляется письменно.

Проверка поступившей информации осуществляется уполномоченным лицом во всех случаях: и тогда, когда необходимо собрать дополнительные материалы, подтверждающие наличие (или отсутствие) признаков правонарушения, и тогда, когда должностное лицо просто анализирует информацию, содержащуюся в обращении и в приложенных к нему материалах (если таковые имеются). Однако в настоящее время отсутствует какая бы то ни было законодательная регламентация процедуры проверки заявлений и сообщений об

административном правонарушении. Подобная ситуация свидетельствует о наличии существенного пробела в правовом регулировании деятельности в стадии возбуждения дела. Уполномоченные должностные лица нередко принимают решение о возбуждении дела на второй или третий день после поступления первичной информации о правонарушении, несмотря на то, что ни одного проверочного действия ими не совершается. Как правильно отмечает И.Ш. Киляшханов, в тех случаях, когда повод содержит достаточные данные для возбуждения дела об административном правонарушении, решение об этом должно приниматься не позднее суток со дня принятия заявления, а в случаях, не терпящих отлагательства, — немедленно¹⁰. Подобные положения, по нашему мнению, должны быть закреплены в КоАП РФ.

Под предварительной проверкой понимается этап стадии возбуждения дела об административном правонарушении, который заключается в установлении полномочным должностным лицом поводов и оснований к возбуждению дела об административном правонарушении. КоАП РФ впервые ввел понятие повода к возбуждению дела об административном правонарушении (ч. 1 ст. 28.1), не раскрывая, однако, содержания данного термина. Анализ указанной статьи, по нашему мнению, позволяет сделать вывод о том, что под поводом понимается предусмотренный законом источник, из которого уполномоченные органы государства или должностные лица получают информацию о совершенном административном правонарушении. В статье 28.1 КоАП РФ установлен перечень источников получения информации об административном правонарушении.

Наличие повода в совокупности с достаточными данными о совершении правонарушения позволяет принять решение о возбуждении дела об административном правонарушении. Отсутствие таких данных является обстоятельством, исключающим производство по делу (ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ), а следовательно, и его возбуждение.

В юридической литературе нет единого мнения по поводу того, что является основанием к возбуждению дела об административном правонарушении, так как КоАП РФ не содержит понятия «основание к возбуждению дела об административном правонарушении». В статье 28.1 КоАП РФ упоминается о «достаточных данных» и «данных, указывающих на наличие события административного правонарушения». «Наличие упомянутых достаточных данных (данных), — справедливо отмечает И.И. Великошин, — позволяет полагать, что их можно рассматривать как основание к возбуждению дела об административном правонарушении»¹¹. В связи с этим в КоАП РФ необходимо сформулировать понятие «основание к возбужде-

нию дела об административном правонарушении», например, по аналогии с ч. 2 ст. 140 УПК РФ («основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления»). Таким образом, ст. 28.1 КоАП РФ целесообразно, на наш взгляд, дополнить следующим положением: «Основанием к возбуждению дела об административном правонарушении является совокупность достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения».

Очевидно, что, как и в уголовном процессе, повод и основания к возбуждению дела об административном правонарушении неразрывно связаны между собой: фактические данные о признаках правонарушения могут иметь значение оснований к возбуждению дела только тогда, когда они получены из предусмотренных законом источников¹².

При очевидных правонарушениях, когда наказание назначается и исполняется на месте, проводится также проверка, но она носит упрощенный характер.

Следующий этап стадии возбуждения дела об административном правонарушении — принятие решения о возбуждении дела и его процессуальное оформление.

В связи с принятием решения о возбуждении дела об административном правонарушении представляют интерес два основных вопроса — определение момента, с которого дело считается возбужденным, и необходимость вынесения уполномоченным должностным лицом процессуального документа, удостоверяющего это решение¹³.

В КоАП РСФСР отсутствовала норма, определяющая момент возбуждения дела об административном правонарушении. Поэтому производство по делам об административных правонарушениях начиналось без составления специального документа.

Моментом возбуждения дела об административном правонарушении служит дата состоявшегося решения о возбуждении дела об административном правонарушении, оформленного уполномоченным должностным лицом официальным документом, предусмотренным ч. 4 ст. 28.1 КоАП.

Согласно указанной статье процессуальным документом, с момента составления которого дело об административном правонарушении считается возбужденным, может быть и постановление, и определение, и различные по своему содержанию и назначению протоколы.

Наличие большого количества документов, констатирующих факт возбуждения дела об административном правонарушении, контрастирует с положением о том, что решение о прекращении дела оформляется постановлением, а решение об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении — мотивированным определе-

нием, и никакими другими процессуальными документами¹⁴. Это обстоятельство указывает на отсутствие четкой регламентации стадии возбуждения дела об административном правонарушении.

Кроме того, можно согласиться с мнением о том, что составление первого протокола о применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении может быть использовано в качестве момента возбуждения дела об административном правонарушении с большой долей условности¹⁵.

Во-первых, правовая природа мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях заключается в создании условий для своевременного и правильного рассмотрения дела, а одной из целей служит составление протокола об административном правонарушении, если невозможно его составление на месте совершения.

Во-вторых, составление первого протокола о применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении в дальнейшем исключает проведение административного расследования, так как в соответствии с позицией законодателя административное расследование возможно лишь при обязательном вынесении определения о возбуждении дела и проведении административного расследования.

Приведенные выше положения позволяют утверждать, что существующая регламентация возбуждения дела страдает непоследовательностью и неполнотой.

Под сроком стадии возбуждения дела об административном правонарушении понимается установленный законом период времени, который начинается с момента обнаружения деяния, содержащего признаки административного правонарушения, и заканчивается направлением дела по подведомственности.

Согласно ст. 28.5 КоАП РФ протокол об административном правонарушении должен быть составлен немедленно либо не позднее двух суток с момента выявления правонарушения в случае необходимости дополнительного выяснения обстоятельств дела. Срок передачи дела по подведомственности составляет одни сутки с момента составления протокола (вынесения постановления прокурором) об административном правонарушении, за исключением случаев, когда протокол (постановление прокурора) об административном правонарушении передается на рассмотрение немедленно после его составления (ч. 2 ст. 28.8 КоАП РФ).

Отсюда можно заключить, что срок стадии возбуждения дела составляет не более трех суток.

Следует отметить, что проблем не возникает в тех случаях, если данные о правонарушении, на основании которых должно быть принято решение о составлении протокола об административном

правонарушении или о прекращении дела, могут быть установлены немедленно, например, на месте выявления административного правонарушения. Однако нередки случаи, когда составление протокола в указанные сроки невозможно (например, когда правонарушитель скрывается). В связи с этим вопрос о юридической доброкачественности протокола, составленного с нарушением таких сроков, оказывается весьма актуальным.

С нашей точки зрения, сроки, предусмотренные ст. 28.5 КоАП РФ, являются не давностными, а процессуальными. В случае их нарушения ущерб наносится оперативности процесса, а возможно, и интересам его участников, однако полнота, всесторонность и объективность исследования всех обстоятельств дела от этого не страдают. Следовательно, нарушение указанных сроков в необходимых случаях может влечь применение к соответствующим должностным лицам мер дисциплинарного воздействия, но не лишает протокол об административном правонарушении его юридической силы (за исключением случаев, когда нарушены сроки давности привлечения лица к административной ответственности). Подобное мнение находит подтверждение и в судебной практике. Так, в своем постановлении от 9 декабря 2003 г. №1096/03 Президиум Высшего арбитражного суда Российской Федерации указал: «Само по себе нарушение срока составления протокола об административных правонарушениях, предусмотренного статьей 28.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, не является основанием, исключающим производство по делу об административном правонарушении, если этим протоколом подтверждается факт правонарушения и он составлен в пределах срока давности, установленного статьей 4.5 Кодекса».

Полагаем, можно согласиться с учеными, предлагающими увеличить срок составления протокола об административном правонарушении до трех дней¹⁶. В результате увеличится срок на проведение предварительной проверки, что будет способствовать законному, обоснованному и своевременному началу производства по делу об административном правонарушении. Таким образом, общий срок стадии возбуждения дела увеличится до четырех суток. В связи с незначительным увеличением срока составления протокола, установленного законодателем, «растягивания» производства по делу не будет.

Когда данных об административном правонарушении, на основании которых должно быть принято решение о составлении протокола об административном правонарушении или о прекращении дела недостаточно, и необходимо провести ряд поверочных действий, которые требуют определенных временных затрат, проводится административное расследование.

С учетом потребностей практики необходимо внести коррективы в ч. 2 ст. 28.5 КоАП РФ об изменении сроков:

«В случае, если требуется дополнительное выяснение обстоятельств дела либо данных о физическом лице или сведений о юридическом лице, в отношении которых возбуждается дело об административном правонарушении, протокол об административном правонарушении составляется в течение трех суток с момента выявления административного правонарушения».

Анализ правовых норм, регламентирующих производство по делам об административных правонарушениях, показывает, что на практике в зависимости от вида правонарушений имеются существенные различия. С учетом характера правонарушения и сложности осуществляемых процессуальных действий производство по одним осуществляется по полной процедуре, по другим — по ее сокращенному варианту. В зависимости от конкретного административного правонарушения в одних случаях производится выяснение обстоятельств административного правонарушения, в других — такое выяснение практически отсутствует (например, при наложении штрафа на месте совершения очевидного административного правонарушения). Но в обоих случаях указанные процессуальные действия носят характер возбуждения дела об административном правонарушении. Приведенный довод является еще одним аргументом в пользу названия начальной стадии производства по делам об административных правонарушениях стадией возбуждения дела. Именно к возбуждению дела сводится смысл деятельности уполномоченных органов на этой стадии производства.

Полагаем, что устранение выявленных нами недостатков в производстве по делам об административных правонарушениях, законодательное закрепление внесенных нами предложений, связанных с первоначальной стадией производства, поможет государственным органам эффективно решать проблемы борьбы с правонарушениями.

¹ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — М., 1996. — С. 751

² См., напр.: Телегин А.С. Производство по делам об административных правонарушениях в органах внутренних дел. — М., 1991. — С. 27; Производство по административным правонарушениям / Под ред. Д.Н. Бахраха. — Свердловск, 1986. — С. 11.

³ См.: Бахрах Д.Н., Ренов Э.Н. Производство по делам об административных правонарушениях: Пособие для слушателей народных университетов. — М., 1989. — С. 16-17.

⁴ См.: Масленников М.Я. Административно-юрисдикционный процесс. — Воронеж, 1990. — С. 17.

⁵ См.: Якимов А.Ю. Административно-юрисдикционный процесс и административно-юрисдикционное производство // Гос-во и право. — 1999. — № 3. — С. 7.

⁶ См.: Масленников М.Я. Указ. соч. — С. 14.

⁷ См.: Котюргин С.И. Административный процесс в деятельности советской милиции: Автореф. дис... канд. юрид. наук. — М., 1968. — С. 9.

⁸ См.: Лория В.А. Административный процесс и его кодификация. — Тбилиси, 1986. — С. 55.

⁹ См., напр.: Сорокин В.Д. Административно-процессуальное право. — М., 1972. — С. 165.

¹⁰ См.: Киялханов И.Ш. Права и свободы граждан в сфере административно-юрисдикционной деятельности милиции: Монография. — Омск, 1996. — С. 24.

¹¹ Великошин И.И. Стадия возбуждения дела об административных правонарушениях и некоторые аспекты ее регламентации // Право и политика. — 2003. — № 6. — С. 64.

¹² См.: Белозеров Ю.Н., Чувилов А.А. Проблемы обеспечения законности и обоснованности возбуждения уголовного дела. — М., 1973. — С. 52.

¹³ См.: Филоненко И.О. Возбуждение и административное расследование милицией дел об административных правонарушениях в сфере оборота алкогольной продукции: Дис... канд. юрид. наук. — Омск, 2003. — С. 24.

¹⁴ См.: Великошин И.И. Указ. соч. — С. 66.

¹⁵ Там же. — С. 65. См. так же: Комментарий к Кодексу РФ об административных правонарушениях / Под ред. Ю.М. Козлова. — М., 2002. — С. 1075.

¹⁶ См.: Телегин А.С. Расследование административных правонарушений: Автореф. дис... канд. юрид. наук. — Свердловск, 1968. — С. 12.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОЛЛЕГИАЛЬНОЙ ФОРМЫ ОБСУЖДЕНИЯ И ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИИ

А. И. Казанник

В исполнительных органах государственной власти России проекты наиболее важных управленческих решений выносятся на коллегии. Они служат организационно-правовой формой привлечения коллективного разума к выработке и принятию оптимальных управленческих решений по актуальным и сложным вопросам.

Однако коллегии выполняют свою служебную роль лишь в том случае, когда их заседания тщательно подготовлены. По своему содержанию подготовительная работа исключительно многогранна. Она охватывает целую систему взаимосвязанных управленческих действий по планированию заседаний коллегии, выбору даты и времени их проведения, формированию повестки дня, подготовке докладов и проектов решений, определению приблизительного состава участников заседания и др.

Планирование заседаний коллегии имеет свою специфику, что не исключает необходимости подчинения его общим научно-методическим требованиям. Согласно регламенту работы исполнительного органа государственной власти составляется по заранее утвержденной форме годовой план проведения коллегий, на основе которого разрабатываются квартальные планы, а на их основе — месячные. Планы формируются организационными отделами с учетом заявок их структурных подразделений и других ведомств. В них включаются только сложные или комплексные вопросы, для решения которых действительно требуется подключение коллективного разума, выявление различных позиций и точек зрения, проведение глубокого ана-

лиза проблемной ситуации, принятие оптимального и взвешенного решения. По всем другим вопросам решения принимаются на более низких, соподчиненных уровнях управления.

Планы проведения коллегий исполнительных органов государственной власти должны быть конкретными, выраженными в цифрах и реально достижимыми. Следует четко формулировать вопросы, выносимые на коллегию, установить оптимальные сроки их рассмотрения, определить формы принимаемых управленческих решений, назначить должностных лиц, ответственных за подготовку заседания коллегии всех необходимых документов, предусмотреть промежуточный контроль за ходом реализации плановых заданий. Поскольку планирование неизбежно содержит элементы непредсказуемости и неизвестности, то в соответствующих разделах документов должны учитываться возможности внесения на коллегию заранее непредусмотренных вопросов, для чего надо обязательно оставлять резерв рабочего времени. Это в значительной степени повысит реальность планов.

С планами проведения коллегий должны быть ознакомлены исполнители и те адресаты, которым они предназначены. Но ответственность за осуществление планов и их пересмотр следует возлагать только на конкретных должностных лиц.

Регламентами исполнительных органов государственной власти России установлен порядок, согласно которому заседания коллегий проводятся не реже одного раза в месяц. Руководитель самостоятельно устанавливает день проведения коллегии.

Однако сделать выбор даты и времени созыва коллегии произвольно, только ради удобства кого-то из руководителей было бы не совсем правильно. Результаты научных исследований говорят в пользу проведения коллегий в заранее определенный день каждого месяца, который должен стать не только постоянным, но и привычным для всего коллектива. Это позволит служащим разумно планировать свое рабочее время, интенсивно и без перебоев трудиться в течение недели, не срывать заранее намеченные мероприятия.

Вопрос о том, в какое время дня проводить заседания коллегии относится к числу психологических вопросов управления. Специалисты по этим проблемам рекомендуют назначать заседания во вторую половину дня, так как первая половина дня — самая продуктивная с точки зрения результативности умственного труда и эффективности личной работы служащего. При этом не надо разбивать рабочий день, менять ритм труда, заставлять людей переключаться с одного вида деятельности на другой¹.

Формирование повестки дня заседания коллегии начинается с отбора вопросов, выносимых на обсуждение. На коллегию выносятся как плановые вопросы, так и оперативные по указанию руководителя. Вместе с тем в практике деятельности исполнительных органов государственной власти России встречаются и такие вопросы, которые обязательно должны быть рассмотрены на коллегии. К их числу относятся:

- долгосрочные и годовые прогнозы экономического и социального развития территории;
- проекты бюджета и комплексных программ;
- схемы и проекты районных планировок, проекты генеральных планов городов и других населенных пунктов;
- комплексные вопросы, решение которых выходит за пределы структурных подразделений исполнительных органов государственной власти и других ведомств;
- вопросы, решение которых входит в компетенцию многих органов исполнительной власти;
- отмена или частичное изменение управленческих решений, ранее принятых на заседании коллегии.

Отобранные в повестку дня работы коллегии вопросы ранжируются по кругу участников обсуждения и степени сложности. Первыми рекомендуется ставить на обсуждение вопросы, на рассмотрение которых прибыло больше всего приглашенных лиц. После их рассмотрения приглашенные лица могут уйти из зала заседания. Остальные вопросы располагаются по степени сложности от более сложных и трудоемких к более простым². Напротив каждого вопроса указываются допустимые затраты времени, рассчитанные на его обстоятельное обсуждение. Вполне естественно, что на об-

суждение сложных и трудоемких вопросов планируется значительно больше времени, чем на обсуждение вопросов, которые выносятся каждый год на коллегию согласно требованиям действующего законодательства.

Существенное значение для эффективной работы коллегии имеет количество вопросов, включаемых в повестку дня. Объективными критериями для определения их оптимального числа служат сложность и практическая значимость вопросов. Как показывает опыт работы Правительства Омской области, на его заседаниях решаются важнейшие вопросы экономического и социального развития региона, рационального использования и охраны природных ресурсов, здравоохранения и культуры, общего и профессионального образования, летнего оздоровления детей, укрепления законности и правопорядка, борьбы с наркоманией.

Перечень вопросов наглядно показывает, что все они относятся к сложным и практически значимым. Поэтому в повестку дня работы коллегии необходимо включать не более двух-трех вопросов, чтобы все обсуждение не было скомкано, проведено наспех.

В окончательной редакции повестки дня заседания коллегии четко формулируются вопросы, выносимые на обсуждение, проводится их нумерация, указываются фамилия, инициалы и должность лиц, докладывающих каждый вопрос.

Важным моментом подготовки коллегии является выбор докладчика, способного проинформировать по существу проблемы всех участников заседания. Каждый вопрос, как правило, докладывается руководителем того ведомства, которое внесло его на рассмотрение коллегии.

Такая практика, на мой взгляд, не всегда оправдана. Если руководитель недостаточно хорошо знает проблему и не обладает культурой речи, то лучше поручить выступить с докладом специалисту в конкретной области или сотруднику, имеющему непосредственное отношение к этой тематике. Провалы коллегий зачастую обусловлены именно тем обстоятельством, что докладчик оказывается плохим оратором, говорит невнятно, нудно и долго, перескакивает с одной мысли на другую, злоупотребляет вводными словами, делает продолжительные паузы. К концу запутанного и монотонного доклада аудитория впадает в состояние глубокой апатии, погружается в послеобеденный сон, празднует сиесту³.

К докладу предъявляются серьезные требования как по содержанию, так и по форме. В докладе должна быть обстоятельно проанализирована проблемная ситуация, вскрыты причины ее возникновения, четко сформулированы цели урегулирования, высказаны новые идеи, сделаны конкретные выводы и позитивные предложения.

Доклад должен быть по своему содержанию объективным и принципиальным. Если проблема носит дискуссионный характер, то необходимо привести анализ всех точек зрения, а в заключении — веские доказательства в пользу одной из них или убедительно обосновать собственную позицию. Еще лучше в этом случае заслушать доклад и содоклад, подготовленные двумя авторами, сторонниками разных точек зрения⁴.

С формальной стороны доклад должен отличаться смысловой точностью, логической последовательностью, доступностью и выразительностью, официально-деловым стилем языка и грамматической правильностью речи, высоким эмоциональным уровнем. Если вспомнить, что 80% всей информации человек воспринимает глазами, то у нас есть все основания и для еще одного обязательного требования к докладу: он должен подкрепляться таблицами, графиками, диаграммами и другим иллюстративным материалом.

Конечно, в исполнительных органах государственной власти России не все служащие являются от природы блестящими ораторами. Тем не менее каждый служащий, особенно руководитель, может и должен учиться правильно излагать свои мысли, владеть аудиторией. Умение пользоваться всеми богатствами родного языка, кратко и ясно выражать свои мысли — один из важнейших признаков высокого интеллекта человека, его личной культуры.

Надо работать и над улучшением своей дикции. Неприятное впечатление производит коллегия, на заседании которой докладчик невнятно произносит слова, что-то бубнит себе под нос, а люди не могут вникнуть в содержание его речи и угрюмо молчат то ли из деликатности, то ли от безразличия.

По каждому вопросу, выносимому на рассмотрение коллегии, должны быть подготовлены проекты управленческих решений. Для этого необходимо:

- обеспечить подготовку проекта управленческого решения с указанием конкретных лиц, сроков, видов предписаний и рекомендаций;
- четко определить сущность проблемной ситуации;
- глубоко изучить законы и иные правовые акты, относящиеся к обсуждаемой проблематике;
- ознакомиться с освещением данного вопроса в научной литературе и периодической печати;
- удостовериться, что проект касается лишь тех вопросов, которые правомочен разрешить данный орган исполнительной власти;
- выбрать надлежащую форму управленческого решения (указ, постановление, распоряжение, инструкция и т.п.);
- определить ведомства и должностных лиц, которые будут заниматься реализацией управленческого решения;

— согласовать в установленном порядке проект решения с заинтересованными ведомствами и юридической службой.

При разработке проектов управленческих решений необходимо широко использовать современные правила и приемы законодательной техники. Хотя такие правила и приемы могут быть различными (например, при кодификации и подготовке проектов подзаконных актов), тем не менее в своей основе они едины, так как касаются выработки правовых предписаний, формулирования юридических норм⁵. С их помощью можно обеспечить максимально полное и точное соответствие формы управленческих решений их содержанию, эффективно сгруппировать нормативный материал, с исчерпывающей полнотой урегулировать проблемную ситуацию, создать наилучшие условия для реализации решений.

Исходя из этих теоретических посылок правотворчества, можно сформулировать наиболее общие требования, которые должны предъявляться к форме готовящихся к заседанию коллегии проектов управленческих решений:

- структура проекта решения должна быть логичной и четкой;
 - заголовок проекта должен быть кратким и ясным, а также соответствовать содержанию решения;
 - проект управленческого решения по сложным и принципиально новым проблемам должен содержать одно самостоятельное, законченное предписание;
 - должна быть обеспечена логическая последовательность в изложении предписаний, их органичная связь между собой;
 - должны быть устранены какие бы то ни было противоречия как в содержании конкретных предписаний, так и в содержании проекта решения в целом;
 - должны быть обеспечены максимальная краткость и компактность изложения всех предписаний;
 - содержание проекта управленческого решения должно быть изложено ясно, просто и доступным языком;
 - проект должен отличаться точностью и определенностью формулировок, выражений и отдельных терминов;
 - при подготовке проекта управленческого решения должны использоваться единообразные правила и приемы законодательной техники, что позволит изложить его содержание в «едином ключе»⁶.
- Выполнение всех требований, предъявляемых к форме управленческого решения на стадии его разработки, значительно облегчит прохождение проекта на заседании коллегии, поможет провести его обсуждение в деловом, конструктивном духе, своевременно принять необходимые меры по реализации решения.

Успех работы коллегии исполнительного органа государственной власти в решающей степени зависит от состава участников заседания. На коллегии обязаны присутствовать все должностные лица, специально уполномоченные принимать управленческие решения. В круг этих лиц входят, как известно, только члены коллегии, для которых участие в ее заседании является должностной обязанностью.

Кроме членов коллегии, в заседаниях участвуют и приглашенные лица. Подбирают их с особой тщательностью, поскольку от активности и профессиональной подготовки участников заседания в значительной степени зависит эффективность работы коллегии. В список приглашенных необходимо включать лишь представителей следующих категорий лиц:

- непосредственно заинтересованных в принятии управленческого решения;
- располагающих соответствующими специальными знаниями по решаемой проблеме;
- исполняющих управленческое решение;
- имеющих практический опыт решения аналогичных проблем;
- специально уполномоченных осуществлять контроль за ходом реализации решения;
- опытных консультантов по правовым вопросам урегулирования проблемной ситуации.

Ни в коей мере нельзя приглашать на коллегию людей для массовости, ради ложно понятого престижа руководителя. В ее заседаниях должно участвовать минимальное количество лиц, без которых действительно нельзя обойтись.

Имея повестку дня, список приглашенных, зная время и место работы коллегии, приступают к оповещению участников заседания. Членам коллегии исполнительного органа государственной власти никаких специальных приглашений не рассылают. Достаточно каждому из них вручить папку с повесткой дня и необходимыми материалами, подготовленными к заседанию коллегии. Всем другим лицам направляются письма или телефонограммы с приглашением принять участие в работе коллегии. Делается это обычно за неделю до заседания коллегии, чтобы они могли спланировать свой рабочий день, перенести при необходимости дела, обстоятельно ознакомиться с материалами, подготовиться к выступлению на коллегии.

Для эффективной работы коллегии большое значение имеет своевременная подготовка, размножение и рассылка всем участникам заседания документов и материалов, позволяющих глубже вникнуть в содержание обсуждаемых проблем. Как показывает опыт проведения заседаний Правительства Омской области, необходимый минимум рабочей папки каждого участника заседания должны составлять проекты управленческих решений и информационно-справочные материалы: статис-

тические отчеты, таблицы, графики, диаграммы, справки, экономические и финансовые расчеты, планы, обзоры действующего законодательства и периодической печати. Без них практически невозможно обеспечить плодотворную работу участников заседания коллегии, оперативно провести обсуждение всех вопросов повестки дня.

Ответственный подход к подготовке заседания коллегии исполнительного органа государственной власти служит одной из важнейших гарантий ее успешного проведения. Остальное зависит, главным образом, от руководителя, который по должности является председателем коллегии.

Роль председателя заключается в том, чтобы обеспечить деловое обсуждение вопросов повестки дня заседания коллегии, выслушать мнения его участников, серьезно разобраться в них и принять оптимальное решение. Для успешного выполнения своей роли председателю коллегии нужно соблюдать определенные условия.

Начинать заседание коллегии следует точно в назначенный час. Конечно, среди приглашенных встречаются люди, которые, стремясь показать свою загруженность и незаменимость на рабочем месте, опаздывают на несколько минут. Но реагировать на это председателю не следует. Поскольку люди знают, что все без исключения заседания коллегии начинаются в строго установленное время, то для них своевременный приход станет правилом, войдет в привычку, и они не будут опаздывать.

На коллегии утверждаются повестка дня заседания и регламент работы. Как свидетельствует передовой отечественный и зарубежный опыт проведения коллегий исполнительных органов государственной власти, докладчику при обсуждении сложных вопросов необходимо предоставлять 20-30 минут времени, выступающим в прениях до 10 минут, желающим задать вопросы и сделать замечания и предложения по проекту управленческого решения по 3 минуты, для справок и реплик по 1 минуте. Для того, чтобы члены коллегии и приглашенные привыкли к жесткому регламенту, на первых порах его нужно устанавливать в административном порядке.

У каждого председателя коллегии вырабатывается свой индивидуальный стиль руководства ее заседаниями. Но мои многолетние наблюдения позволяют сделать вывод, что он является лишь частным проявлением стиля руководства коллективом служащих исполнительного органа государственной власти. Руководитель и в процессе работы коллегии, скорее всего, не может отрешиться от индивидуального, ставшего привычным для него стиля управления.

Руководитель авторитарного склада и в кресле председательствующего на заседании коллегии пользуется диктаторскими методами. Он жестко

настаивает на принятии предложенной повестки дня работы коллеги, навязывает свое мнение всем участникам заседания, выдавая его за мнение большинства, предлагает проект решения в собственной формулировке. На таком заседании нет дискуссии и борьбы мнений, обсуждение всех вопросов подчинено воле руководителя. Цели заседания достигаются путем примитивного запугивания его участников, подавления всяческой инициативы, прямого обмана и дезорганизации работы коллеги.

Подавление инициативы участников заседания направлено на быстрое сворачивание дискуссии, которая становится слишком оживленной и приобретает для председателя коллеги неблагоприятный характер. Для этого вносятся предложения о прекращении прений, делаются голословные заявления о достигнутом согласии по обсуждаемому вопросу, бросаются в зал насмешливые реплики в том духе, что теперь, мол, и «козе все понятно», раздаются требования поставить проект решения на голосование. И только смелый человек с очень громким голосом может привлечь внимание председателя или дать ему понять, что обсуждение по столь принципиальному вопросу еще нельзя заканчивать.

Отработанным приемом сворачивания дискуссий на заседании коллеги может служить заявление председателя о том, что на обсуждение вынесено несколько вариантов решения проблемной ситуации. Однако он отдает предпочтение первому варианту, поскольку остальные, как всем хорошо известно, являются крайне слабыми, и на их обсуждение вряд ли стоит тратить драгоценное время. После такого заявления мало кто выступит в поддержку альтернативных вариантов урегулирования проблемной ситуации.

Еще более разнообразны диктаторские методы руководства работой коллеги, применяемые для введения в заблуждение участников заседания с целью принятия угодного председателю решения, которое потом успешно выдается за коллегиальное, за плод коллективного разума.

В практике проведения коллегий исполнительных органов государственной власти России роль председателя часто сводится к тому, чтобы ослепить всех участников заседания своими глубокими познаниями проблемной ситуации. Он быстро приводит факты и цифры, иллюстрирует сказанное графиками, схемами и диаграммами, не давая возможности присутствующим внимательно ознакомиться с этими наглядными материалами, раскрывает массу мелких, несущественных деталей. Председатель буквально заливает людей потоком «основных показателей», «общих закономерностей», «глубоких сентенций» и «наглядных иллюстраций», и пока они отчаянно барахтаются, пытаясь что-либо понять в атмосфере настоящего дурмана, решение уже принято и заседание коллеги

закрывается. И никто даже не успеет крикнуть: «А король-то голый!»⁷.

Иногда председателю коллегии прибегает к цитированию несуществующих литературных источников, законов и иных нормативно-правовых актов, статистических справочников. Расчет строится на том, что во время заседания коллегии никто не пойдет в библиотеку наводить справки, не станет пользоваться компьютерной системой.

Эффективным методом сбить аудиторию с толку, ввести ее в заблуждение служит иллюстрационный материал доклада, который невозможно воспринимать даже через бинокль или прибор ночного видения. В зале вывешиваются светокопии с еле заметными цифрами и линиями, мелкие рабочие чертежи, запутанные диаграммы. В начале участники заседания до боли напрягают зрение и добросовестно вглядываются в злополучные «наглядные пособия», пока не убеждаются, что это совершенно бесполезно. Тем не менее они продолжают внимательно слушать докладчика до тех пор, пока не приходят к выводу, что, не видя иллюстраций, нельзя вникнуть и в содержание доклада, глубоко разобраться в проблеме. Слушателей охватывает апатия, и они отключаются от доклада и ищут способ убить время. В этой атмосфере можно навязать проект любого решения.

Значительно реже в практике проведения коллегий исполнительных органов государственной власти России встречается такой метод сознательного введения в заблуждение участников заседания, как произнесение дурманистских речей. По форме они производят впечатление стройных и логичных, поскольку их последующая фраза начинается, как правило, с последнего слова предыдущей. Зато их содержание представляет собой типичный пример демагогии, убогости мысли.

Сбитые с толку дурманистскими речами, участники заседания обычно поддерживают безостановочного обсуждения проект управленческого решения, предложенный председателем коллегии.

В случае необходимости председатель коллегии с авторитарными привычками использует и такие методы руководства заседаниями, с помощью которых можно дезорганизовать всю работу коллегии. Руководитель, избрав соответствующую тактику, делает краткое резюме каждого выступления, выделяет в нем сильные и слабые стороны, а затем неожиданно для слушателей, как искусный фокусник, формулирует выводы и предложения, которые вовсе не вытекают из содержания речи оратора. На коллегии создается атмосфера отупения и вялости, когда всем присутствующим кажется, что обсуждаемая проблема уже не имеет никакого значения. В этой обстановке никто не решится отстаивать свою позицию, поскольку ему придется просить слова во второй раз, что считается

неприличным, вступать в пререкание с председателем коллегии, на сторону которого неизбежно перейдет расположение аудитории.

Старым, хорошо проверенным методом дезорганизации работы коллегии можно считать сознательное затягивание ее заседаний. Применение этого метода позволяет склонить утомленных людей к отказу от дискуссии и в обстановке нарастающего безразличия ко всему, кроме запоздалого ужина, принять «нужное» решение. Как показывает опыт, переутомление делает участников заседания коллегии абсолютно равнодушными к тому, какое решение, в конце концов, будет принято, и формирует у них готовность голосовать за проект любого решения, лишь бы побыстрее кончилось заседание.

Председатель коллегии, склонный к демократическому стилю руководства, стремится создать на каждом заседании деловую обстановку, обеспечить все возможности для свободного обмена мнениями и выработки проекта оптимального управленческого решения. Однако добиться этого можно лишь при соблюдении ряда требований научной организации труда, регулирующих порядок проведения заседаний коллегии.

Прежде всего председатель должен заранее объявить о точном времени окончания заседания коллегии. Установление жестких временных рамок оказывает дисциплинирующее воздействие на всех участников заседания, что приводит к сокращению его продолжительности на 10%.

Если заседание коллегии займет максимум полтора часа, то его можно проводить без перерыва. При более продолжительном заседании через каждые 50-60 минут работы необходимо делать пятиминутные перерывы, чтобы люди могли отдохнуть.

Будет вполне уместным, если председатель коллегии в начале заседания скажет: «Мы собрались работать. Поэтому устраивайтесь поудобнее. Можно снять пиджаки».

Председатель коллегии направляет ход выступлений, следит за соблюдением повестки дня, установленного регламента, чем обеспечивается дисциплина и порядок проведения заседаний. Он вынужден глубоко вникать в содержание речей выступающих, чтобы не упустить интересные мысли и оригинальные выводы или остановить зарвавшегося «златоуста» и задать вопрос, какие конкретные предложения у него есть.

С особым вниманием председателю коллегии необходимо относиться к регламенту. Для всех участников заседания он должен стать законом, в содержании которого не может быть исключений даже для руководителей самого высокого ранга. Строгое соблюдение регламента надо сделать практикой работы коллегии, превратить в привычку председателя и всех участников заседания коллегии.

Пример в соблюдении регламента должны подавать докладчики. Планируя свой доклад на коллегии, следует учитывать психологическую особенность общения с аудиторией: дефицит времени порождает стресс, стимулирующий умственную деятельность человека. Поэтому докладчикам важно и в рамках регламента по возможности экономить время, что приведет к повышению эффективности работы коллегии⁸.

Председатель коллегии должен решительно пресекать попытки выступающих подменить деловое обсуждение проблемы витиеватыми речами, пустыми декларациями и призывами. «На собрании, — как писал один из зачинателей НОУТ в нашей стране А.К. Гастев, — никакой оратор не должен брать слово, если не может его закончить предложением. Речь, не законченная предложением, — пустая трата времени»⁹. Автор не ограничился простой констатацией факта, а разработал научно обоснованную методику делового выступления, основные положения которой не утратили своего практического значения и в наши дни: «В пять минут можно изложить самую сложную мысль. Сначала подавайте короткой фразой главную суть. На это потратьте минуту. Потом давайте комментарии и цифры. На это — четыре минуты»¹⁰.

Совершенно недопустимо начинать свое выступление такими, например, словами: «Докладчик в своем замечательном докладе сказал то-то и то-то. Я, как и подавляющее большинство присутствующих, полностью разделяю его мнение и в корне не согласен с тем, что предлагает мой коллега Иванов». В выступлении обязательно надо дать слушателям новую информацию по обсуждаемой проблеме, привести не звучавшие в зале доказательства определенной позиции, четко сформулировать выводы и предложения. В задачу председателя коллегии входит не допускать повторения одних и тех же мыслей и доводов в различных выступлениях. Но он должен помнить, что идеи, предложения, советы не отбрасывают, а выбирают лучшие.

Порядок предоставления слова на заседании коллегии должен базироваться на демократических принципах. Его цель — предоставить каждому участнику заседания возможность свободно высказать свое мнение. Однако и здесь необходимы разумные ограничительные процедуры для типичных ситуаций, когда, например, слова просит «дежурный» оратор, не способный высказать ни одной свежей мысли, а лишь повторить известные положения. Такому оратору вряд ли стоит создавать режим наибольшего благоприятствования, поскольку заранее известно, что он будет бесцеремонно злоупотреблять предоставленной ему возможностью выступить.

На всех этапах работы коллегии председатель должен воздействовать на участников заседания

таким образом, чтобы создать обстановку полемики, а не конформизма и единодушия. Выступления нескольких ораторов в поддержку одного варианта решения проблемы теряют практический смысл, поскольку они лишают коллегию возможности сделать сознательный выбор из нескольких реальных альтернатив. Поэтому председатель должен стремиться к тому, чтобы были обсуждены наиболее существенные варианты решения проблемы, противоположные точки зрения, взвешены все «за» и «против». Разногласия в данном случае являются единственным спасением от плена субъективных схем и предвзятых мнений¹¹.

Для достижения этой цели председатель коллегии должен ввести в практику руководства ее заседаниями определенные процедурные правила. Если в зале прозвучала реплика «Непосредственное возражение!», то председатель должен предоставить ее автору слово вне очереди, сразу после окончания текущего доклада. Смысл этой практики заключается в обеспечении логической связи между выступлением и возникшим возражением, в поддержании плодотворной дискуссии, в повышении эффективности работы коллегии в целом¹².

Недопустимо высмеивать выступления участников заседания коллегии, делать уничижительные замечания, бросать в зал оскорбительные реплики. Результаты психологических исследований свидетельствуют, что 95% людей не могут работать в условиях «моральной» угрозы. Если одернули одного выступающего, то остальные будут думать только о том, как бы не показаться в глазах председателя коллегии и коллектива служащих глупее других. Здесь важно учитывать, что лучшие идеи — плод коллективного творчества. Председатель не вправе забывать это и обязан по должности чаще подчеркивать значимость коллективного разума¹³.

Поддерживая в зале заседаний дискуссию, председатель коллегии не должен забывать, что в любом высказанном мнении содержится рациональное зерно. И к каждому оратору нужно внимательно прислушиваться, если, конечно, заранее не известно, что он является некомпетентным лицом или преследует свои корыстные, эгоистические цели. Он должен сходить из того, что человек, высказавший, казалось бы, неверное суждение, видит реальность в несколько ином свете и предлагает свой вариант решения проблемы. Нужно отбросить в сторону все свои эмоции и предвзятое отношение к оппоненту и заставить себя видеть в противоположном мнении средство поисков и обоснования альтернативных вариантов. Опытный председатель коллегии использует столкновение различных мнений для того, чтобы убедиться в том, что все важнейшие аспекты проблемной ситуации тщательно проанализированы и взвешены, а выводы и предложения подкреплены убедительными

аргументами. Тем самым он не дает увлечь себя правдоподобным, но на самом деле неверным или, в лучшем случае, половинчатым решением. Это служит важной гарантией выбора оптимального решения из нескольких возможных альтернатив, которое в последствии оказалось неподходящим для урегулирования данной проблемной ситуации или проблематичным с точки зрения его реализации в изменившихся условиях¹⁴.

Председатель коллегии исполнительного органа государственной власти выполняет на заседании функции, очень сходные с работой третейского судьи. Он выслушивает мнения различных сторон, делает промежуточные обобщения, оценивает выводы и предложения участников заседания коллегии. Поэтому он не должен увлекаться высказыванием собственного мнения, безапелляционно излагать свою позицию, не оставляя места для развертывания творческого обсуждения.

Во время заседания коллегии возникают ситуации, когда председатель вынужден вмешиваться в процесс обсуждения вопросов повестки дня. Делается это обычно в следующих случаях:

— для предоставления слова докладчику или выступающему в прениях;

— для корректных замечаний участникам заседания коллегии, которые начинают свое выступление со слов: «Нет...», «Это невозможно...», «Это неправильно...», «С этим я в принципе не могу согласиться...»;

— для лишения слова выступающего по истечении установленного регламентом времени, а также в случаях, когда тот отклоняется от темы обсуждения или пытается свести личные счеты с кем-либо из присутствующих;

— для поддержания порядка в зале заседания коллегии;

— при возникновении длительной паузы в обсуждении проблемной ситуации, чтобы с помощью наводящих вопросов продолжить дискуссию;

— для внесения с помощью промежуточных обобщений ясности в предмет или процесс обсуждения вопросов повестки дня работы коллегии, особенно при возникновении ошибок и недоразумений, которые могут повлиять на ход всего обсуждения проблемной ситуации и на результаты принятия управленческого решения;

— при возникновении разного рода технических вопросов, требующих немедленной реакции в целях сохранения благоприятных условий для плодотворной работы коллегии.

Для председателя коллегии, исповедующего демократический стиль руководства, одним из самых сложных и ответственных моментов является завершение заседания. На данном этапе председатель подводит итоги работы коллегии, делает завершающее обобщение, формулирует основные по-

ложения управленческого решения, благодарит участников заседания за проявленную активность в обсуждении важных проблем. От него требуется предельная концентрация, умение использовать наработанный опыт проведения коллегий, способность логически мыслить, понимать и чувствовать аудиторию. Только тогда люди смогут правильно оценить преимущества коллективного разума при решении сложных проблем, эффективность проделанной работы, испытать удовлетворение от полученных результатов, что послужит хорошей мотивацией для их участия в последующих заседаниях коллегии.

Председатель коллегии исполнительного органа государственной власти, освоивший бюрократический стиль руководства, стремится с исчерпывающей полнотой урегулировать все стадии подготовки и проведения заседаний коллегии при помощи регламента или специальных правил. После достижения этого идеала, как предполагается, процедура проведения коллегий будет отлажена, однако идеал полной регламентации недостижим, так как на заседании коллегии неизбежно возникают ситуации, в принципе не поддающиеся регламентации и формализации.

В исполнительных органах государственной власти России, где сохранился бюрократический стиль руководства, проводятся лишь сегрегативные заседания коллегии. Их отличительная особенность заключается в том, что по каждому вопросу повестки дня с докладом выступает кто-либо из руководителей, а затем переходят к прениям. Но в прениях могут участвовать только лица, предварительно записавшиеся в список выступающих, который составляется по прямому указанию руководителя. Посторонним участникам заседания коллегии слово не предоставляется, они играют роль статистов, пассивных слушателей¹⁵. И хотя на коллегии голов всегда несколько больше, чем умов, такая процедура значительно обедняет коллективный разум.

Сегрегативные заседания коллегии проходят с исключительной четкостью. Но они не отличаются большой эффективностью, поскольку на коллегии господствует полнейшее единодушие, что затрудняет выработку различных альтернатив и принятие оптимального решения. Председатель коллегии невольно становится пленником застывших схем и конструкций. Он, по существу, один несет ответственность как за принятие управленческого решения, так и за его реализацию.

В обширной практике проведения коллегий исполнительных органов государственной власти России встречаются, хотя и крайне редко, примеры применения либерального стиля руководства заседаниями. По своей методике он является прямой противоположностью бюрократическому стилю.

Согласно сложившейся традиции к заседанию коллегии готовятся доклады по всем вопросам по-

вестки дня, которые размножаются в необходимом количестве экземпляров и заранее раздаются всем участникам заседания. На заседании доклады не оглашаются, а работа коллегии начинается сразу с вопросов к их авторам и прений. В ходе дискуссии, в которой могут принять участие все желающие, вырабатываются наиболее реальные альтернативы урегулирования проблемной ситуации, выбирается оптимальное управленческое решение. Проект решения выносится на открытое голосование членов коллегии.

Председатель коллегии не связан жестким регламентом проведения заседаний, обязательными процедурными правилами. Он стоя объявляет фамилию, имя, отчество и должность выступающего, подчеркивая тем самым свое уважение к оратору. Реплики председатель делает обычно с места, но при выступлении обязательно встает для того, чтобы присутствующие могли лучше воспринять его слова. Подводя итоги каждому выступлению, председатель коллегии выделяет два-три особо удачных теоретических или практических положения и заостряет на них внимание всех участников заседания.

Такая практика проведения коллегий имеет как свои достоинства, так и недостатки. К несомненным достоинствам можно, на мой взгляд, отнести деловитость и краткость заседаний, непринужденную и доброжелательную атмосферу в зале. По форме заседание коллегии напоминает ставшую модной в последние годы «встречу без галстуков». На коллегии дискуссии проводятся за чашкой чая, в выступлениях участников заседания и репликах председателя чувствуется тонкий юмор, часто звучат остроумные шутки. Сама обстановка на коллегии, как считают специалисты, придает людям решимость, увеличивает способность перерабатывать сложную информацию, располагает к раскованному мышлению. Этим либеральные заседания коллегии выгодно отличаются от других заседаний. Работа которых протекает в рамках жестких бюрократических процедур и правил. Если проходят типичные заседания наших коллегий, то чиновники сидят в зале в позе «египетский фараон на троне», а оживления и шутки наблюдаются лишь в двух случаях: когда человек задремал и свалился со стула или, заходя в зал, хватил головой о косяк двери.

Недостатки либерального стиля руководства работой коллегии заключаются в том, что председатель не может обеспечить оптимальное сочетание единоначалия и коллегиальности в процессе управления. На заседании все управленческие решения принимаются коллегиально, что снижает персональную ответственность за их эффективность и результаты реализации¹⁶. Такое положение в исполнительных органах государственной власти недопустимо.

В ходе работы коллегий обязательно ведутся протоколы. По своему служебному назначению протокол представляет собой организационно-распорядительный «документ, фиксирующий ход обсуждения вопросов и принятия решений на собраниях, совещаниях, конференциях и заседаниях коллегиальных органов»¹⁷.

Протокол заседания коллегии должен объективно отражать весь ход ее работы, содержать записи всех выступающих, документально фиксировать выработку управленческого решения в столкновении мнений, дискуссиях. Особенно подробно в протокол нужно заносить выступления представителей меньшинства, предлагавших принципиально иной вариант решения проблемы. Тогда председатель коллегии сможет еще раз вернуться к их выступлениям, спокойно, в деловой обстановке подумать над предложениями по содержанию проекта управленческого решения. Нельзя при оценке решения руководствоваться старыми стереотипами: «Коллектив никогда не ошибается», «Коллектив всегда прав». Не исключена возможность, что среди представителей меньшинства как раз и мог быть человек с оригинальным и даже парадоксальным стилем мышления, который предлагал нестандартное решение сложной проблемной ситуации, более соответствующее современным реалиям. Работая в исполнительных органах государственной власти, следует помнить, что демократическое решение и оптимальное решение — разные вещи. Решение большинства, принятое в обстановке согласия и единства, чаще всего оказывается малоэффективным, что удается определить лишь по результатам урегулирования проблемной ситуации, когда практически уже ничего исправить нельзя. «Коллективное единомыслие, — правильно заметил известный американский бизнес-консультант П.Э. Лэнд, — змея, свернувшаяся в густой траве»¹⁸. Чтобы эта змея не ужалила исподтишка, необходимо обстоятельно записывать в протокол заседания коллегии выступления всех участников, которые после принятия управленческого решения остались в меньшинстве.

Заканчивая заседание коллегии, председатель не должен ограничиваться общепринятыми, лако-

ничными фразами: «Все вопросы повестки дня рассмотрены. Прошу считать заседание закрытым. До свидания!». Следует поблагодарить всех участников заседания за плодотворную работу на коллегии, активное обсуждение сложных проблем, за большой вклад в принятие важных управленческих решений. И тогда люди покинут зал заседаний совершенно с другим настроением, что будет прекрасной мотивацией для позитивной установки на следующую коллегию.

¹ См.: Новоселов В.И. Элементы культуры управления. — М., 1971. — С. 24.

² См.: Быков Т.А., Кузнецов Т.В. Подготовка совещаний и собраний. — М., 2000. — С. 10.

³ См.: Волгин Б.Н. Деловые совещания. — М., 1972. — С. 58.

⁴ См.: Аммельбург Г. Предприятие будущего: структура, методы и стиль руководства. — М., 1997. — С. 328.

⁵ См.: Научные основы советского правотворчества / Отв. ред. Р.О. Халфина. — М., 1981. — С. 258.

⁶ Подробно об этом см.: Атаев А.А. Научная организация управленческого труда. — М., 1980. — С. 44-45; он же. Управленческая деятельность: практика и резервы организации. — М., 1988. — С. 106-107; Научные основы советского правотворчества. — С. 265-266.

⁷ См.: Волгин Б.Н. Указ соч. — С. 98.

⁸ См.: Романов А.А. Грамматика деловых бесед. — Тверь, 1995. — С. 128.

⁹ Гастев А.К. Поэзия рабочего удара. — М., 1971. — С. 235.

¹⁰ Там же. — С. 236.

¹¹ См.: Кузнецов Ю.А. Взаимодействие руководства и коллектива. — М., 2000. — С. 17.

¹² См.: Аммельбург Г. Указ. соч. — С. 333.

¹³ См.: Романов А.А. Указ. соч. — С. 130.

¹⁴ См.: Кузнецов Ю.А. Указ соч. — С. 18.

¹⁵ О сегрегативных заседаниях подробно см.: Директор фирмы и его функции / Под ред. А.Н. Щербаня. — Киев, 1968. — С. 75.

¹⁶ См.: Курьяшова Л.Д. Системно-психологическая оценка кадров руководителей и управленческих систем. — М., 1987. — С. 115.

¹⁷ Единия государственная система делопроизводства. — М., 1999. — С. 74.

¹⁸ Лэнд П.Э. Менеджмент — искусство управлять. — М., 1993. — С.29.

Гражданское и гражданско процессуальное право

ПРАВОСПОСОБНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ

Н.В. Костенко

В науке гражданского права проблема юридического лица относится к числу центральных. «Юридические лица были в течение всего XIX века одной из излюбленных тем в цивилистической литературе, — отмечал И.А. Покровский, — уже самый факт их особой правоспособности давал богатую пищу для теории права»¹. Развитие экономических отношений в XX в. способствовало тому, что значение института юридического лица не только не уменьшилось, но еще более возросло. И правоспособность юридических лиц как научная и практически применимая категория выдвинулась на одно из первых мест.

В общетеоретической правовой науке, как известно, под правоспособностью понимается предусмотренная нормами права возможность лица иметь субъективные права и нести обязанности². Наряду с дееспособностью (как способностью к самостоятельному осуществлению прав и обязанностей) правоспособность является элементом правосубъектности лица. А аналогичным образом определяются эти понятия и в науке гражданского права³. Но правоспособность и дееспособность юридического лица возникают и прекращаются одновременно, с момента государственной регистрации (п. 3 ст. 49, п. 2 ст. 51 ГК РФ). Поэтому различие названных категорий применительно к юридическим лицам не имеет практической значимости, а содержащееся в гражданском законодательстве понятие «правоспособности» юридического лица тождественно по содержанию «правосубъектности». В гражданско-правовой доктрине различие данных категорий для юридических лиц также обычно не имеет значения⁴.

К дискуссионной проблеме традиционно относится вопрос о пределах правоспособности юридического лица. И если само понятие юриди-

ческого лица выработывалось в истории медленно⁵, то тем более это надо сказать относительно объема его правоспособности — общей или специальной.

До недавнего времени юридические лица могли обладать лишь специальной правоспособностью. Ранее действовавшее законодательство давало исследователям определенные основания для классификации правоспособности на правоспособность граждан, Советского государства и юридических лиц. Соответственно, она признавалась общей, универсальной и специальной⁶. Юридическое лицо создавалось для выполнения строго определенных функций и наделялось только теми правами и обязанностями, которые обеспечивали бы реализацию возложенных на него задач согласно плану народного хозяйства. Специальная правоспособность юридических лиц на тот период не оспаривалась, и ученые уделяли внимание, главным образом, ее причинам и содержанию.

С принятием Гражданского кодекса Российской Федерации вопрос о содержании правоспособности юридических лиц вновь стал предметом научных споров. Так, М. Брагинский и К. Ярошенко отмечают, что принцип специальной правоспособности действует в отношении лишь прямо указанных в законе юридических лиц. И наоборот, коммерческие организации, построенные на началах членства, могут иметь гражданские права и обязанности, необходимые для осуществления любых видов деятельности, не запрещенных законом⁷. Аналогичную позицию высказывали Е.А. Суханов⁸, Н.В. Козлова⁹, Л. Рутман¹⁰. Иной точки зрения придерживаются, например, С.А. Зинченко, В. Лапач, Б. Газарьян¹¹.

При обосновании принципа общей правоспособности коммерческих юридических лиц обычно

приводится п. 1 ст. 49 ГК: коммерческие организации, за исключением предусмотренных законом, могут иметь гражданские права и нести обязанности, необходимые для осуществления любых видов деятельности, не запрещенных законом. Тезис о наличии у некоммерческих организаций специальной правоспособности является в науке гражданского права общепризнанным. В то же время, исходя из того, что «правоспособность всякого субъекта может быть общей или специальной»¹², наличие специальной правоспособности признают за унитарным и предприятиями и иными видами коммерческих организаций, специально оговоренными в законе (п. 1 ст. 49 ГК), а также за коммерческими организациями, в учредительных документах которых по воле учредителей содержится либо определенно исчерпывающий (ограниченный) перечень целей деятельности, либо перечень запрещенных видов деятельности (ст. 173 ГК).

Очевидно, что объем правосубъектности организаций, участвующих в гражданском обороте, неодинаков. Но можно ли говорить об общей (универсальной) правоспособности коммерческого юридического лица?

В процессе раскрытия общей и специальной правоспособности субъектов в качестве методологической основы, как правило, используют типы правового регулирования: дозвольтельный (диспозитивный) и обязывающий (императивный)¹³. Отметим, что при определении общего юридического положения участников общественных отношений правосубъектность выступает в качестве главной черты соответствующей модели регулирования¹⁴. Если рассматривать приведенные модели в их классическом виде, то они выступают как полярные по отношению друг к другу: в первой модели субъекту предоставляется общее право, которое ограничивается конкретными запретами, а во второй модели он наделяется в разрешительном порядке конкретными и определенными по содержанию и объекту субъективными правами при наличии общего запрета¹⁵. Но при их применении происходит формирование некоторых смешанных типов регулирования, содержащих и дозволения, и запреты. Тем не менее можно ли утверждать, что все правоотношения, связанные с функционированием института коммерческих организаций, «базируются на общем дозволении, которое определяет содержание и сущность... общей правоспособности»¹⁶?

Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод, что для и коммерческих и некоммерческих организаций установлен целевой критерий деятельности. Так, согласно ст. 2 Федерального закона от 12 января 1996 г. «О некоммерческих организациях»¹⁷ цель создания некоммерческой организации может заключаться в достижении социальных, благотворительных, культур-

ных, образовательных и иных целей, направленных на достижение общественных благ. Целевой критерий деятельности коммерческих организаций установлен в Гражданском кодексе. Основной целью деятельности такой организации является извлечение прибыли (п. 1 ст. 50 ГК). Соответственно, исходный принцип дозвольтельной модели правового регулирования — «дозволено все, что прямо не запрещено» — к правоотношениям с участием юридического лица не применим. Правоспособность всякого юридического лица имеет свои рамки, определяемые целями его деятельности, зафиксированными в законе и учредительных документах.

Возвращаясь к уже высказанному нами тезису о неодинаковом объеме правосубъектности организаций, участвующих в гражданском обороте, отметим, что такое положение связано с различием целей деятельности лица и способами их установления. Для коммерческой организации цель деятельности всегда состоит в извлечении прибыли, в связи с чем определение предмета деятельности коммерческой организации учредителем принципиального значения не имеет и на объеме правоспособности не сказывается — фактически это любые виды деятельности, не запрещенные законом и направленные на извлечение прибыли (абз. 2 п. 1 ст. 49 ГК). Для некоммерческих организаций установлена множественность общественно полезных целей создания и деятельности (ст. 2 Закона о некоммерческих организациях), отсюда предусмотрен и дополнительный критерий правоспособности — предмет деятельности. Следовательно, если у хозяйственных товариществ, обществ, производственных кооперативов специальность правосубъектности определена по критерию цели (извлечение прибыли), то для иных юридических лиц даны, кроме целевого, и дополнительные критерии (перечень видов деятельности).

Категория юридического лица специально разработана для участия в гражданском обороте. Создавая юридическое лицо, учредители, несомненно, преследуют совершенно определенные цели (коммерческие или некоммерческие), реализуемые затем в его деятельности и, собственно, ее определяющие. Поэтому заслуживающим внимания представляется высказанное в литературе мнение о разделении правоспособности юридических лиц не на общую и специальную, а на коммерческую и некоммерческую целевую правоспособность¹⁸.

¹ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. — М., 2001. — С. 146.

² См.: Алексеев С.С. Общая теория права. — Т. 2. — М., 1982. — С. 139-140.

³ См.: Гражданское право: Учебник. — Т. 1 / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. — М., 2003. — С. 151-153.

⁴ Отметим, что в последние годы в юридической литературе получает развитие проблема выделения в составе правосубъектности юридических лиц правоспособности и дееспособности, разделение моментов их возникновения и прекращения. См., напр.: *Кудашкин В.В.* Специальная правоспособность субъектов гражданского права в сфере действия общего запрета // *Гос-во и право.* — 1999. — № 5. — С. 46-54; *Емелин А.В.* Проблемы классификации видов правоспособности и дееспособности юридических лиц в российском гражданском праве // *Юрист.* — 2000. — № 3. — С. 9-15.

⁵ См., напр.: *Покровский И.А.* Указ. соч. — С. 144-153.

⁶ См.: *Советское гражданское право.* — Ч. 1 / Под ред. В.Т. Смирнова, Ю.К. Толстого, А.К. Юрченко. — М., 1969. — С. 107.

⁷ См.: *Брагинский М., Ярошенко К.* Граждане (физические лица). Юридические лица // *Хозяйство и право.* — 1995. — № 2. — С. 10.

⁸ См.: *Гражданское право: Учебник: В 2 т. / Отв. ред. проф. Е.А. Суханов.* — М., 2002. — Т. 1. — С. 190-191.

⁹ См.: *Козлова Н.В.* Юридические лица в современном российском гражданском праве: теория и практика // *Законодательство.* — 1996. — № 2. — С. 34.

¹⁰ См.: *Рутман Л.* Юридические лица: отдельные заметки на полях нового ГК // *Закон.* — 1995. — № 12. — С. 104.

¹¹ См.: *Зинченко С., Лапач В., Газарьян Б.* Новый Гражданский кодекс и предпринимательство: проблемы регулирования // *Хозяйство и право.* — 1995. — № 10. — С. 92.

¹² *Лаптев В.В.* Предпринимательское право: понятие и субъекты. — М., 1997. — С. 44.

¹³ См., напр.: *Зинченко С.А., Галлов В.В.* О природе правосубъектности в гражданском и предпринимательском праве // *Северо-Кавказский юридический вестник.* — 2000. — № 1; *Кудашкин В.В.* Указ. соч. — С. 48-49.

¹⁴ См.: *Алексеев С.С.* Указ. соч. — С. 141

¹⁵ См.: *Советское гражданское право / Под ред. О.А. Красавчикова* — М., 1972. — Т. 1. — С. 382-384.

¹⁶ *Кудашкин В.В.* Указ. соч. — С. 48.

¹⁷ См.: *Собрание законодательства РФ.* — 1996. — № 3. — Ст. 145.

¹⁸ См.: *Зинченко С.А., Галлов В.В.* Указ. соч. — С. 56.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

С.В. Прежеславская

Заявление в суде требований о компенсации морального вреда сопутствует подавляющему большинству исков, связанных с защитой прав граждан. Сфера применения соответствующих норм ГК РФ чрезвычайно широка, в то время как само понятие морального вреда продолжает вызывать споры. В подобных ситуациях, как правило, на помощь науке приходит судебная практика.

Статья 12 ГК РФ относит компенсацию морального вреда к способам защиты гражданских прав. Однако, представляется, что по своей правовой природе данная мера воздействия является мерой гражданско-правовой ответственности, так как выполняет компенсационную и штрафную функции.

Суть компенсации морального вреда состоит в том, чтобы, с одной стороны, максимально смягчить тяжесть причиненного ущерба, что способствует более полной защите интересов личности, а с другой — оказать воспитательное воздействие на виновного, возложить на него компенсацию издержек, которые несет потерпевший. Отсюда можно сделать вывод о том, что компенсация морального вреда является гражданско-правовой санкцией¹.

Многие авторы не согласны с применением термина «моральный вред»², так как установленное законодателем содержание данного термина включает физические и нравственные страдания личности, а понятие «мораль» применительно к личности означает совокупность представлений

об идеале, добре и зле, справедливости и несправедливости.

Такой взгляд на анализируемое понятие имеет под собой основание. Но есть и другое определение морали, в соответствии с которым она отождествляется с нравственностью, а нравственность, в свою очередь, определяется как правила поведения, духовные и душевные качества, необходимые человеку в обществе.

В защиту термина «моральный вред» обычно выдвигается аргумент о том, что «моральный вред» как устойчивое лексическое сочетание стало уже своеобразным правовым фразеологизмом.

В судебной практике значительные трудности вызывает вопрос о соотношении понятий «моральный вред» и «вред», используемые в деликтных обязательствах. Безусловно, вопрос о том, включает ли возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью, компенсацию морального вреда, имеет важное практическое значение. В частности, от ответа на этот вопрос зависит правильное применение п. 3 ст. 1109 ГК РФ, согласно которому возврат в качестве неосновательного обогащения возмещения ущерба, причиненного жизни или здоровью, не допускается.

Следует отметить, что в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 20 декабря 1994 г. (в ред. от 15 января 1998 г.) «О некоторых вопросах применения законодательства о компенсации морально-

го вреда» дается более широкая трактовка понятия морального вреда. Под моральным вредом предлагается понимать нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага, или нарушающими его личные неимущественные права либо нарушающими имущественные права гражданина (п. 2 указанного постановления).

Данное определение подразделяет моральный вред на физические и нравственные страдания, и не упоминается физический вред. Считаем, что названные понятия не тождественны. Физическое страдание представляет собой один из видов морального вреда. Понятие же физического вреда включает в себе (негативные изменения в организме человека, препятствующие его благополучному функционированию, но являющиеся нормальным протеканием психофизиологических процессов в организме человека)³.

В качестве примера компенсации морального вреда вследствие нарушения такого нематериального блага личности, как здоровье, можно рассмотреть решение Краснодарского краевого суда от 7 августа 2001 г.

Гражданка Т. обратилась в суд с иском к гражданке Д. о взыскании компенсации морального вреда в сумме 2000 руб. В обоснование своих требований она пояснила суду, что 31 мая 2001 г. ее укусила собака. Ответчица оставила животное на улице без привязи.

Решением Кореновского райсуда от 19 июня 2001 г. суд взыскал с Д. в пользу Т. в счет компенсации морального вреда 500 рублей и судебные расходы, в остальной части иска отказано.

Судебная коллегия не нашла оснований к отмене решения.

Как следует из материалов дела, Т. обращалась в Кореновский РОВД с просьбой принять меры к Д. за то, что ее собака укусила Т., причинив тем самым телесные повреждения, факт причинения которых подтвержден актом судебно-медицинского исследования.

Судом достоверно установлено, что полученные истицей телесные повреждения находятся в причинной связи с укусами собаки, принадлежащей Д., которая проявила бесконтрольность и не обеспечила безопасность для окружающих.

Согласно ст. 151 ГК РФ суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации, если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага.

В соответствии со ст. 1064 ГК РФ вред, причиненный личности или имуществу гражданина,

подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Законом обязанность возмещения вреда может быть возложена на лицо, не являющееся причинителем вреда.

Учитывая конкретные обстоятельства дела, суд пришел к обоснованному выводу, что в возмещение морального вреда подлежит взысканию сумма в размере 500 руб.

Следует отметить, однако, что в целом ряде случаев граждане, подавая иск о компенсации морального вреда, не проводят разграничения имущественного и неимущественного вреда.

М.Е. обратилась в суд с иском к МП «ЧЖРС» о понуждении к заключению договора и взыскании компенсации морального вреда, указав в обоснование иска, что она проживает в квартире 31 дома 131 «в» по ул. Ленина в городе Череповце, является собственником указанного жилого помещения.

Ремонт коммуникаций осуществляется через люки ее квартиры, что причиняет большие неудобства. Приходится обеспечивать доступ слесарей МП «ЧЖРС» в квартиру в различное время суток, передвигать мебель. Она просила обязать ответчика заключить с ней договор, по которому ответчик выплачивает за каждый доступ в ее квартиру для ремонта коммуникаций по 20 МРОТ, и взыскать с ответчика компенсацию морального вреда за все те неудобства, которые она претерпела за 40 лет проживания в квартире, в сумме 50 000 руб. Представители МП «ЧЖРС» искивые требования не признали, пояснили, что дом 131 «в» по ул. Ленина бесподвальный, ремонт коммуникаций приходится проводить лишь через люки, расположенные в квартире. Доступ в квартиру истица обеспечивает работникам МП «ЧЖРС» добровольно. Истице предлагались содействие по обмену жилого помещения, а также перенос коммуникации на уровень 2-го этажа, от чего она отказалась⁴.

Суд не нашел оснований для удовлетворения иска в силу следующего.

Согласно ст. 51 ЖК РФ в договоре найма жилого помещения определяются права и обязанности сторон по пользованию жилыми помещениями, предметом договора найма на основании ст. 51 ЖК может быть лишь изолированное жилое помещение. В силу ст. 676 ГК РФ наймодатель обязан передать нанимателю свободное жилое помещение в состоянии, пригодном для проживания.

Истица М.Е. не представила суду доказательств, что жилое помещение, занимаемое ею, непригодно для проживания. Перечисленные выше нормы Закона не предусматривают возможности возложения на наймодателя обязанности выплачивать нанимателю денежные средства за неудобства по найму жилого помещения.

Кроме того, установлено, что истица добровольно обеспечивает доступ ответчика в свою квартиру для ремонтных работ.

Истица просит также взыскать с ответчика компенсацию морального вреда 50 000 руб., так как испытывает нравственные страдания в течение 40 лет проживания в квартире 31 дома 131 «в» по ул. Ленина из-за ремонтных работ, которые производятся через люк ее квартиры в различное время суток.

Согласно ст. 151 ГК РФ обязанность денежной компенсации морального вреда возлагается на нарушителя, принимая во внимание степень его вины.

Судом установлено, что система инженерных коммуникаций в доме, где проживает истица, была запроектирована не ответчиком по делу. МП «ЧЖРС» занимается лишь техническим обслуживанием указанного дома, а поэтому оснований для возложения на него обязанности по компенсации морального вреда истице нет.

Заметим, что указанные в постановлении Пленума Верховного суда РФ основания компенсации морального вреда не всегда являются достаточными для ее осуществления. Суд, принимая решения, анализирует предоставленные истцом доказательства и учитывает конкретные обстоятельства дела.

Однако на практике нередки случаи, когда суды оставляют без внимания факт понесенных лицом нравственных страданий.

Так, в порядке надзора было отменено решение районного суда Костромской области от 23 ноября 2001 г. и определение судебной коллегии областного суда от 26 декабря 2001 г. по делу Х. В. к Ломкинской сельской администрации.

Х. обратился в суд с иском к Ломкинской сельской администрации о взыскании 2500 руб. компенсации морального вреда, мотивируя свои требования тем, что, работая кочегаром 1-го разряда по срочному трудовому договору с Ломкинской сельской администрацией, неоднократно обращал внимание руководителя администрации на несоблюдение п. 8 трудового договора и ст. 149, 150 КЗоТ РФ, что повлекло его незаконное увольнение и восстановление по протесту прокурора. У него возникло чувство страха за свое здоровье, и он был вынужден уволиться. Все это привело к его нравственным страданиям из-за страха перед угрозой заболевания и реальной возможностью остаться без средств к существованию.

Представитель ответчика — глава администрации Ф. С. иск не признала, пояснив, что отсутствие инструктажей по технике безопасности и охране труда, умывальника и других условий труда не повлекли у Х. ухудшения здоровья. При приеме на работу условия труда он знал и не отказался от трудоустройства.

В судебном заседании было установлено, что Ломкинской сельской администрацией были допущены нарушения охраны труда на производстве, за что глава сельской администрации была подвергнута административному взысканию.

Однако выявленные нарушения не являлись умышленными со стороны администрации и не повлекли для Х. ухудшения здоровья, о чем свидетельствует справка медпункта. По мнению суда, личные страхи Х. за свое здоровье и существование, объективно ничем не подтвержденные, нельзя рассматривать как нематериальные блага гражданина, принадлежащие ему от рождения или в силу закона, дающие право компенсации морального вреда. Суд решил, что иск Х. удовлетворению не подлежит и основания компенсации морального вреда, предусмотренные ст. 1100 ГК РФ, отсутствуют.

В протесте председателя Костромского областного суда было указано, что данное судебное постановление подлежит отмене, как принятое с нарушением норм материального и процессуального законодательства.

Как видно из материалов дела и предоставленных сторонами доказательств, ответчиком были допущены нарушения правил охраны труда.

Данный факт подтвержден документально и не отрицается ответчиком. В таком случае причинение морального вреда предполагается, и подлежит доказыванию лишь размер компенсации этого вреда в соответствии с ч. 2 ст. 151 ГК РФ.

И далее в протесте указано, что по существу оставили без внимания тот факт, что иск Х. подан в связи с понесенными им нравственными страданиями.

Таким образом, под нравственными страданиями суд понимает переживания лица.

Уделивший большое внимание изучению проблем компенсации морального вреда А. М. Эрделевский предлагает понимать физический (телесный) вред как материальный («и вместе с тем нематериальный»). Вредоносные изменения происходят в телесной (материальной) сфере потерпевшего под влиянием определенных внешних воздействий. Негативные изменения в психической сфере могут выражаться в обоих родах страданиях (моральный вред), а негативные изменения в имущественной сфере — в расходах, связанных с коррекцией или функциональной компенсацией телесных недостатков, и утрате дохода... Таким образом, любой телесный вред в целях его возмещения... распадается на моральный вред и имущественный вред»⁵.

Анализ ст. ст. 12, 15 ГК РФ позволяет признать определение морального вреда, предложенное А. М. Эрделевским, весьма убедительным.

Гораздо более последовательным является разграничение вреда, воспринятое уголовно-процессуальным законодательством. В соответствии со ст. 42 УПК РФ потерпевшим является лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред.

Оба вида вреда причиняются непосредственно личности, и оба вызывают страдания — естественную форму последствий причинения вреда

личности потерпевшего. Однако для оценки вреда, причиненного личности, и установления порядка его компенсации необходимо провести различие между моральным и физическим вредом. Различие заключается в том, что моральный и физический вред отражается в разных сферах человеческой жизнедеятельности: идеальной (духовной) и материальной (телесной), что предполагает и различие используемых принципов оценки причиненного вреда и его компенсации⁶.

И моральный, и физический вред после нанесения по существу своему являются необратимыми и в гражданско-правовом смысле возмещению не подлежат. Используя уголовно-правовую терминологию (ст. 76 УК РФ), они лишь могут быть «заглажены». С этой точки зрения необходимо согласиться с мнением об имеющейся неточности в п. 5 ст. 152 ГК РФ, где говорится о возможности возмещения морального вреда. Принципы компенсации физических и нравственных страданий не могут быть одинаковы. Нравственные страдания не могут быть оценены так же обобщенно, как страдания

физические, и для того чтобы они могли быть компенсированы исходя из требований добросовестности, разумности и справедливости (п. 2 ст. 6 ГК РФ), необходимо тщательное и всестороннее изучение обстоятельств причинения вреда, личности причинителя вреда и лица, которое испытывает страдания, «словом, важен максимально индивидуализированный подход к оценке нравственных страданий⁷.

¹ См.: Малеин Н.С. О моральном вреде // Гос-во и право. — 1993. — № 3. — С. 46.

² См.: Эрделевский А.М. Проблемы компенсации морального вреда в зарубежном и российском законодательстве и судебной практике // Гос-во и право. — 1991. — № 10. — С. 22.

³ Эрделевский А.М. Указ. соч. — С. 5.

⁴ См.: Архив Череповецкого городского суда за 2001 г. Дело № 2-10-806.

⁵ Эрделевский А.М. Указ. соч. — С. 4.

⁶ См.: Гаврилов Э. Как определить размер компенсации морального вреда? // Российская юстиция. — 2000. — № 6. — С. 28.

⁷ Там же. — С. 21-22.

История одного дела

ПОРОЧНЫЙ ДОГОВОР АРЕНДЫ, ИЛИ ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ОБ УПОРЯДОЧЕНИИ ПРОЦЕССА ПЕРЕДАЧИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В МУНИЦИПАЛЬНУЮ

Е. А. Кустова

Право сдачи имущества в аренду принадлежит его собственнику. Арендодателями могут быть также лица, управомоченные законом или собственником сдавать имущество в аренду (ст. 608 ГК РФ).

При рассмотрении Арбитражным судом одного из дел возник вопрос о праве сдачи арендованного имущества.

Обстоятельства рассматриваемого дела таковы.

В апреле 1997 г. отделение железной дороги актом приема-передачи по взаиморасчету передает частному предпринимателю бесхозный объект недвижимого имущества — стилобат (как правило, такое строение присутствует при жилых домах, на первом этаже которых располагаются магазины и к ним подведено высокое крыльцо, т.е. стилобат-пристройка). Позже частный предприниматель

получает разрешительные документы на перепланировку и застройку данного объекта недвижимости с последующим оформлением всех необходимых документов в органах, осуществляющих регистрацию права собственности на недвижимость и сделок с ним. Разрешение было обосновано колоссальными затратами, отраженными в сводной смете частного предпринимателя, а также строительством нового подвала.

Руководствуясь данным разрешением и согласием органа исполнительной власти в области железнодорожного транспорта на оформление права собственности на свое имя, частный предприниматель провел следующие работы за свой счет: получение всех разрешительных бумаг, выполнение проектных работ, создание технических

условий для застройки, подведение коммуникаций (тепло, горячая и холодная вода, канализация), установка электроосвещения и силового кабеля, вентиляция системы, строительные работы.

По заключению межведомственной комиссии при администрации округа города о перепрофилировании и перепланировке подвальных помещений, здание, в котором находится спорное нежилое помещение, является помещением кафе. Казалось, предпринимателю ничто не должно помешать в застройке и развитии своего ресторанного бизнеса.

Когда предприниматель реконструировал и застраивал новое помещение, в соответствии с действующим законодательством переходного периода шел процесс разграничения федеральной и муниципальной собственности. Российская Федерация активно передавала свою недвижимость в собственность муниципалитета. Издавались нормативные акты по распоряжению имуществом и формировались реестры. И не всегда законодательные акты местного уровня соответствовали федеральному законодательству. И не всегда исполнительные органы местного самоуправления действовали согласно правилам законодательства. Так, в соответствии с ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» от 21.07.1997 г. № 122-ФЗ порядок регистрации объекта недвижимости предусматривает предоставление технического плана существующей застройки. В связи с полной реконструкцией и строительством нового помещения в БТИ переход права и непосредственно недвижимости надлежащим образом оформлен не был, т.к. предоставить план для регистрации объекта было невозможно.

Под «общую гребенку» 1 октября 1997 г. Департамент недвижимости, пользуясь не оформленным правом и руководствуясь Распоряжением Правительства РФ № 217-Р от 05.02.1993 г., приказом Госкомимущества РФ № 63 от 09.04.1993 г. принуждает предпринимателя заключить договор аренды.

Предприниматель, не ориентируясь в законодательстве и боясь немилости местных властей, идет на заключение договора аренды. Местными органами власти устанавливается арендная плата, и предприниматель покорно выплачивает ее до 2003 г. В 2003 г. арендная плата увеличивается в десять раз, предприниматель перестает ее уплачивать. За неуплату в этом же 2003 г. Департамент недвижимости — Арендодатель — в одностороннем порядке расторгает договор аренды нежилого помещения. В добровольном порядке предприниматель не освободил помещение, и Департамент недвижимости подал иск об освобождении помещения.

В исковом заявлении истец ссылаясь на ст. 622 ГК РФ, в соответствии с которой арендатор обязан вернуть арендодателю имущество при прекраще-

нии договора аренды. Однако когда суд запросил правоустанавливающие документы на данный объект недвижимости, у истца возникли затруднения, которые он не мог разрешить до окончания процесса по данному делу. Представитель со стороны Департамента недвижимости неоднократно ссылаясь на «намерения Федерации» в отношении этого имущества после передачи объекта недвижимости. На предложение предоставить документ о так называемых намерениях истец, кроме Реестра, утвержденного на два месяца позже заключенного договора, так и не представил.

Предприниматель (интересы которого представлял автор настоящей статьи) против исковых требований возражал, и просил суд отказать истцу в удовлетворении заявленных требований в полном объеме.

Суд своим решением отказал ответчику, фактически признав права собственности за частным предпринимателем.

Прокомментируем данное решение.

В соответствии с Распоряжением Правительства РФ № 731-Р от 15.04.1992 г., приказом Госкомимущества РФ № 63 от 09.04.1993 г. на момент заключения договора от 01.10.1997 г. Департамент недвижимости не был наделен правом, позволявшим ему осуществлять полномочия арендодателя по сдаче в аренду объектов федеральной собственности. Таким образом, сдача имущества в аренду по договору от 01.10.1997 г. с Департаментом недвижимости противоречит действующему законодательству.

Распоряжением главы городского самоуправления от 15.12.1997 г. был утвержден перечень жилых и встроенно-пристроенных помещений, передаваемых в муниципальную собственность. В перечне указано помещение с назначением «жилой дом» и «магазин», в то время как спорное нежилое помещение является помещением кафе. Этот факт подтверждается техническим паспортом, выданным ГФГУ «Центр ТИ», а также текстом самого договора аренды; где говорится о назначении помещения как кафетерия. Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что перечень имущества утвержден 15 декабря 1997 г., а договор аренды заключен с нарушением законодательства на два с половиной месяца ранее, 1 октября 1997 г.

Помимо этого, в соответствии с положениями Указа Президента РФ от 22 декабря 1993 г. № 2265 (на нормы которого ссылается истец), п. 5 Информационного письма Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 11 июня 1997 г. № 15 к объектам муниципальной собственности относятся объекты, подпадающие под критерии, указанные в приложении № 3 к постановлению Верховного Совета РФ от 27 декабря 1991 г. № 3020-1. Из содержания норм данного приложения следует, что от-

несению к объектам муниципальной собственности подлежат встроено — пристроенные нежилые помещения, построенные за счет 5- и 7-процентных отчислений на строительство объектов социально-культурного и бытового назначения.

Каких-либо доказательств, подтверждающих строительство спорного объекта недвижимости в порядке, указанном в приложении № 3, ответчиком не представлено. Принадлежность спорного объекта к муниципальной собственности нуждается в доказывании, поскольку финансирование строительства всех встроено-пристроенных нежилых помещений за счет 5- и 7-процентных отчислений нельзя признать общеизвестным фактом.

Поскольку истец на момент заключения договора аренды не является собственником спорного имущества, а собственник полномочий на право сдачи в аренду не давал, сделка по сдаче федеральной собственности в аренду в соответствии со статьей 168 Гражданского кодекса Российской Федерации недействительна.

В данном случае есть два варианта действия по защите своих прав.

Первый вариант: если у вас имеются надлежаще оформленный акт органа исполнительной власти и иные документы, необходимые для государственной регистрации прав на недвижимое

имущество, то подается отзыв с просьбой об отказе в полном объеме заявленных требований истца (департамента недвижимости) и встречное исковое заявление о признании договора аренды недействительным и двухсторонней реституцией. В результате исполнения ничтожной сделки ответчик получал арендную плату, которая является формой оплаты собственнику за право пользования переданным в аренду имуществом. Поскольку ответчик — Департамент недвижимости — не является собственником переданного имущества, суд обоснованно признает, что полученная истцом арендная плата является неосновательным обогащением в силу ст. 1102 Гражданского кодекса РФ и подлежит возврату истцу.

Второй вариант предполагает, что у вас нет документа, который мог бы служить основанием для признания за вами права собственности, и признание сделки недействительной не влечет за собой никаких особо значимых правовых последствий. Для защиты своего права необходимо подать встречное исковое заявление о признании права собственности на данный объект недвижимости. Решение суда будет преюдициально для Учреждения юстиции, которое осуществляет государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним.

Трудовое право

МОНЕТИЗАЦИЯ ЛЬГОТ И СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ИНВАЛИДОВ

Л. Н. Распутина

Инвалидность — это беда, о которой особенно не задумываешься, пока она не коснется тебя лично. Любой из нас не застрахован от нелепых случайностей, травм, болезней. Это испытание жизни, потеря своих физических возможностей, полная или частичная зависимость от окружающих людей и перевод стрелок жизни на иной путь. Порой это тяжелое испытание растягивается на долгие годы и на всю жизнь.

9 декабря 1975 г. на 13-й сессии Генеральной ассамблеи ООН была принята «Декларация о правах инвалидов». Она основывается на принципах Всеобщей декларации прав человека, Международных пактов о правах человека, Декларации прав ребенка и Декларации о правах умственно отсталых лиц, а также нормах социального прогресса, уже провозглашенных в учредительных актах, конвенциях, рекомендациях и резолюциях Международной организации труда, Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, Всемирной организации здравоохранения, Детского фонда Организации Объединенных Наций и других заинтересованных организаций, на Резолюции 1921 Экономического и Социального Совета от 6 мая 1975 г. о предупреждении потери трудоспособности и восстановлении трудоспособности инвалидов, Декларации социального прогресса и развития, в которой провозглашается необходимость защиты прав, обеспечения благосостояния и восстановления трудоспособности людей с физическими и умственными недостатками, а также учитывая необходимость предупреждения инвалидности, вызванной физическими и умственными недостатками, и оказания инвалидам помощи в развитии их способностей в самых различных областях деятельности, а также содействия всеми возможными мерами включению их в нормальную жизнь общества. Провозглашая Декларацию

о правах инвалидов, Ассамблея просит принять меры в национальном и международном плане, чтобы Декларация служила общей основой и руководством для защиты этих прав.

В Декларации выражение «инвалид» означает любое лицо, которое не может самостоятельно обеспечить полностью или частично потребности нормальной личной и/или социальной жизни в силу недостатка (врожденного или нет), его или ее физических или умственных способностей.

20 декабря 1993 г. ООН были приняты Стандартные правила равных возможностей для инвалидов, которые базировались на ключевых Международных документах и аккумулировали опыт многих стран.

Именно в это время, когда Международные правовые акты, под которыми стоит подпись России, обязали нашу страну устранить все препятствия для активной жизни инвалидов, и был принят Закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24 ноября 1995 г., который определил весь комплекс поддержки жизнедеятельности инвалидов — медицинской, социальной и профессиональной. Закон гарантирует российским инвалидам право на достойную и полноценную жизнь, на создание такой инфраструктуры, которая снимает барьеры между инвалидами и здоровыми людьми.

В российском законодательстве инвалидом признается лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты. Таким образом, Закон от 24 ноября 1995 г. устанавливал три критерия для признания гражданина инвалидом: 1) нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма; 2) ограничение жизнедеятельности; 3) необходимость его социальной защиты.

Начиная с 1 января 2002 г. появился четвертый критерий, определяющий право и инвалида на пенсию, который был введен Законом от 17 декабря 2001 г. «О трудовых пенсиях в РФ». В целях пенсионного обеспечения законодатель требует установления степени ограничения способности к трудовой деятельности III, II либо I степени по медицинским показаниям.

Закон «О социальной защите инвалидов» в последней, действующей на сегодняшний день редакции от 23 октября 2003 г. содержит 11 видов льгот, предоставляемых инвалиду в натуральной форме.

С принятием 22 августа 2004 г. Закона «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов “О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»” и “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”” произошла замена пяти предоставляемых инвалидам льгот денежной компенсацией. Данные изменения вступят в силу с 1 января 2005 г. Достаточно ли сумма предлагаемой компенсации? Проанализируем редакции Закона «О социальной защите инвалидов» от 23 октября 2003 г. и 22 августа 2004 г.

Вновь введенная статья 28.1 (редакция 22 августа 2004 г.) предусматривает право инвалидов и детей-инвалидов на ежемесячную денежную компенсацию, устанавливаемую в следующих размерах:

- 1) инвалидам, имеющим III степень ограничения способности к трудовой деятельности, — 1 400 рублей;
- 2) инвалидам, имеющим II степень ограничения способности к трудовой деятельности, детям-инвалидам — 1 000 рублей;
- 3) инвалидам, имеющим I степень ограничения способности к трудовой деятельности, — 800 рублей;
- 4) инвалидам, не имеющим степени ограничения способности к трудовой деятельности, за исключением детей-инвалидов, — 500 рублей.

И хотя размер ежемесячной денежной выплаты подлежит индексации в порядке и в сроки, определенные Федеральным законом от 17 декабря 2001 г. «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», для индексации размера базовой части трудовой пенсии, по новой редакции Закона при наличии права на выплату по нескольким нормативным актам, инвалид будет обязан выбирать, по какому из них выплата будет предоставлена (в редакции Закона от 23.10.2003 г. инвалиду выплачивались все полагающиеся ему денежные выплаты).

Теперь определим, какие виды льгот подлежат замене соответствующим размером денежной компенсации.

Во-первых, лекарственное обеспечение. Статьей 13 Закона оно предусматривалось бесплатным или на льготных основаниях.

Во-вторых, инвалиды освобождались от арендной платы за землю и помещение для хранения средств передвижения, имеющих в личном пользовании (ст. 16 Закона).

В-третьих, инвалиды и семьи, имеющие детей-инвалидов, оплачивали с 50-процентной скидкой пользование телефоном и радиотрансляционной точкой.

В-четвертых, инвалиды и дети-инвалиды имели право на санаторно-курортное лечение в соответствии с индивидуальной программой реабилитации инвалида на льготных условиях. Инвалиды I группы и дети-инвалиды, нуждающиеся в санаторно-курортном лечении, имели право на получение на тех же условиях второй путевки для сопровождающего их лица. Неработающим инвалидам, в том числе находящимся в стационарных учреждениях социального обслуживания, санаторно-курортные путевки предоставлялись бесплатно органами социальной защиты населения. Работающие инвалиды обеспечивались санаторно-курортными путевками по месту работы на льготных условиях за счет средств социального страхования.

В-пятых, дети-инвалиды, их родители, опекуны, попечители и социальные работники, осуществляющие уход за детьми-инвалидами, а также инвалиды пользовались правом бесплатного проезда на всех видах транспорта общего пользования городского и пригородного сообщения, кроме такси. Инвалидам предоставлялась 50-процентная скидка со стоимости проезда на междугородных линиях воздушного, железнодорожного, речного и автомобильного транспорта с 1 октября по 15 мая и один раз (проезд туда и обратно) в другое время года. Инвалидам I и II групп и детям-инвалидам предоставлялось право бесплатного проезда один раз в год к месту лечения и обратно, если законодательством Российской Федерации не устанавливались более льготные условия. Данные льготы распространялись на лицо, сопровождающее инвалида I группы или ребенка-инвалида. Детям-инвалидам и сопровождающим их лицам предоставлялось право бесплатного проезда к месту лечения (обследования) в автобусах пригородных и междугородных внутрирегиональных маршрутов.

Достаточно ли данной суммы (от 500 до 1400 рублей) для замещения вышеперечисленных льгот? Очевидно, недостаточно. Даже если инвалид использовал минимум из этих льгот (например, бесплатный проезд, приобретение лекарств), предлагаемая ему сумма вряд ли сможет покрыть затра-

ты, возникающие с их отменой. Особенно это отразится на наименее защищенных — инвалидах I степени ограничения способности к трудовой деятельности, инвалидах, не имеющих подобной степени ограничения и детях-инвалидах. В отдельных случаях введение денежной выплаты, несомненно, будет подспорьем для инвалидов, в основном, для тех, кто проживает в сельской местности и льгот в натуральном виде практически никогда не получал. Но для городских жителей, естественно, данная мера никакой положительной роли не играет.

Кроме того, в новой редакции Закон производит перераспределение полномочий, касающихся финансирования оставшихся льгот между Российской Федерацией и ее субъектами. Две из сохранившихся льгот, начиная с 1 января 2005 г., становятся финансовыми обязательствами субъектов

Российской Федерации — определение размеров компенсации затрат родителей на обучение детей-инвалидов и организация образовательного процесса для инвалидов в специальных профессиональных образовательных учреждениях.

В связи с этим в различных средствах массовой информации высказываются намерения после вступления нормативного акта, отменяющего льготы, в силу оспорить его в Конституционном Суде РФ.

Наверное, при разработке законопроекта стоило прислушаться к мнениям, высказываемым и группами депутатов Государственной Думы и различными общественными объединениями инвалидов — предоставить инвалидам право выбрать — либо льготы в натуральной форме, либо их денежная компенсация. Не поздно еще и сейчас внести соответствующие поправки в законодательные акты.

ПРОЦЕДУРНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ

Е. В. Скиллер-Котунова

Правовое регулирование труда такой категории работников, как государственные служащие, имеет довольно много особенностей, которые закрепляются в большом объеме в нормативных правовых актах Российской Федерации и субъектов РФ, в том числе подзаконного характера. Законы, регулирующие труд государственных гражданских служащих, содержат, как правило, много отсылочных норм и не носят самостоятельной правовой нагрузки (например, п. 3 ст. 4, п. 2 ст. 2, п. 5 ст. 23, п. 1 ст. 30 Закона Омской области от 26 июля 1996 г. № 69-ОЗ «О государственной гражданской службе Омской области»).

Как показывает судебная практика, пока существуют пробелы и неурегулированность на уровне законодательства, а наряду с этим споры, правоприменители будут пользоваться Трудовым кодексом (ТК) РФ, поскольку именно он предоставляет минимальные, но стабильные и реальные гарантии трудовых прав всех работников. Иные законы и правовые акты содержат некие «трансформеры» — понятия, соединяющие в себе переделанные или дополненные определения ТК РФ.

Сравнительный анализ норм ТК РФ и ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее — ФЗ), начиная с понятий «трудовой договор» и «служебный контракт», приво-

дит к окончательному убеждению в вышеизложенном. Например, в ст. 56 ТК РФ в понятие трудового договора вкладывается обязанность **работодателя в обеспечении условий труда**, предусмотренных законодательством Российской Федерации, коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами, содержащими нормы трудового права, а также своевременной выплаты заработной платы работнику, который в свою очередь обязуется лично выполнять определенную этим соглашением трудовую функцию, соблюдать действующие в органе правила внутреннего распорядка. Вместе с тем согласно ст. 23 ФЗ служебный контракт — это фактически аналогичное соглашение, но без обеспечения соответствующих требованиям закона условий труда и без указания на то, что обязанность прохождения гражданской службы должна выполняться гражданином или гражданским служащим лично, что немаловажно, так как имеют место случаи, когда задания, кажущиеся служащему трудновыполнимыми, исполняются третьими лицами, что может отрицательно сказаться на оперативности и компетентности разрешения служебных вопросов. В принципе, считаем, было бы лишним вводить обособленное понятие служебного контракта в указанный ФЗ, по-

сколькx служебная деятельность государственных служащих регулирует ТК РФ с учетом особенностей законодательства о государственной службе. В ФЗ можно было воспользоваться определением трудового договора, так как ст. 56 ТК РФ содержит общие положения, дополнив его только особенностями определения из ст. 23 ФЗ. Вряд ли можно предположить, что специальное упущение по поводу личного исполнения служебных обязанностей государственными служащими — особенность. Необходимо будет применять положения ТК РФ в совокупности с нормами ФЗ. Только системное использование указанных актов позволит обеспечить защиту прав государственных служащих, связанных с выполнением ими служебных обязанностей.

Продолжая анализ, остановимся на понятии индивидуального трудового и служебного споров. В определении служебного спора, закрепленном ст. 69 ФЗ, в отличие от понятия трудового спора, содержащегося в ст. 381 ТК РФ, отсутствует упоминание о том, что разногласия между служащим (гражданином) и нанимателем работодателя могут возникнуть не только по вопросам применения законов, нормативных правовых актов о гражданской службе и служебного контракта, но и по поводу установления или изменения индивидуальных условий гражданской службы, а также по поводу применения коллективных договоров или соглашений в случае их заключения.

Непонятна логика законодателя, заключающаяся в том, что в одной статье (например, ст. 23 ФЗ) отсутствуют весьма важные моменты, содержащиеся в ТК РФ, как было указано выше, а другие статьи ФЗ дублируют его более чем на 50%. Возьмем статью 33 ФЗ, предусматривающую общие основания прекращения служебного контракта, освобождения от занимаемой должности гражданской службы и увольнения с гражданской службы. Можно было бы указать только на основания, содержащиеся в подп. 6, 12, 13, 14, 15 ч. 1 ст. 33 ФЗ (выход из гражданства, несоблюдение ограничений и нарушение обязательств, нарушение запретов, отказ от замещения прежней должности при неудовлетворительном результате испытания, отказ от предложенной для замещения иной должности либо от повышения квалификации или профессиональной переподготовки в связи с реорганизацией, ликвидацией, сокращением).

Именно последнее из оснований увольнения государственных гражданских служащих (далее — служащие) хотелось бы рассмотреть подробнее. В настоящее время из-за пробелов в законодательстве имеются некоторые затруднения в плане реализации закрепленной процедуры увольнения служащих в связи с сокращением их численности при реорганизации или упразднении органа (подразделения). Проследим цепочку действий работода-

теля (представителя нанимателя) в таких случаях на конкретном примере с точки зрения того, что практически все органы исполнительной власти Омской области по сути своей являются организациями, деятельность которых в определенной части может регулироваться нормами гражданского законодательства. Например, во всех положениях о министерствах, управлениях, комитетах, комиссиях и т.д. можно встретить пункты о том, что данные органы относятся к юридическим лицам либо обладают правами юридического лица, в том числе имеют самостоятельный баланс, расчетный и иные счета в банках и других кредитных организациях, печать, штампы и бланки со своими наименованиями. Считаем, что при решении вопросов, касающихся реорганизации, ликвидации, упразднения государственных органов, их структурных подразделений, можно по аналогии пользоваться положениями Гражданского кодекса РФ. Предполагается, что в рамках административно-правового поля любое министерство Омской области является органом государственной власти, которое осуществляет свою деятельность от имени области и обладает властными полномочиями. В рамках гражданско-правовых отношений министерство обладает статусом юридического лица, т.е. вступает в гражданский оборот от своего собственного имени и имеет права и обязанности, равные с остальными юридическими лицами. Таким образом, любое министерство или управление Омской области фактически выступает одновременно областным органом исполнительной власти и юридическим лицом, что вполне возможно с точки зрения публичного права. Такая организационно-правовая форма хорошо известна и довольно широко используется в ряде зарубежных стран, где она получила название «государственной (или публичной) корпорации»*.

В соответствии с Указом губернатора Омской области «О создании органов исполнительной власти Омской области» № 16 (далее — Указ № 16) путем слияния и преобразования созданы новые органы исполнительной власти Омской области в виде министерств, главных управлений, государственных инспекций Омской области.

Согласно Указу № 16 (раздел 3) упразднены структурные подразделения Администрации Омской области с передачей их функций вновь созданным органам исполнительной власти области. Вместе с тем Указом губернатора Омской области № 18 «О предельной численности работников органов исполнительной власти Омской области» (далее — Указ № 18) в целях оптимизации структуры органов исполнительной власти Омской области и обеспечения исполнения Закона Омской области «Об областном бюджете на 2004 год» было установлено, что в 2004 г. общая численность государ-

ственных служащих созданных органов исполнительной власти Омской области подлежит сокращению на 327 штатных единиц государственных служащих, и утверждена предельная численность работников указанных органов.

Используя термин «упразднение», законодатель, сам того не желая, завел в тупик, привел к многочисленным дебатам правоприменителей, поскольку такой термин не употребляется ни в Трудовом и Гражданском кодексах РФ, ни в законодательстве о государственной службе. Однако, учитывая сложившуюся в данной области практику, в том числе судебную, именно этим термином пользуется Президент Российской Федерации при рассмотрении вопросов, касающихся изменения структуры федеральных органов исполнительной власти (Указ Президента РФ от 16.10.2001 г. № 1230), совершенствования государственного управления в Российской Федерации (Указ Президента РФ от 11.03.2003 г. № 306), в области миграционной политики (Указ Президента РФ от 23.02.2002 г. № 232), безопасности Российской Федерации (Указ Президента РФ от 11.03.2003 г. № 308), этот же термин употребляется в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях в отношении органов, учреждений, их структурных подразделений и территориальных органов (ст. 22.3).

Упразднение того или иного органа государственной власти часто происходит с передачей штатной численности работников, имущества, организаций или функций, выполняемых упраздненными органами, другим органам или структурным подразделениям, которые могут быть их правопреемниками, что кардинально отличает процесс упразднения от ликвидации (например, так проходили упразднение Федеральной службы налоговой полиции РФ с передачей ее функций МВД РФ (Указ Президента РФ № 306); возложение на Министерство образования РФ осуществления функций упраздненного Государственного комитета РФ по молодежной политике с передачей в его ведение организаций, подведомственных упраздненному комитету (постановление Президента РФ № 408) и т.д.). В судах, рассматривая служебные споры о восстановлении на работе в связи с незаконным увольнением по основанию сокращения численности по причине упразднения органов или их подразделений, обязательно должно быть выяснено, имела ли место ликвидация или же было упразднение. Кроме того, учитывая особенности законодательства о государственной службе, в том числе Омской области, нужно иметь в виду, что формулировка увольнения служащего в его трудовой книжке должна полностью соответствовать ТК РФ, закону, указу. С учетом этого, используя в указе термин «упразднение», неправомерным будет увольнение по основанию — ликвидация, предусмотренному в

Законах «Об основах государственной службы РФ», «О государственной службе в Омской области», это приведет к восстановлению.

Аналогичным образом были упразднены структурные подразделения Администрации Омской области, т.е. комитеты, указанные в Указе № 16, функции которых были переданы вновь созданным органам исполнительной власти Омской области. Так или иначе, в случае передачи функций или численности другим органам ликвидации в чистом виде не происходит. Можно предположить, что налицо своеобразная реорганизация. Вместе с тем численность работников в рассматриваемом случае не передавалась, и не последовало каких-либо указаний по максимальному использованию кадрового состава данных подразделений, что является (случайным или специальным) упущением Указа № 16.

Работодателю (нанимателю работодателя), заключившему трудовой договор со служащими упраздненных органов, а также руководителям вновь созданных органов исполнительной власти Омской области в общем порядке в соответствии со ст. 25 Закона Российской Федерации от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» при принятии решения о сокращении численности работников организации и возможном расторжении трудовых договоров со служащими следует в письменной форме сообщить об этом в органы службы занятости. Об этом согласно ст. 82 ТК РФ работодатель обязан в письменной форме сообщить выборному профсоюзному органу в установленном порядке, особенно, если решение о сокращении численности может привести к массовому увольнению. Для установления критериев массового высвобождения можно воспользоваться п. 1 Положения об организации работы по содействию занятости в условиях массового высвобождения, утвержденного постановлением Совета Министров — Правительства Российской Федерации от 5 февраля 1993 г. № 99 «Об организации работы по содействию занятости в условиях массового высвобождения», которое действует в части, не противоречащей ТК РФ. Данным актом к критериям массового высвобождения, в частности, относится сокращение численности работников организации в количестве 50 и более человек в течение 30 календарных дней, 200 и более человек в течение 60 календарных дней. Практика показывает, что отраслевые и (или) территориальные соглашения, а также коллективные договоры в органах государственной власти не заключаются, а если и имеются, то не всегда содержат критерии массового высвобождения.

Увольнение служащих — членов профсоюза по п. 2 ст. 81 ТК РФ, на наш взгляд, должно произво-

даться с учетом мотивированного мнения выборного профсоюзного органа данной организации в соответствии со ст. 373 ТК РФ или той профсоюзной организации, членом которой является служащий, что можно было бы закрепить в Федеральном законе. Вместе с тем реализация положения, содержащегося в подп. 3 п. 1 ст. 42 ФЗ, которое гласит, что кадровая служба не вправе получать, обрабатывать и приобщать к личному делу данные о членстве служащего в профсоюзных организациях, может привести к ситуации, в которой работодателю на момент увольнения служащего не было известно о том, что он — член профсоюза и, соответственно, не будет соблюдена процедура его увольнения, что впоследствии приведет к восстановлению служащего на работе. Кроме того, подп. 5 ч. 1 ст. 86 ТК РФ позволяет специально закрепить такую норму в федеральном законе.

О предстоящем увольнении в связи с сокращением численности служащих последние предупреждаются работодателем (нанимателем работодателя) персонально и под расписку не менее чем за два месяца до увольнения в порядке, аналогичном закрепленному в ч. 2 ст. 180 ТК РФ, начиная со дня утверждения штатных расписаний органов исполнительной власти Омской области, поскольку подтверждением сокращения штата и численности государственных служащих указанных подразделений и органов могут служить: принятие указов губернатора Омской области от 23.01.2004 г. № 16 и № 18; утверждение губернатором Омской области предельной штатной численности служащих созданных и реорганизованных органов; утверждение нового (изменение) штатного расписания; решение об изменении структуры, обусловившее изменение штатного состава и штатного расписания; утверждение нового Положения об органе; приказы руководителя о предупреждении об увольнении в связи с предстоящим сокращением штатной численности и иные; уменьшение общего количества служащих всех категорий либо уменьшение числа служащих определенной категории в целом по органу (подразделению).

В случае предстоящего увольнения служащего в связи с сокращением численности работников при невозможности предоставления работы в том же государственном органе государственному служащему должна быть предложена другая государственная должность государственной службы в другом государственном органе с учетом его профессии, квалификации и занимаемой ранее должности.

Соблюдая правила, закрепленные в законодательстве о государственной службе, в том числе в ФЗ «Об основах государственной службы РФ», работодателю необходимо направить соответству-

ющие письма-обращения в созданные согласно Указу № 16 органы исполнительной власти Омской области о возможности трудоустройства служащих, подлежащих увольнению в связи с сокращением численности работников по причине упразднения соответствующих подразделений. Созданным в соответствии с Указом № 16 органам исполнительной власти Омской области в течение 10 дней после утверждения в установленном порядке штатных расписаний сообщить в письменной форме о наличии (отсутствии) всех имеющихся вакансий, в том числе не относящихся к государственной должности государственной службы Омской области.

В случае согласия служащего с предложенной работой можно решать вопрос о его увольнении и переводе на другую работу (п. 5 ст. 77 ТК РФ). Согласие служащего должно быть выражено в письменной форме.

В случае отказа служащего от предложенной работы он может быть уволен по п. 2 ст. 81 ТК РФ либо с принятием закона о государственной гражданской службе по основанию, предусмотренному в настоящее время в п. 7 ст. 33 ФЗ. Отказ от предложенной работы должен быть выражен в письменной форме, т.е. подписан собственноручно государственным служащим, а при отказе от его подписания составляется соответствующий акт об отказе, который подписывается тремя представителями работодателя (нанимателя работодателя), включая представителя кадровой службы. Такое правило необходимо было бы закрепить в качестве еще одной процедурной особенности.

При невозможности трудоустройства государственному служащему, заключившему трудовой договор на неопределенный срок, гарантируются переподготовка (переквалификация) с сохранением на период переподготовки и (переквалификации) денежного содержания по занимаемой до увольнения государственной должности государственной службы и непрерывного трудового стажа, а также предоставление возможности замещения иной государственной должности государственной службы.

При увольнении в связи с сокращением численности работников (п. 2 ст. 81 ТК РФ) государственному служащему выплачивается средний заработок по ранее занимаемой должности в течение трех месяцев (без зачета выходного пособия). В случае непредоставления государственному служащему работы в соответствии с его профессией и квалификацией государственный служащий остается в реестре государственных служащих (с указанием в резерв) с сохранением в течение года непрерывного стажа государственной службы (ст. 16 ФЗ «Об основах государственной службы РФ»).

Законом Омской области от 5 декабря 2003 г. № 483 «О Правительстве Омской области» было

установлено, что Правительство Омской области является правопреемником Администрации Омской области. В Указе № 16 закреплено, что создание органов исполнительной власти Омской области путем слияния и преобразования осуществляется в правопреемством реорганизуемых структур (п. 3 Указа № 16). Следовательно, новые органы фактически созданы путем реорганизации в форме слияния и преобразования. В связи с этим следует иметь в виду, что в соответствии со ст. 75 ТК РФ при реорганизации организации трудовые отношения с согласия работника продолжают. При этом какого-либо письменного согласия работника (служащего) на продолжение трудовых отношений не требуется. Вместе с тем, если работник (служащий) не согласен продолжать работу в реорганизованной организации (органе исполнительной власти Омской области), он обязан в течение месяца или двух (после утверждения штатных расписаний и положений об органах, положений об отделах, должностных инструкций, из которых будут видны структура органа, в том числе отдела, пол-

номочия и функции определенного служащего) выразить такое несогласие в письменной форме. В этом случае трудовой договор с ним расторгается.

По нашему мнению, в ФЗ возможно включить положения о том, что изменение существенных условий службы (служебного контракта) без предупреждения не менее чем за два месяца, без предложения иной работы или переквалификации при сокращении численности служащих в связи с соответствующим решением или упразднением, а также при ликвидации органа следует обжаловать в комиссию государственного органа по рассмотрению служебных споров и (или) в суд. Кроме того, необходимо унифицировать терминологию либо разграничить путем определения такие понятия, как «упразднение» и «ликвидация», что позволит существенно повысить гарантии служебных прав служащих и уровень их судебной защиты.

* Шербакова Ю.В. К вопросу о министерстве как юридическом лице // Законодательство и экономика. 2003. — № 10. — С. 17.

РОЛЬ ПРИНЦИПОВ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ ПОощРЕНИЯ ДОБРОСОВЕДНОГО ТРУДА

Л. Д. Ухова

Общее направление правового регулирования системы общественных отношений, опосредуемых отраслью трудового права, определяют принципы (положения, идеи, общезначимые установки), закрепляемые в нормах и выражающие общую сущность той или иной системы норм (института, отрасли права)¹, которые и обуславливают особенности метода правового регулирования. При этом принципы могут и не закрепляться в нормах права².

Принципы есть идеальное отражение сущности и природы общественных отношений³ и верны лишь постольку, поскольку соответствуют закономерностям их развития (в том числе объективным экономическим законам).

Значение норм-принципов в механизме правового регулирования уже отмечено правовой наукой⁴. Их можно рассматривать как «внутренний «механизм», обеспечивающий целенаправленное действие всей системы права»⁵. Выделяют принципы, выработанные с целью отражения основных подходов правового регулирования процедурных

и процессуальных отношений и связанного с ними поведения субъектов в интересах общества и государства⁶.

Несоответствие закрепленных в праве принципов динамике экономических интересов, а хуже — их отсутствие существенно деформируют механизм реализации норм права.

Задача права — не только закрепить нормы, стимулирующие труд, каковыми являются и поощрения, но и обеспечить их реализацию, в том числе и путем создания соответствующих условий с помощью принципов. Определенными юридическими гарантиями их реализации могут стать принципы, выработанные на основе объективных экономических и социально-экономических законов. В сочетании с общеправовыми принципами трудового права они могут найти свое выражение на уровне соответствующих институтов трудового права.

Обеспечив поощрительные нормы принципами, можно повысить значимость стимулирующей функции права и ее роль в поощрении добросове-

стного труда посредством предупреждения субъективной переоценки работодателем объективно выраженных результатов труда, с одной стороны, и формального подхода к поощрению добросовестного труда — с другой.

При реализации норм, стимулирующих трудовую деятельность, должны учитываться не только значимость для работника той или иной меры поощрения, его заинтересованность в ней, ее способность к удовлетворению потребностей работника и интересов, что обусловлено экономическими причинами, но и объективная оценка результатов, достижений в работе. Это сегодня согласно ст. 191 Трудового кодекса является прерогативой работодателя и находит свое отражение в субъективном акте последнего.

Многообразие возникающих в связи с поощрением связей очевидно и зависит от фактических обстоятельств, особенностей поощряемого субъекта, его заслуг, трудового вклада конкретного работника с учетом результатов работы коллектива в целом, их оценки, соразмерности виду поощрения. Из сознания необходимости соблюдения всех условий обеспечить весь процесс реализации норм стимулов с помощью процедурных норм практически невозможно, в том числе и на уровне локальных актов заранее запрограммировать выбор меры поощрения, способ и др.

Урегулировать действие стимулов в правовых нормах нельзя, но обеспечить их реализацию благодаря принципам, которые могут быть выделены на уровне отдельного института — поощрение добросовестного труда, — считаем возможным.

Полагаем, институт поощрения добросовестного труда включает принципы заслуженности, разумности, справедливости, соразмерности, публичности, гласности, объективности, своевременности, формальной определенности, индивидуальности, сочетания морального и материального поощрения и др. Рассмотрим их подробнее.

Формальный подход к поощрению труда скатывается на активности поощряемого субъекта. О недопустимости формально-бюрократического подхода говорил еще В.И. Ленин. Полезно напоминать его слова: «...нехорошо раздают, вместо премии получается прибавка к заработной плате... надо давать так, чтобы наградить того, кто проявил геройство, исполнительность, талант и преданность хозяйственника»⁸.

Примером необоснованности могут служить нормы о премировании работников, не имеющих дисциплинарных взысканий в текущем году. Как правило, такие нормы встречаются в локальных актах, например, в положениях о премировании. Если работник действительно по результатам добросовестного, высокопроизводительного труда в текущем году заслуживает награды, однако имеет неснятое дисциплинарное взыскание, то принци-

пы поощрения не реализуются, так как права на премию у работника в соответствии с Положением и не возникало. Причем в зачет не идут результаты его трудовой деятельности как в текущем, так и в предыдущем году, наличие у него ранее поощрений за успехи в труде, значимость трудовой заслуги, первичность привлечения его к дисциплинарной ответственности, малозначительность совершенного проступка и т.д. Представляется подобный подход неправильным, поскольку работник изначально лишен своего права быть поощренным. Такие нормы о премировании (например, нормы о запрещении продвижения в работе лиц, подвергнутых дисциплинарному взысканию) не должны применяться, поскольку ухудшают положение работника по сравнению с действующим трудовым законодательством. Однако есть и другая точка зрения. И.И. Абдрахманов, считая необходимым расширить круг правовых последствий дисциплинарных взысканий и усилить их эффективность, предлагает закрепить в законодательном порядке запрещение продвижения по работе лиц, подвергнутых дисциплинарному взысканию, в течение срока действия последнего⁹.

Не исключено досрочное снятие дисциплинарного взыскания при добросовестном отношении работника к выполнению своих трудовых обязанностей. Но данная мера, на наш взгляд, не является формой поощрения, поскольку свидетельствует об исправлении работника, следствием чего служит отпадение оснований воздействия на него с помощью дисциплинарных мер. Подобные запреты нередко встречаются в локальных актах организаций, что свидетельствует о непринятии работодателями во внимание принципов стимулирования труда: возможность поощрения работника и одновременно досрочного снятия с него дисциплинарного взыскания создает дополнительный стимул хорошо работать.

Например, уголовное законодательство РФ предусматривает обязательное применение принципов вины, законности, равенства, гуманности, учета возраста, семейного положения, предшествующего поведения при установлении меры наказания либо освобождению от него. Трудовым законом в целом ряде случаев определение оснований и меры поощрения или наказания отдано на откуп работодателю. И работник, обращаясь за судебной защитой своих прав, ограничен в выборе вариантов защиты лишь формальными обстоятельствами проступка, равно как и своей добросовестности.

Применение принципов поощрения позволит дать правовую оценку применения (неприменения) к работнику мер поощрения, например, с точки зрения заслуженности или не заслуженности им таковых.

Объективность заключается в разработке на уровне локальных нормативно-правовых актов до-

полнительных требований и рекомендаций представления к поощрению (награждению) коллективом (группой работников). Порой трудно определить, где проходит граница между многолетним добросовестным трудом и конкретными заслугами, здесь не установлено жестких требований, но это могут подсказать профессиональная мораль и общественное мнение. В любом коллективе и обществе, пусть не публично, но всегда существует общественная оценка каждого его члена независимо от его должностного положения. По смыслу ст. 191 Трудового кодекса РФ подобная граница устанавливается работодателем, в связи с чем целесообразно было бы при разрешении данного вопроса знать общественную оценку и уметь пользоваться ею, «что является обязанностью каждого должностного лица»¹⁰.

Принцип разумности нацелен на исключение поощрения по одним и тем же основаниям, соразмерности — обеспечение поощрения соизмеримо с затратами и результатами труда, чтобы избежать нежелательных явлений в коллективе, с одной стороны, и уравниловки — с другой. Возможно, это позволит произвести дифференциацию поощрения в зависимости от уровня (масштаба) достигнутых успехов и применяемых поощрений. Следование данным принципам на практике предполагает разделение сфер влияния с тем, чтобы меры поощрения охватывали все участки работы, дополняли, но не дублировали друг друга. Заслуживает поощрения не только рост производительности труда, материалоемкости, количественных и качественных показателей, но и добросовестность, инициативность.

Не случайную связь с поощрением имеет принцип заслуженности. Иногда в самом правоприменительном поощрительном акте говорится о заслуге, установлены, например, почетные звания: «заслуженный юрист республики», «заслуженный деятель науки» и т.п., медаль «За боевые заслуги» и др. Реализация принципа заслуженности в поощрении означает признание совершения работником поступков, превосходящих обычные требования, предъявляемые к правомерному поведению, путем положительной оценки субъективного отношения работника к исполнению своих обязанностей, что характеризуется добросовестностью, осознанием ответственности, значимости своего труда.

Если работник исполняет свои трудовые обязанности под действием обязывающих и дозволяющих норм, он не заслуживает поощрения, поскольку результатом их реализации является соблюдение права, выражающееся в правомерном поведении.

Субъективная сторона правомерного деяния позволяет разделить поведение на правомерное и заслуженное, где определяющим является субъективное состояние лица, выразившееся либо в заслуге и подлежащее поощрению, либо в прямо про-

тивоположной «заслуге» (вине) и подлежащее наказанию. В этой черте проявляется основное положение права — воздаяние по заслугам¹¹. Противопоставление заключается в том, что если поощрение как заслуженная мера призвано, говоря языком академика И.Л. Павлова, подкреплять положительное поведение, характеризующее позитивные цели и мотивы субъекта, а также превосходящее обычные требования, то наказание — тоже своеобразная «заслуженная мера» — выступает как «средство самозащиты общества против нарушений условий его существования», «как восстановление права»¹².

Значение принципа заслуженности в том, что как ретроспективная ответственность не должна применяться к лицу за действия, в которых не было вины, так и мера поощрения не должна предоставляться, если в достижении общественно полезных результатов не было никакой заслуги конкретного субъекта. Поощрение свидетельствует о реализации позитивной ответственности. В обоих случаях «объективное вменение», т. е. поощрение или наказание без субъективной стороны поведения может принести не пользу, а вред прогрессу правового регулирования общественных отношений¹³.

Реализация принципа справедливости — важнейшее условие эффективности функционирования социально-экономических форм организации деятельности человека. В юридической литературе неоднократно подчеркивался универсальный характер принципа справедливости, поскольку он входит во все, без исключения, отрасли системы права, характеризуя иерархию прав в целом. Проявление названного принципа конкретизируется в виде специально-правовых принципов. Применительно к отрасли трудового права правомерно подчеркивается его организующий характер по отношению к самим правовым нормам¹⁴.

Конкретизировать проявление указанного принципа по отношению к нормам, поощряющим результаты трудовой деятельности, можно путем закрепления соответствующих норм-принципов на уровне отдельного института, позволяющих обеспечить справедливую оценку работодателем трудовых заслуг каждого работника, с точки зрения их экономической значимости и полезности.

Реализация данного принципа в правовом регулировании поощрения добросовестного труда не исключает экономической целесообразности принимаемых работодателем решений. В условиях социализма содержание принципа справедливости сводилось к полной реализации основного принципа социализма «от каждого по способностям, каждому — по труду». По мнению В.А. Бублика, осуществление первой части сводится к возможности самостоятельного труда в меру сил и способностей, а также гарантий действительного равенства граждан при осуществлении конституци-

онного права на труд, второй — к обеспечению соответствия меры индивидуального труда и потребления¹⁵. Партийные положения, например, о том, что «нарушение принципа справедливости не только деформирует отношение к труду, сдерживает рост его производительности»¹⁶, поддерживающие осуществление органической связи между мерой труда и мерой потребления в его реализации, основаны на признании общеправового характера данного принципа, но не раскрывают сущность и механизм его реализации в нормах трудового права, в том числе и регулирующих вопросы поощрения добросовестного труда. Кроме того, основными факторами, определяющими соразмерность вклада, выступали общественная полезность и общественная значимость, в то время как в настоящих условиях определяющими факторами становятся личная заинтересованность в достижении конечного результата, которая основана на возможности удовлетворения индивидуальных потребностей.

В новых условиях руководство лишь социальным аспектом принципа справедливости нуждается в переоценке, поскольку одни «не работают», другие, напротив, несут необоснованную нагрузку. В литературе отмечается, например, абсолютизация роли специального стажа в правовом регулировании труда медицинских работников¹⁷. Оплата труда, присвоение почетных званий, повышение квалификации и многие другие юридические возможности поставлены в прямую зависимость от стажа работы. Преувеличение значения стажа мешает профессиональному росту молодежи, не стимулирует лиц с большим стажем к повышению профессионального мастерства, наконец, этот факт не ориентирует работников на достижение высоких качественных показателей¹⁸.

Реализация принципа справедливости будет верной, если будут учтены как социальные, так и экономические его аспекты. Именно экономическая заинтересованность определяет общее направление правового регулирования отношений, связанных с поощрением добросовестного труда, опосредуемых отраслью трудового права, выражает сущность системы норм, входящих в состав института дисциплины труда, позволяя учесть экономические интересы и работодателя и работника.

По мнению специалистов в области экономики, проблему справедливой оценки труда можно решить путем детальной проработки условий трудового договора, предусмотрев не только индивидуальные условия труда, но и размер вознаграждения с учетом сложности выполняемой работы, ответственности лица, его творческой отдачи¹⁹. Кроме того, предлагается разрешить данную проблему путем введения гибких схем оплаты труда, разработанных и широко применяемых в странах Западной Европы и США. Вознаграждение, выпла-

чиваемое работникам по результатам применения новых вариантов оплаты труда, не является поощрением в чистом виде. Однако, несомненно, что выплата комиссионных (процента) от продажи товаров, денежных сумм за выполнение поставленных целей, специальных индивидуальных вознаграждений, получение процента от прибыли компании, а также определенного количества акций в собственность (право приобрести по желанию пакет акций) и другие его формы имеют поощрительный характер²⁰.

Применение данного принципа на практике подтверждается аналитическими исследованиями и данными экспертов: использование новых вариантов оплаты труда повышает организационную продуктивность на 5 — 49%, а доходы работника на 3 — 29%²¹.

Отсутствие законодательного закрепления принципов умаляет значимость и морального поощрения добросовестного труда как такового. Моральное стимулирование весьма эффективно, когда оно своевременно и гласно, когда вручение награды или присвоение почетного звания производится в присутствии многих членов коллектива. Само по себе наличие поощрения у работника стало бы дополнительным моральным стимулом, если бы применение к нему данной меры учитывалось при определении его преимуществ, а также вида, размера наказания, возможности его смягчения или освобождения от него в случае привлечения работника к ответственности — дисциплинарной, материальной и, возможно, даже к уголовной.

Говоря о реализации принципа своевременности в правовых нормах, регулирующих поощрение добросовестного труда, следует отметить, что каждый работник, как и коллектив в целом, должен знать, что его достижения или упущения, в чем бы они ни проявились, будут обязательно замечены и сразу же отразятся на материальном и моральном поощрении. Именно для этой цели на каждом промышленном предприятии создавались специальные фонды поощрения за счет отчисления от прибыли. В настоящее время отсутствие поощрительных фондов на предприятии, поощрение за счет экономии средств фонда оплаты труда сказывается, прежде всего, на том, что выдачу премии работник рассматривает как дополнительную прибавку к заработной плате, результаты своего труда, трудовую активность связывает только с наличием либо отсутствием финансовых средств у работодателя.

Эффективность поощрения состоит в оценке каждого «промежуточного вклада»²², что может выразиться в признании текущих результатов (достижений) в работе путем своевременного применения мер поощрения.

Комплексной оценке через призму вышеуказанных принципов могут подвергаться не только

отдельные индивидуальные акты работодателя, но и нормы, касающиеся стимулирования труда. Например, очевидно, что премирование по случаю юбилея (а это касается всех без исключения работников к 30 (50) – летию) не связано с результатами работы и трудовыми заслугами последних, отсюда не имеет никакого экономического или правового характера.

Необходимость законодательного закрепления институциональных принципов обусловлена и тем, что деятельность по реализации норм трудового права возможна путем их защиты в судебном порядке, где приоритетными будут все же принципы, а уж затем фактические обстоятельства.

Принципы гражданско-процессуального законодательства, занимающие главенствующее положение в любом процессе, не могут способствовать законному и обоснованному решению трудовых споров, поскольку предполагают установление и оценку юридически значимых обстоятельств, диктуемых материальными нормами права.

Игнорирование принципов при рассмотрении вопроса о применении (неприменении) меры поощрения к работнику в случае возникновения спора следует рассматривать не иначе как не обоснованность.

Совершенствование механизма правового регулирования премирования тесно связано с вопросом юридических гарантий премируемых работников. Многолетняя практика правоприменительной деятельности в области премирования показывает, что система правовых гарантий требует существенных изменений.

Закрепление принципов поощрения добросовестного труда в праве, возможно, позволит преодолеть формальность самого института поощрения труда, обеспечив его юридическими гарантиями реализации правовых стимулов, которые являются мерами не только правового, но и экономического характера, в чем не менее заинтересованы как работники, так и работодатели, а также послужит этапом к созданию эффективного механизма правового обеспечения защиты интересов поощ-

ряемых работников, что до сих пор вызывает споры среди специалистов.

¹ См.: *Смирнов О.В.* Основные принципы советского трудового права. — С. 31; *Молодцов М.В.* Система советского трудового права и система законодательства о труде. — М., 1985. — С. 60-61.

² См.: *Трудовое процедурно-процессуальное право: Учеб. пос. / Под ред. В.Н. Скобелкина.* — Воронеж, 2002. — С. 51.

³ См.: *Молодцов М.В.* Указ. соч. — С. 60-61; *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. — Т. 20. — С. 34.

⁴ См.: *Молодцов М.В.* Указ. соч. — С. 61.

⁵ Там же.

⁶ См.: *Трудовое процедурно-процессуальное право / Под ред. В.Н. Скобелкина.* — С. 51.

⁸ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. — Т. 42. — С. 215.

⁹ См.: *Абдрахманов И.И.* Поощрение и дисциплинарное воздействие как средства укрепления трудовой дисциплины: Автореф. дис... канд. юрид. наук. — Воронеж, 1971. — С. 19.

¹⁰ *Мирошник С.В.* Закон и мотивация труда. — М., 2003. — С. 71.

¹¹ См.: *Тихонравова Ю.В., Захарова Е.В., Глуценко Е.В.* Теория управления: Учебный курс. — М., 1997. С. 254;

¹² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. — Т. 8. — С. 531; Т. 1. С. 148.

¹³ См.: *Кудрявцев В.Н.* Правовое поведение: норма и патология. — М., 1982. — С. 238.

¹⁴ См.: *Рычгова О.Е.* Системообразующие факторы права: Монография. — Томск, 2003. — С. 94.

¹⁵ См.: *Бублик В.А.* Обеспечение социалистической социальной справедливости в сфере индивидуальной трудовой деятельности: гражданско-правовой аспект // Правовое регулирование индивидуальной трудовой и кооперативной деятельности: Межвуз. сб. науч. тр. — Свердловск, 1989. — С. 46.

¹⁶ *Горбачев М.С.* О перестройке и кадровой политике партии: Докл. на Пленуме ЦК КПСС 27 января 1987 г. // Коммунист. — 1987. — № 3.

¹⁷ См.: *Михайлов А.И.* Трудовые права и обязанности работников здравоохранения. — М., 1976. — С. 111-112.

¹⁸ См.: *Исаков В.Б.* Фактический состав в механизме правового регулирования. — Саратов, 1979. — С. 81.

¹⁹ См.: *Мирошник С.В.* Указ. соч. — С. 53.

²⁰ Там же. — С. 55.

²¹ Там же.

²² См.: *Механизм эффективности производства / Под ред. В.И. Рыбина, А.А. Борисова.* — М., 1981. — С. 334.

ИНДИВИДУАЛЬНО-ДОГОВОРНЫЙ УРОВЕНЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Т.А. Затолокина

Изменившиеся экономические условия, переход от государственно-организованной к рыночной экономике позволяют перенести акцент с го-

сударственных на негосударственные уровни правового регулирования трудовых отношений. Эта тенденция нашла отражение в Трудовом кодексе

(ТК) РФ, который увеличил возможности для правового регулирования трудовых отношений на локальном и индивидуально-договорном уровнях, в то время как в советский период применение коллективно-договорного и индивидуально-договорного метода было существенно ограничено.

Как известно, все средства правового воздействия подразделяются на два вида: нормативного и индивидуального регулирования. Индивидуальное осуществляется путем воздействия на конкретное общественное отношение с помощью индивидуального акта. В отличие от локального, при индивидуально-договорном регулировании не происходит создания правовых норм.

Индивидуально-договорное регулирование осуществляется на основе нормативного регулирования и определяется им. Оно оказывает воздействие на конкретные субъекты трудовых отношений посредством индивидуальных соглашений, которые принимаются на основе правовых норм и в указанных ими пределах.

Специфика индивидуально-договорного уровня проявляется в его признаках. Во-первых, индивидуально-договорное регулирование осуществляется на базе такой формы реализации права, как использование. Во-вторых, для координационного (индивидуально-договорного) регулирования характерно состояние равенства. В-третьих, индивидуально-договорное регулирование исполняется особыми субъектами, чаще всего сторонами трудового договора, в отличие от субординационного регулирования, осуществляемого уполномоченными государством соответствующими органами¹. В-четвертых, оно проявляется через индивидуальные акты, которые являются индивидуальными соглашениями (актами реализации права).

При анализе норм ТК РФ обращает на себя внимание разнообразие формулировок, используемых законодателем при разрешении сторонам устанавливать индивидуальные условия труда. Тем не менее, суть анализируемых явлений одна — установление прав и обязанностей происходит только в результате взаимной договоренности сторон трудового договора².

Так, статья 72 ТК предусматривает, что перевод на другую постоянную работу в той же организации по инициативе работодателя, т. е. изменение трудовой функции или изменение существенных условий трудового договора, а равно перевод на постоянную работу в другую организацию либо в другую местность вместе с организацией допускается только с письменного согласия работника; ст. 88 ТК обязывает работодателя получить согласие работника на такие действия при передаче персональных данных работника, как сообщение персональных данных работника третьей стороне, за исключением случаев, когда это необходимо в це-

лях предупреждения угрозы жизни и здоровью работника, а также в случаях, установленных федеральным законом, сообщение персональных данных работника в коммерческих целях; ст. 96 ТК закрепляет, что женщины, имеющие детей в возрасте до трех лет, инвалиды, работники, имеющие детей-инвалидов, а также работники, осуществляющие уход за больными членами их семей в соответствии с медицинским заключением, матери и отцы, воспитывающие без супруга (супруги) детей в возрасте до пяти лет, а также опекуны детей указанного возраста могут привлекаться к работе в ночное время только с их письменного согласия и при условии, если такая работа не запрещена им по состоянию здоровья в соответствии с медицинским заключением.

Кроме того, письменное согласие работника требуется при его привлечении к сверхурочным работам (ст. 99); к работе в выходные и нерабочие праздничные дни (ст. 113); при компенсации как сверхурочные работы переработки сверх нормальной продолжительности рабочего времени, если ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск работникам с ненормированным рабочим днем не предоставляется (ст. 119).

В ряде статей ТК используется такая формулировка, как «по соглашению между работником и работодателем». Например, установление неполного рабочего дня или неполной рабочей недели (ст. 93 ТК РФ); определение начала, окончания или общей продолжительности рабочего дня при работе в режиме гибкого рабочего времени (ст. 102 ТК РФ); установление времени предоставления перерыва для отдыха и питания и его конкретной продолжительности (ст. 108 ТК РФ); возможность предоставления отпуска за первый год работы до истечения шести месяцев непрерывной работы в данной организации (ст. 122 ТК РФ); разделение ежегодного оплачиваемого отпуска на части (ст. 125 ТК); предоставление отпуска без сохранения заработной платы, продолжительность которого определяется по соглашению между работником и работодателем (ст. 128 ТК).

В Трудовом кодексе применяется также формулировка «по письменному заявлению работника». Например, ст. 126 ТК допускает по письменному заявлению работника замену части ежегодного оплачиваемого отпуска, превышающей 28 календарных дней, денежной компенсацией; ст. 127 ТК — предоставление ему неиспользованного отпуска с последующим увольнением (за исключением случаев увольнения за виновные действия).

Разновидность формулировки, используемой законодателем при указании на возможность индивидуального регулирования, имеет значение при определении стороны трудового договора, от которой должна исходить инициатива по достижению соглашения. Так, очевидно, что фраза «по пись-

менному заявлению работника» означает: инициатива может исходить только от работника, в то время как формулировка «по соглашению сторон» предусматривает возможность инициативы от обеих сторон трудового договора. Формулировка «с письменного согласия работника» предполагает инициативу со стороны работодателя.

Считаем справедливой точку зрения, согласно которой наличие формулировки «с письменного согласия работника» означает необходимость письменного обращения к работнику. На этом акте работник должен сообщить о своем согласии. Таким образом, расписка работника на приказе предприятия не означает достижения согласия между работником и работодателем, поскольку следует различать соглашение и приказ как правоприменительный акт организации. Соглашение должно быть достигнуто до издания приказа, а не после него.

Представляется возможным сформулировать требования к законности индивидуального соглашения. Полагаем, индивидуальное соглашение должно а) быть принято в пределах сферы регулирования трудовых отношений на индивидуально-договорном уровне, причем в той форме, которая предусмотрена для него законодательством; б) соответствовать императивным нормам, устанавливающим государственные стандарты в области регулирования трудовых отношений; в) не содержать условий, снижающих уровень прав и гарантий работников, установленный трудовым законодательством, коллективным договором, соглашениями;

Регулирование трудовых отношений на индивидуально-договорном уровне является дополнительным способом определения условий труда, который используется для уточнения характера и содержания трудовой функции, учета особых обстоятельств ее выполнения, деловых качеств работника, стимулирования труда и т. д.

Однако следует учитывать, что расширение сферы регулирования трудовых отношений на рассматриваемом уровне несет в себе как положительные, так и отрицательные моменты. Нормы ТК, которые позволяют работодателю решить ряд вопросов в период действия трудового договора по соглашению с работником, направлены на обеспечение большей гибкости регулирования трудовых отношений. Перенос акцентов с государственного регулирования на договорное обеспечивает в большей степени, чем раньше, реализацию принципа свободы труда. Этот процесс не должен сопровождаться снижением уровня гарантий трудовых прав работников. Следует учитывать, что увеличение области свободного усмотрения должно быть компенсировано усилением гарантий законности, ориентацией на развитие юридической культуры граждан и должностных лиц³.

Таким образом, представляется неверным утверждение о том, что правовое регулирование трудовых отношений на индивидуально-договорном уровне должно со временем вытеснить, заменить правовое регулирование трудовых отношений на нормативных уровнях. Роль рассматриваемого уровня заключается в дополнении правового регулирования трудовых отношений на вышестоящих уровнях, в предоставлении возможностей для большей индивидуализации условий труда применительно к потребностям работника, индивидуальным качествам его личности.

¹ См.: Безина А.К., Бикеев А.А., Сафина Д.А. Индивидуально-правовое регулирование труда рабочих и служащих. — Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1984. — С. 26.

² Там же. — С. 27.

³ См.: Проблемы теории государства и права / Под ред. С.С. Алексеева. — М.: Юрид. лит., 1987. — С. 268.

Уголовное и уголовно- процессуальное право

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДОКТРИНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ю. В. Деришев

Среди основных направлений современного этапа реализации правовой политики Российского государства и, в первую очередь, уголовно-процессуального ее ответвления, важнейшим шагом, безусловно, выступает формирование *юридической доктрины* как системы теоретических взглядов и практических действий, обеспечивающей создание идеологии права. Доктринальная форма реализации правовой политики задает параметры государственно-правовой жизни, которые опираются на достижения национальной и мировой, приемлемой для России юридической мысли и науки в целом. Именно благодаря правовой доктрине определяются и разрабатываются цели и функции права, его принципы, дух и смысл, формируются новые юридические конструкции и категории, прогнозируется эволюция юридических технологий и правовой жизни. "Юридические воззрения и концепции чрезвычайно значимы для формирования модели правового регулирования, для совершенствования законодательства, для оптимизации методологии толкования юридических норм, для правоореализационного процесса"¹.

Таким образом, доктринальная форма правовой политики во многом определяет жизнеспособность и эффективность реализации иных направлений правовой жизни государства и общества: правозащитной, правотворческой и правоприменительной функций. Более того, "в исключительно сложных социально-экономических, духовных и политических условиях современной России особый научный и практический интерес вызывает проблема выбора определяющей, системообразующей парадигмы, которая могла бы быть положена в основу формирования юридической доктрины (правоприменения) нового столетия"².

Правовая доктрина основывается на поддержке государства и может приобретать характер по-

сланий, обращений, программ основных направлений развития отдельных сфер государственной и общественной жизни, воплощаясь преимущественно в законопроектах, приобретая, соответственно, характер научного предвидения развития *юридических ситуаций*. Именно юридическая доктрина позволяет определить стратегические ориентиры правового развития и минимизировать возможные его негативные последствия, устранить препятствия, стоящие на пути юридического прогресса. Рассуждая о значении данного направления государственной деятельности, Т.М. Пряхина основным качеством доктринальных документов выделяет "выражение ими официальных взглядов. Применительно к условиям российской действительности доктрина выполняет компенсационную функцию, восполняя отсутствие государственной идеологии"³.

По мнению О.Ю. Рыбакова, доктринальная форма реализации правовой политики призвана связать юридическую науку и практику в единую систему согласованных государственных действий⁴. Вместе с тем современная юридическая доктрина развивается весьма противоречиво, что явилось следствием неготовности юриспруденции к тем изменениям, которые произошли в обществе. Бурное развитие российского права не сопровождается адекватным формированием юридической доктрины, что свидетельствует о серьезном отставании юридической науки от потребностей правовой политики, которая решает проблемы своего становления, опираясь на метод «проб и ошибок». Механическое заимствование "иностраных или исторически забытых образцов" — следствие отсутствия стройной и понятной юридической доктрины. Как представляет А.В. Малько, "отсюда и шарханье из стороны в сторону властных структур, которые не имеют в своей основе надежных и национально выверенных правовых ориентиров, прогрес-

сивной юридической идеологии, базирующейся на общецивилизованных ценностях и особенностях российской правовой жизни”⁵. Если оставить довольно радикальный тон подобной сентенции, сам вывод об отсутствии четких представлений о развитии права в государстве имеет под собой почву.

В полной мере (может быть, в первую очередь) сказанное касается реализации уголовно-процессуальной политики государства, обеспечения правотворческих и правоприменительных процессов стройной теоретической концепцией и государственной доктриной построения и развития современного российского уголовного судопроизводства.

Общеизвестна классическая формула политической основы подготовки и проведения государственных судебно-правовых реформ. В любом случае это компромисс между наукой, предлагающей пути оптимизации законодательства, и администрацией государства, допускающей и выбирающей эти пути, определяющей при этом тактику (концепцию) и стратегию (доктрину) реформирования. Так было в России в 60-е годы XIX века, во Франции в 50-е и 90-е годы последнего столетия второго тысячелетия. С компаративистской позиции, УПК РФ по степени радикальности и амбициозности замысла, как заметил Л.В. Головкин, сопоставим (по крайней мере, в рамках европейских реформ) разве что с нашумевшей итальянской кодификацией 80-х гг. XX в.⁶ Подобные компромиссы, как правило, заканчивались в разной степени заметными и радикальными “контрреформами”, что, в частности, и обусловило неудачу итальянского “кодекса Вассали (Vassalli)”.

В современной России мы наблюдаем иную стратегию развития судебно-правовой реформы. “Джентльменское соглашение” заключалось лишь между отдельными заинтересованными государственными ведомствами, которые “делили” УПК РФ на сферы влияния, а процессуальная наука как бы осталась в стороне, и наработки, которые были сделаны в последние годы учеными-процессуалистами и криминалистами, в большей степени законодателем не востребованы.

При несколько упрощенном (кратком) представлении эволюции уголовно-процессуальной науки, в том числе и отечественной, этот процесс можно рассматривать как периодическую и разномасштабную реконструкцию (или точечный ремонт) уже ранее возведенного человеческого цивилизацией здания правосудия. Необходимо признать, что даже радикальные социальные и иные революции *основные устои* уголовного судопроизводства в силу высокой степени его консервативности кардинально изменить не смогли.

Кумулятивистскому (накопительному) подходу в развитии и реконструкции науки противопоставляется, как более современный и приближенный к реальности, *антикумулятивистский* метод

историко-научных исследований, где теоретические концепции постоянно выдвигаются и опровергаются, конкурируют между собой⁷. В истории науки наступает “перерыв постепенности”, или научная революция, которая влечет за собой изменение парадигмы знаний и представлений об объекте исследования.

Представляется также, что авторы нового уголовно-процессуального законодательства вошли в противоречие с действием принципа корреспонденции — соответствия конкретных правовых представлений общетеоретическим установкам существующей научной парадигмы и логическим правилам построения научной теории. Можно признать, что введение нового отечественного УПК и есть попытка сменить на уровне кодификации парадигму уголовного судопроизводства и перейти от традиционной для России модели постинквизиционного смешанного уголовного процесса континентального типа к “ультрасовременному варианту” состязательного процесса⁸. Однако парадигма возникает на основе допарадигмального накопления знаний, при достижении консенсуса между учеными — когда все с ней согласны и исходят из общепринятых положений, принимая их как данность⁹. Подобного, как представляется, российское научное сообщество в настоящий момент не имеет. Сложилась парадоксальная ситуация — традиционная процессуальная наука “отстала” от радикально настроенного законодателя.

В связи с этим можно выделить, по крайней мере, два стратегических направления разрешения методологических проблем применения УПК РФ. Во-первых, как это ни парадоксально, но “спасение утопающих — дело рук самих утопающих”, т.е. путь правоприменителю в первые годы действия УПК РФ должна показывать взвешенная и опирающаяся на общие традиционные и испытанные каноны теории уголовного процесса судебная и прокурорско-следственная практика (в связи с этим представляется достаточно высокой в создавшемся положении роль решений Пленума Верховного суда Российской Федерации). Во-вторых, перед уголовно-процессуальной наукой стоит не менее важная и сложная задача: в оптимально сжатые сроки, опираясь, в свою очередь, на первую правоприменительную практику в режиме действия УПК РФ, предложить научно-исследовательскую программу становления и развития новых представлений о пореформенном уголовно-процессуальном законодательстве с учетом его реальных возможностей адекватно отвечать криминальной угрозе. Также необходимо создание “твердого ядра” новой парадигмы, т.е. разработка базовых, ключевых понятий и концепций пореформенного уголовного судопроизводства, а также его “защитного пояса”¹⁰, выступающего в виде совокупности вспомогатель-

ных концепций, среди которых выделить концепцию уголовного досудебного производства, на которую процессуальная наука так и не может выйти последние десятилетия¹¹.

В целях оказания новому уголовно-процессуальному закону “научно-методической, моральной и информационной поддержки”, а также создания “механизма отладки нового законодательства, способа “обратной связи” законодателя и правоприменителя” проводился мониторинг УПК РФ¹². Следуя предложенной законодателем идее, можно (и нужно), как представляется, провести объективное изучение оценок, данных уголовно-процессуальной реформе в юридических публикациях последних постреформенных месяцев. Безусловно, особую реакцию у процессуалистов вызвала предложенная законодателем “гиперсостязательность” в ее классическом (идеальном) теоретическом представлении, которая и легла в основу “политического кредо” УПК РФ¹³. Кроме того, ученые-процессуалисты обратили особое внимание на ряд концептуальных моментов нового законодательства, которые, на наш взгляд, следует подвергнуть дальнейшему перспективному исследованию. Это, в первую очередь, проблемные аспекты, касающиеся назначения и принципов уголовного судопроизводства¹⁴; принципиально новой роли суда¹⁵ и процессуального статуса органов уголовного преследования¹⁶; теории доказательств и процесса доказывания¹⁷; избирательности режимов досудебного производства¹⁸; равновесия между правовыми средствами раскрытия и расследования преступлений и правовыми возможностями стороны защиты¹⁹; и др.

Вполне очевидно, что отсутствие юридической доктрины, хотя бы применительно к уголовно-процессуальному праву, оборачивается рассогласованием законотворчества и потребностей юридической практики, которая формируется под давлением необходимости решения сиюминутных задач. Правовая теория и юридическая практика развиваются автономно друг от друга, без учета перспектив своего развития, что характеризуется “отсутствием в массиве юридической деятельности признаков системности — согласованности отдельных частей, их взаимозависимости и взаимодополняемости, непротиворечивости”²⁰.

Если государство и юридическое сообщество желают видеть в проводимой судебно-правовой реформе определенную схему целенаправленных последовательных шагов по направлению к новой эффективной правовой системе, то основанием реформирующейся юридической теории и практики должна послужить *юридическая доктрина как совокупность согласованных, принятых юридическим сообществом приоритетов и принципов, технологий и инструментария, стратегии и тактики достижения определенных целей*. Это долговре-

менная и перспективная, опирающаяся на *теоретическую концепцию* программа реализации правовой политики, выступающая не только “согласительным” средством, но и критерием оценки эффективности правотворчества и правоприменения.

При этом необходимо представлять, что отсутствие (или слабая теоретическая проработанность) правовой доктрины ведут к “бюрократизации правовой культуры, стагнации правовой теории, рутинности юридической практики” и как следствие — все отчетливее просматривается тенденция скатывания к “американской правовой эмпиричности и утилитарности в строительстве правовых институтов общества”: там право адвокатов практически полностью вытеснило право как элемент человеческих отношений²¹. Безусловно, такая опасность остро ощущается при восприятии и исследовании нового отечественного уголовно-процессуального права России, и как эталонное правосознание такой подход вряд ли будет воспринят российским обществом.

Уже в конце XX. в. юридическое сообщество столкнулось с определенным дефицитом новых юридических идей, при этом деформированное российское правосознание постепенно стало практически отторгать веру в силу закона. Правовой нигилизм власти и населения породил своеобразный феномен, позволивший правоохранительным органам государства отгородиться от общества лозунгом: “Дайте нам новые, хорошие и эффективные законы!”, а политической элите — от тех и других “идеями диктатуры закона”.

Это привело к выводу о несостоятельности принятой методологии правовых исследований, о ее обновлении и реконструкции исследовательских подходов²². Однако нельзя признать, что право XXI столетия, а с ним и его понимание, будет совершенно новым, не “вписывающимся” в традиционные представления. Российская правовая доктрина возникает не на пустом месте и формируется на основе преемственности и интеграции настоящего и будущего российского права. Как пишет М.И. Байтин, “выбор будущего правоприменения должен основываться на сочетании современного уровня отечественной юриспруденции, всего, что в ней есть ценного, оправдывающего себя на практике, в тесной связи с новейшими достижениями других гуманитарных, а также естественных наук с реалиями происходящего возрождения России и перспективами ее развития”²³.

Так или иначе, но рассматриваемые негативные процессы оказали свое воздействие на формирование уголовно-процессуального законодательства, примером чему может служить обнаруженное при его исследовании *методологическое противоречие* между определением онтологии и аксиологии пореформенной модели отечественного уголовного судопроизводства. Так, в поисках

философской основы определения целей современного уголовного процесса разработчики УПК РФ обратились к кантовой теории признания за каждым человеком “абсолютной ценности” или “статуса самоценности”. Статья 6 УПК РФ в этом вполне корреспондируется со ст. 2 Конституции Российской Федерации, из которой вытекает, что каждый человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — первейшая обязанность государства. Данное положение — постулат, лежащий в основе понимания любого цивилизованного гражданского общества, и одно из условий признания государства правовым.

Наряду с этим руководитель рабочего коллектива по подготовке УПК РФ Е.Б.Мизулина определила уголовный процесс как социальную технологию, представляющую собой систему последовательно применяемых приемов и способов, обеспечивающих получение определенного результата. По мнению автора, “таким результатом может быть только одно — недопущение осуждения невиновного, только этим можно объяснить существование уголовного процесса наряду с уголовным правом”²⁴.

Как представляется, негативное влияние данного вывода о телеологии современного уголовного судопроизводства на реальную защиту интересов российских “самолитностей” очевидно. Допущена также переоценка значения социальной технологии в жизни общества и личности, тем более в основу выбранной модели реформирования положен западноевропейский или американский цивилизационно-исторический тип, который поспешно был избран в качестве мирового стандарта.

Проблема в том, какой мир создается в результате такой стандартизации, как унификация социальных технологий (в полной мере эти процессы касаются не только общества и государства, но и права). Как известно, европейский цивилизационно-исторический тип стал результатом органического развития на базе традиций²⁵. Однако согласно учению Макса Вебера “традиционное поведение диктуется привычками, обычаями, верованиями, ставшими второй натурой. Субъект поступает по традиции, ему нет нужды ни ставить перед собой цель, ни определять ценности, ни испытывать эмоциональное возбуждение — он просто подчиняется укоренившимся в нем за долгую практику рефлексам”²⁶.

В этой связи интересны исследования, проводимые в последние годы русской православной церковью. Остро ставится проблема, связанная с фундаментальным противоречием нашей эпохи и, одновременно, главным вызовом человеческому сообществу в XXI веке — “противостояние либеральных цивилизационных стандартов, с одной сто-

роны, и ценностей национальной культурно-религиозной идентичности — с другой”²⁷. Это в полной мере касается правового строительства российского государства, в том числе его уголовно-процессуальной политики. В поисках ответа на поставленный вопрос предлагаются две взаимоисключающих модели поведения. Первая — изоляционистская, предполагающая полную изоляцию от тлетворного внешнего влияния, что откровенно утопично в условиях открытого и взаимопроникаемого мира. Вторая предлагает взять либеральную цивилизационную модель в том виде, в котором она сложилась в настоящее время на Западе, и механически перенести ее на русскую почву, если надо, силой укоренив ее. Что-то подобное происходит с правом: Запад не смог “огнем и мечом” принести нам свои жизненные ориентиры, культуру, не очень получается с религией, поэтому делается последняя, может быть, решающая попытка ассимилировать в России правовые модели, построенные на преклонении либеральным ценностям. Подходит ли православному человеку этот либеральный стандарт, где во главу угла ставится эгоизм, легитимизируется право на грех? Необходимо помнить как заповедь — призывает русская православная церковь: общество, лишенное представлений о норме жизни, принимающее подобную систему ценностей, неизбежно обрекается на духовное вырождение, рано или поздно будет обречено на гибель²⁸.

Либеральные ценности в политике, экономике, социальной жизни, праве должны рассматриваться как допустимые только при условии решительного отказа от принципов либеральной аксиологии применительно к человеческой личности. Великий русский писатель-“криминолог”, познавший сам и показавший миру внутреннее состояние такого социального и нравственного явления, как “преступление и наказание”, Ф.М. Достоевский представлял соотношение первого и второго в виде логической цепочки, где преступление — грех, наказание — искупление греха, а что мешает этому искуплению — “бесовщина”! Может быть, это и есть русская идея в сфере уголовного судопроизводства, которая, безусловно, должна получить современное демократическое оформление и содержание, исходя из требований ст. 2 Конституции России!

¹ Малько А.В. Юридическая доктрина как важнейшее направление современной российской правовой политики // Российская юридическая доктрина в XXI веке: (Проблемы и пути их решения). — Саратов, 2001. — С. 14.

² Байтин М.И. О формировании российской юридической доктрины нового столетия // Российская юридическая доктрина в XXI веке: (Проблемы и пути их решения). — Саратов, 2001. — С. 6.

- ³ Пряхина Т.М. Конституционная доктрина как фактор оптимизации правовой политики современной России // Правовая политика и правовая жизнь. — 2001. — № 1. — С. 30.
- ⁴ См.: Рыбаков О.Ю. Формы реализации правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. — 2003. — № 2. — С. 14.
- ⁵ Малько А.В. Указ. соч. — С. 15.
- ⁶ См.: Головкин Л.В. Новый УПК Российской Федерации в контексте сравнительного уголовно-процессуального права // Гос-во и право. — 2002. — № 5. — С. 51.
- ⁷ «Если наука строит свое здание, то это кусткамера ошибок в той же степени, что и музей достижений». (Мартишина Н.И. Введение в гносеологию. — Омск, 1997. — С. 62.).
- ⁸ Головкин Л.В. Указ. соч. — С. 51-54.
- ⁹ См., напр.: Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. — М., 1975.
- ¹⁰ Идея научно-исследовательской программы — эквивалента понятия парадигмы принадлежит И. Локатосу, различающему «твердое ядро» и «защитный пояс» программы, критика которой на основе аномальных фактов сначала должна пробить защитный пояс, лишь после этого возможно опровержение всей парадигмы, что позволит проследить процесс научных революций в реальном времени. См.: Локатос И. Доказательства и опровержение / Пер. с англ. — М., 1967; он же. История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки. — М., 1978.
- ¹¹ См.: Обсуждение концепции развития досудебного производства в уголовном процессе // Информационный бюллетень Следственного комитета при МВД России. — 1998. — № 1 (94). — С. 9.
- ¹² См.: Мониторинг введения в действие УПК РФ: первый предварительный доклад // Рос. юстиция. — 2002. — № 11. — С. 4.
- ¹³ См., напр.: Лукашевич В.З., Чичканов А.П. Принцип состязательности и равноправия сторон в новом УПК РФ // Правоведение. — 2002. — № 2. — С. 102-109; Яненко Е. Размышление у парадного фасада УПК // Рос. юстиция. — 2002. — № 12. — С. 66-67; и др.
- ¹⁴ См., напр.: Бойков А.Д. Новый УПК России и проблемы борьбы с преступностью // Уголовное право. — 2002. — № 3. — С. 63-69; Радутная Н. Один из первых комментариев // Законность. — 2002. — № 11. — С. 30-32.
- ¹⁵ См., напр.: Кальницкий В.В. Высказанная обвинителем позиция предопределяет пределы судебного разбирательства // Российская юстиция. — 2002. — № 12. — С. 34-35; Кашепов В.П. О преобразовании статуса суда в
- уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. — 2002. — № 9. — С. 25-32; и др.
- ¹⁶ См., напр.: Зайцев О., Абдуллаев Ф. Процессуальное положение дознавателя по УПК РФ // Законность. — 2002. — № 12. — С. 16-18; Гончаров Д.Ю. Самостоятельность следователя: быть или не быть // Журнал российского права. — 2002. — № 9. — С. 104-110; Синельников Ю. Полномочия прокурора в досудебном производстве по новому УПК // Законность. — 2002. — № 3. — С. 6-10; Амирбеков К. Правовой статус прокурора в судебных стадиях уголовного процесса // Законность. — 2002. — № 3. — С. 6-10; и др.
- ¹⁷ Лукинская П.А. Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе // Рос. юстиция. — 2002. — № 7. — С. 5-8; Абдрахманов Р. Процесс доказывания в новом УПК // Уголовное право. — 2002. — № 4. — С. 53-54; и др.
- ¹⁸ См., напр.: Дернишев Ю.В. Предварительное следствие: исследование или преследование // Рос. юстиция. — 2002. — № 10. — С. 34-35; Головкин Л.В. Указ. соч. — С. 51-54; и др.
- ¹⁹ См., напр.: Быков В.М. Уголовно-процессуальный кодекс РФ и проблемы раскрытия преступлений // Право и политика. — 2002. — № 9. — С. 66.
- ²⁰ Демидов А.И. Принципы юридической доктрины // Российская юридическая доктрина в XXI веке: (Проблемы и пути их решения). — Саратов, 2001. — С. 8.
- ²¹ Синюков В.Н. Россия в XXI веке: (Пути правового развития) // Ежегодник российского права. — М., 2001. — С. 13.
- ²² «С тем теоретическим багажом, который имеет наше правоведение, затевать любые реформы опасно, о чем свидетельствует прошедшее десятилетие» (Синюков В.Н. Россия в XXI веке: пути правового развития. — С. 16).
- ²³ Байтин М.И. Указ. соч. — С. 7.
- ²⁴ Мизулина Е.Б. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства: Проект УПК Российской Федерации // Информационный бюллетень Следственного комитета при МВД России. — 2001. — № 1 (107). — С. 146.
- ²⁵ См.: Вязовик Т. Чем грозит унификация социальных технологий: (<http://www.russ.ru/politics/20030327-vjaz.html>). — 2003. — 27 марта.
- ²⁶ Арон Р. Этапы развития социологической мысли: М. Вебер. — М., 1992. — С. 490.
- ²⁷ Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Норма веры как норма жизни // Независимая газета. — 2000. — 16 февр.
- ²⁸ Там же.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ ПРАВУ

В.В. Головин

В 80-х годах XX в. М.К. Юковым была высказана и обстоятельно обоснована точка зрения, согласно которой отношения, возникающие в связи с исполнением решений юрисдикционных органов, являются предметом регулирования самостоятельной области права — *исполнительного*¹. Эта отрасль российского права имеет юридическую целостность, свой обособленный предмет и особый метод правового регулирования, собственные принципы и общие положения. Правильность при-

веденного мнения была подтверждена развитием законодательства об исполнительном производстве. Вывод М.К. Юкова еще раз убедительно подтвержден и обоснован В.М. Шерстюком² в соответствии с новым законодательством (Федеральные законы «О судебных приставах», «Об исполнительном производстве»), регламентирующим исполнительное производство.

В развитие этой позиции нами было показано ранее³, что рассмотрение регулирования исполни-

тельного производства требует применения норм и принципов не только гражданского, но и административного права. Совокупность отношений в системе исполнительного производства обуславливается нормами административного права, как и нормами гражданского права по следующим признакам.

1. Отношения в системе исполнительного производства генерируются не свободным гражданским оборотом, основанным на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников (ст. 2 ГК, Часть I), а принудительным исполнением решений судебных и иных органов⁴. Исполнительное производство должно действовать в соответствии с гражданским законодательством, в рамках реализации прав и свобод граждан и юридических лиц, но содержанием его деятельности является принудительное исполнение, т.е. принудительное отчуждение и продажа частной и других видов собственности в целях исполнения решений судебных актов и актов иных органов. Систему исполнительного права формирует не только свободный гражданский оборот, как это интерпретируется большинством авторов⁵, но и принудительность вовлечения в систему исполнительного производства участников, что диктуется смыслом и содержанием деятельности судебных приставов-исполнителей.

2. Статьи Гражданско-процессуального кодекса РФ, регламентирующие этапы, стадии и действия исполнительного производства, содержат лишь самые общие положения относительно организации взаимоотношений, потому что не учитывают специфику принудительного исполнения, требующую соответствующих нормативных актов.

Придание Службе судебных приставов Указом Президента РФ от 7 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» статуса федерального органа исполнительной власти наполняет новым содержанием, придает иное качество формированию взаимоотношений в сфере исполнительного производства. Федеральная служба судебных приставов (ФССП) рассматривается как необходимый элемент формирования эффективной системы государственного регулирования рыночной экономики, наведения порядка в управлении государственной собственностью, создания легитимного механизма взаимодействия хозяйствующих субъектов в сфере рыночных взаимоотношений. ФССП наделена системой методов и средств воздействия — нормы убеждения, оружие, организация, принуждение⁶, — которые относятся к признакам исполнительной власти и регламентируются административным правом. В этом контексте *система взаимоотношений субъектов исполнительного производства рассматривается, не только с по-*

*зиций исполнительного права, но и с точки зрения укрепления государственного управления*⁷.

Административная ответственность в сфере государственного управления как фундаментальное понятие в юридической науке относится к разновидности принуждения, а меры ответственности — к особому виду принуждения. В научной литературе имеются различные определения юридической ответственности, принадлежащие С. С. Алексееву, Ю.А. Тихомирову, Р.О. Халфиной, В.П. Казамирчуку, Б.Л. Назарову, С.Н. Братусю, Г.В. Мальцеву и другим авторам.

Понятие ответственности является одним из основополагающих в проводимой административной реформе. Однако имеющийся в административном праве понятийный аппарат и инструментарий ответственности не отвечает требованиям современного государственного строительства. В нем не учитываются многочисленные правовые акты, в которых заложено регулирование сферы деятельности органов и должностных лиц государственного управления, а также взаимодействие органа исполнительной власти с обществом. Здесь развивается только карательный подход: совершил правонарушение — должно следовать наказание.

Существует еще один подход к определению ответственности в государственном управлении, предложенный группой американских авторов⁸. Термин «ответственность власти» употребляется почти как синоним законной власти. Другая его интерпретация — обозначение восприимчивости к ценностям других людей. Здесь ответственность есть степень, в которой администраторы ответственны перед другими людьми или группами внутри бюрократических структур и вне их, и ценности, входящие в административные решения. Это подход к определению ответственности в государственном управлении с точки зрения гражданского общества.

Определяя понятие «ответственность по исполнительному праву», мы будем употреблять термин «ответственность» и в юридической интерпретации, и в смысле рассмотрения ценностей, обуславливающих административные решения, и в смысле неформальных оценок, контекста ситуации. Можно выделить следующие характерные черты и признаки ответственности по исполнительному праву.

Во-первых, в системе российского права исполнительное право выделилось из гражданского процессуального права в целостное и относительно самостоятельное правовое образование, регулирующее отношения, возникающие при исполнении судебных актов и актов иных органов⁹. Поэтому можно считать относительно обособленной и саму область отношений и действий, им регулируемых.

Субъектами ответственности по исполнительному праву могут быть как физические, так и юридические лица. Например, за контроль над со-

стоянием исполнения исполнительных документов в субъекте федерации несет ответственность федеральный орган исполнительной власти и должностное лицо — Главный судебный пристав. Руководитель подразделения отвечает как за свои собственные решения, так и за действия подчиненных согласно древнеримской юридической формуле: «Кто сделал посредством других, тот сделал как бы сам»¹⁰.

Во-вторых, нормативно-правовая база ответственности в исполнительном праве шире, чем в административной ответственности: Конституция, Гражданский кодекс РФ, ГПК РФ, федеральные законы, Указы Президента РФ, постановления Правительства Российской Федерации, приказы и распоряжения вышестоящих органов и должностных лиц, положения и должностные инструкции.

Существует и неформальная нормативная база: этические нормы — это неписанные законы, контекст, в котором работают государственный орган и его сотрудники. В рамках административной реформы уделяется особенное внимание этическому аспекту ответственности. Так, в рамках Совета при Президенте РФ по борьбе с коррупцией образована комиссия по служебной этике¹¹.

В-третьих, понятие ответственности в исполнительном праве необходимо структурировать. В нем можно выделить несколько составляющих юридической ответственности: уголовно-правовая, процессуальная, административная, материальная, дисциплинарная. В соответствии со структурой понятия ответственности устанавливаются нормы отрасли права, которые содержат перечни правонарушений (проступков), взысканий и органов, уполномоченных рассматривать и решать дела о правонарушениях.

Для каждой составляющей ответственности может быть определена структура, состоящая из следующих элементов¹²: основания ответственности (законы, нормативно-правовая база, этические нормы); субъекты; условия; меры ответственности (взыскание, порицание, осуждение); процедура, порядок привлечения к ответственности (процесс). Выделенные составляющие ответственности имеют определенные разграничительные линии, которые достаточно условны, но позволяют квалифицировать (юридически в большинстве случаев) противоправные действия¹³. Например, уголовно-правовые деяния — преступления, другие правонарушения — административные. Критерии разграничения устанавливаются, как правило, законодательно.

В-четвертых, в понятие ответственности по исполнительному праву вводятся и не юридические составляющие — социальная и фидуциарная ответственность. Понять механизм действия неформальных правил и установок гораздо сложнее. Иногда действия, совершенные в рамках действу-

ющего законодательства, могут быть подвергнуты общественному осуждению, и последствия такого осуждения разрушительны.

При неформальной оценке действий судебных приставов можно говорить об ответственности как о свойствах личности. Профессиональные качества судебного пристава-исполнителя как государственного служащего должны найти нормативно-этическое признание и общества в целом. В таком плане понятие «нести ответственность» не должно вызывать в сознании ассоциации «преступления и наказания», оно характеризует, скорее, образ поощряемой деятельности. **Ответственность рассматривается не только в карательном аспекте, но с более широких позиций — как стимулирующее начало**¹⁴.

При определении ответственности по исполнительному праву за основу берется принцип **ответственности государственных служащих за подготавливаемые решения, неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей** согласно Федеральному закону «Об основах государственной службы Российской Федерации». Применение этого принципа должно стимулировать добросовестное и надлежащее выполнение судебными приставами и руководителями Службы своих служебных обязанностей. Решения, которые разрабатываются и принимаются ими, должны отвечать требованиям законности, соответствовать положениям правовых актов. К числу принимаемых решений относятся и указания, отдаваемые руководителями подчиненным.

Рассмотрим составляющие ответственности по исполнительному праву.

Уголовно-правовая ответственность — это меры принуждения за противоправные действия в исполнительном производстве, связанные с нарушениями норм Уголовного кодекса РФ, влекущие за собой соответствующие наказания, определяемые судом. Основанием уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ) является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного Кодексом. Глава 30 УК РФ устанавливает круг преступных деяний, совершаемых против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Специальным субъектом в данной главе (за исключением ст. 291 УК РФ) выступает должностное лицо.

Сотрудники Федеральной службы судебных приставов подлежат уголовной ответственности за совершение ими уголовно наказуемых деяний, которые противоречат интересам государственной службы, совершены с использованием служебного положения или благодаря ему. Объектом посягательства такого рода преступлений являются общественные отношения в сфере нормального порядка деятельности и функционирования государственной службы (в частности, ФССП). Соверше-

ние подобного рода преступлений подрывает авторитет государственной службы, дискредитирует должностных лиц в глазах общества. Ряд статей Уголовного кодекса РФ предусматривает и дополнительный объект посягательства, например, права и законные интересы граждан, организаций, законные интересы общества или государства, право собственности.

Отдельные виды преступлений имеют в обязательном порядке такой признак объекта преступления, как предмет посягательства. Так, при даче либо получении взятки предметом преступления является сам предмет взятки (денежные средства, ценные бумаги, другое имущество либо ценности неимущественного характера). А при совершении служебного подлога (ст. 292 УК РФ) предметом выступают официальные документы.

Объективная сторона, в основном, выражена в форме действия (ст. ст. 286, 289, 290 УК РФ и др.), за исключением злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и халатности (ст. 293 УК РФ), когда форма объективной стороны может быть выражена и в форме бездействия. Большая часть составов преступлений данной главы по конструкции объективной стороны являются формальными, т. е. преступление считается оконченным вне зависимости от наступления общественно опасных последствий, достаточно совершения самого преступного деяния. Материальными составами обладают такие преступные посягательства, как превышение или злоупотребление должностными полномочиями, халатность. Законодатель в данном случае указывает на необходимость наступления последствий, таких, как существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. Кроме того, ряд особо квалифицированных составов указывает в качестве обязательного признака объективной стороны причинение тяжких последствий (п. «в» ч. 3 ст. 286, п. «в» ч. 3 ст. 287, ч. 2 ст. 293 УК РФ).

Субъективная сторона выражена, как правило, в форме умысла. Только совершение преступления, предусмотренного ст. 293 УК РФ, предполагает неосторожную форму вины. Ряд составов выделяет дополнительные признаки субъективной стороны (мотив), например, совершение деяния из корыстной или иной личной заинтересованности.

Все выше перечисленные статьи могут быть применены к судебным приставам-исполнителям и сотрудникам ФССП. Так, в 2000 г. возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 160 УК РФ в отношении двух судебных приставов-исполнителей Набережно-Челнинского подразделения Службы судебных приставов Минюста Республики Татарстан. Установлено, что они с 8 августа по 31 декабря 1999 г. наложили арест на 70 автомашин «КамАЗ», при-

надлежащих ОАО «КамАЗ», в счет погашения кредиторской задолженности этого акционерного общества перед фирмой «Дорстройкомплект» (г. Москва). Далее, действуя в сговоре с директором фирмы «Солид-С», используя фиктивные письма от фирмы «Дорстройкомплект», переоформили 4 автомашины «КамАЗ на общую сумму 1 млн. 130 тыс. рублей на фирму «Солид-С» и несуществующую фирму «Камсервис», после чего данные автомашины реализовали не установленным лицам, а вырученные деньги присвоили.

Ответственность по исполнительному праву обладает таким свойством, как процессуальность, поэтому в ее определении можно говорить о **процессуальной ответственности**. Процессуальными проступками называют нарушения установленной законом процедуры осуществления правосудия, прохождения юридического дела в правоприменительном органе. Процессуальную ответственность можно понимать как ответственность за выполнение юридического процесса строго в рамках, определенных действующим законодательством и правовыми актами, а также как свойство (признак) любой ответственности. В качестве признака процессуальной ответственности предполагается наступление ответственности только при выполнении определенной юридической процедуры. Процесс привлечения к ответственности предусмотрен действующим законодательством, уставами и положениями. При нарушении процедуры привлечение лица к ответственности возможно через обжалование действий, направленных на привлечение к ответственности, в компетентные органы, а также в суд.

Субъект процессуального проступка является специальным, поскольку в процессе привлечения виновного лица к ответственности участвует представитель правоприменительного органа. Именно он будет нести ответственность при совершении процессуального проступка. В данном случае должностное лицо понесет дисциплинарную ответственность, а виновному удастся уйти от предусмотренной законом ответственности, поскольку нарушение процедуры привлечения его к ответственности приведет к недействительности назначенного наказания.

В сущности, по своему характеру любой вид юридической ответственности процессуален. Наступление ответственности предусматривается только при полном соблюдении процедуры ее применения. В противном случае цель восстановления нарушенных законных интересов никогда не будет достигнута. Интересы государства и общества будут страдать, деформироваться в связи с некомпетентностью правоприменителя. Характер процессуальности является также гарантом соблюдения прав стороны, преступившей общепринятые нормы, возведенные в закон.

Административная ответственность — вид юридической ответственности, которая наступает при наличии правонарушений, конкретизируемых юрисдикционными подзаконными актами и актами государственных органов: Президента, Правительства, Минюста России и других компетентных органов. Основанием административной ответственности служит административное правонарушение, а мерами — административные взыскания. Примерами административной ответственности государственных служащих, как и граждан государства, являются нарушения Правил дорожного движения, Правил пожарной безопасности и др. Помимо этого, государственный служащий — специальный субъект административных правоотношений. Так, при нарушении трудового либо административного законодательства к некоторым категориям государственных служащих применяется особый порядок производства по делам об административных правонарушениях.

Сотрудники Федеральной службы судебных приставов подлежат административной ответственности на общих основаниях. Кроме того, на них распространяется действие федеральных законов «Об основах государственной службы» и «О системе государственной службы Российской Федерации».

Административными взысканиями являются: предупреждение, штраф, возмездное изъятие и конфискация предмета, ставшего орудием совершения или непосредственным объектом правонарушения, лишение специального права, предоставленного правонарушителю, исправительные работы, административный арест и др. Правом налагать административные взыскания наделены определенные органы (должностные лица), перечень и разграничение полномочий которых закреплены в разделе 3 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации.

Сотрудники ФССП могут быть привлечены к **материальной ответственности** лишь за вред, причиненный государственному имуществу. В рамках совершения исполнительных действий судебный пристав-исполнитель отвечает за нарушение федеральных законов «Об исполнительном производстве» и «О судебных приставах» посредством применения к нему мер дисциплинарного и уголовного характера. Кроме того, в случае причинения ущерба судебным приставом-исполнителем как государственным служащим и должностным лицом потерпевшая сторона вправе обратиться в гражданском порядке с иском о взыскании соответствующей суммы материального, а также, возможно, морального вреда за счет бюджетных средств (ст. 1069 ГК РФ).

Основанием для **дисциплинарной ответственности** является организационная документация: положения о подразделениях и Службе, должност-

ные инструкции. Дисциплинарное принуждение — это применение принудительных мер к подчиненным в связи с совершением ими дисциплинарных правонарушений на основе юридических норм и организационной документации в процессе управленческой деятельности в отношении судебных приставов. Дисциплинарное принуждение осуществляется субъектами дисциплинарной (линейной) власти — руководителями службы. Правовой статус дисциплинарных проступков и дисциплинарной ответственности судебных приставов регламентируется ТК РФ, КоАП РФ, федеральными законами «Об исполнительном производстве», «О судебных приставах», «Об основах государственной службы», приказами и распоряжениями вышестоящих организаций и должностных лиц организационной документацией.

За совершение дисциплинарного проступка налагаются дисциплинарные взыскания, являющиеся мерой, формой дисциплинарной ответственности. К таким мерам относятся: замечание, выговор, строгий выговор; для судебных приставов — замечание, выговор, строгий выговор, предупреждение о неполном служебном соответствии, понижение в должности, понижение в специальном звании на одну ступень, увольнение из ФССП. Меры дисциплинарного воздействия, в свою очередь, могут применяться самостоятельно, вне зависимости от мер административного характера.

Пример: при аресте имущества должника должна соблюдаться очередность его производства, предусмотренная ст. 59 Федерального закона «Об исполнительном производстве», при нарушении которой судебный пристав-исполнитель подлежит дисциплинарной ответственности. Вид дисциплинарной ответственности определяется только уполномоченным на то вышестоящим должностным лицом, в частности, Главным судебным приставом. Вид назначаемого наказания зависит от степени тяжести совершенного нарушения, от вида и характера наступивших последствий. Указанные понятия применимы для данной сферы деятельности, т. е. имеет место дифференциация наказания, как и в уголовном праве. Понятие тяжести совершенного дисциплинарного проступка охватывает собой условия его совершения, наступившие вредные последствия. Как и в уголовном праве, применяются меры наказания с учетом характера и степени тяжести совершенного деяния.

На наш взгляд, в исполнительном производстве должна присутствовать **фидуциарная ответственность**, поскольку решения и действия судебных приставов оказывают значительное влияние на общество. **Фидуциарная ответственность** — это не последующие наказания и взыскания, а понимание последствий, следуемых за принимаемыми решениями и действиями. **Фидуциарная ответ-**

ственность — это тонкая грань между служебным долгом судебного пристава и его вкладом в общественное благополучие, между неотвратимостью исполнения судебных решений и общественным равновесием. Судебный пристав-исполнитель, проходя по этой грани, должен исполнить решение суда или иного органа, но его обычные служебные действия часто взрывают общественное мнение, становятся темой обширных публикаций не только в российской, но и зарубежной прессе.

Так, существенной проблемой считается обращение взыскания на системообразующие субъекты экономики, имеющие всероссийское или региональное значение, а также государственные организации, финансируемые исключительно из бюджетных средств. Можно представить, например, размер ущерба от остановки в результате ареста и продажи за долги основных и даже оборотных средств предприятий энергоснабжения, производства необходимых продуктов питания, лекарств и т.п. Поэтому при обращении взыскания на подобные объекты Федеральная служба судебных приставов стремится не наносить ущерб их основной деятельности, руководителям предприятий-должников предлагается заключить с взыскателями мировые соглашения о рассрочке выплат по долгам, арестовывается имущество, не участвующее в процессе производства, отрабатывается дебиторская задолженность. Все это, конечно, не улучшает статистики Службы, исполнительные производства в отношении таких должников приобретают затяжной характер. Но мы считаем, что это единственно правильный государственный подход к решению подобных проблем, формированию которого и должно способствовать понимание фидуциарной ответственности.

Фидуциарная ответственность должна присутствовать, когда судебный пристав-исполнитель принимает решение в противоречивых условиях. Например, когда по одному объекту принудительного взыскания существует несколько, часто взаимоисключающих решений суда. Так, по исполнительному производству завода «Кристалл» было несколько решений, противоречащих друг другу, по «Мосэнерго» — 8 исполнительных листов¹⁵, такие же решения принимались по предприятиям Челябинской, Оренбургской и других областей. Мы рассматриваем это как проблему не только толкования и применения норм законодательства об исполнительном производстве, но и наступления и реализации фидуциарной ответственности. Судебный пристав-исполнитель при принятии процессуальных решений по таким исполнительным производствам должен отчетливо понимать меру

фидуциарной ответственности, т.е. те последствия, которые будут иметь место после исполнения решения суда.

Следует отличать фидуциарную ответственность от социальной ответственности. Социальная ответственность — это оценка обществом «выполнения федеральным органом государственных услуг, имеющих исключительную общественную значимость и делегированных законодательством»¹⁶. Судебный пристав должен осознавать, что он как представитель власти всегда стоит на страже справедливости и закона, которые измеряются отношением общественности к службе и ее деятельности.

И фидуциарная, и социальная ответственности отличаются от юридических видов ответственности тем, что данные виды ответственности не влекут за собой неотвратимых наказаний и взысканий. Тем не менее осозаемость последствий решений и действий судебных приставов-исполнителей в обществе настолько велика, что введение таких видов ответственности необходимо с точки зрения формирования профессионального осознания общественной значимости своей деятельности.

Таким образом, ответственность по исполнительному праву является сложным, комплексным, многоплановым, объемным понятием, что определяется характером исполнительного производства, включающим самые разнообразные действия и процедуры принудительного характера. Ответственность по исполнительному праву может быть определена как комплекс мер уголовно-правовой, процессуальной, административной, дисциплинарной, материальной ответственности. Проявляется она в применении уполномоченным кругом органов, должностных лиц, сторон исполнительного производства в соответствии с действующей нормативно-правовой базой методов и средств принуждения и взысканий, а также обществом и гражданами мер общественного воздействия по реализации фидуциарной и социальной ответственности к судебным приставам или должностным лицам Федеральной службы судебных приставов за совершенные правонарушения при выполнении неполных, несвоевременных или несоответствующих законодательству Российской Федерации действий или отсутствие действий по исполнению решений в исполнительном производстве.

Понятие «ответственность по исполнительному праву» сформулировано впервые. Необходимость его развития обусловлена научными и практическими потребностями, которые определяют сложными причинно-зависимыми связями меж-

ду полномочиями и ответственностью судебных приставов-исполнителей и должностных лиц ФССП, а также влиянием, оказываемым правонарушениями в сфере принудительного взыскания на общественное мнение и на имидж ФССП.

¹ См.: Юков М.К. Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. — Свердловск, 1982.

² См.: Настольная книга судебного пристава — исполнителя: Справочно-методическое пособие / Под ред. д-ра юрид. наук В.В. Яркова. — М., 2000. — С. 82-88.

³ См.: Головин В.В. Административно-правовое регулирование реализации арестованного имущества (по материалам Службы судебных приставов): Автореф. дис... канд. юрид. наук. — Омск, 2000.

⁴ См.: Судебные приставы. Исполнительное производство. — Изд. 2-е, доп. и перераб. — М., 1999. — С. 11.

⁵ См.: Сергун А.К. Принудительное исполнение судебных решений в общем процессе реализации норм права // Теоретические вопросы реализации норм права: Уч. тр. ВЮЗИ. — М., 1978. — Т. 61. — С. 89-90; Яковлев В.Ф.

Общая часть гражданского права в современном законодательстве и судебной практике. — Свердловск, 1979. — С. 8; Братусь С.Н. Предмет и система гражданского права. — М., 1963. — С. 17.

⁶ См.: Бахрах Д.Н. Административное право: Учебник для вузов. — М., 1996.

⁷ См.: Головин В.В. Указ. соч. — Омск, 2000.

⁸ См.: Саймон Г., Смитбург Д., Томпсон В. Менеджмент в организациях. — М., 1995.

⁹ См.: Головин В.В. Указ. соч.

¹⁰ См.: Глазунова Н.И. Система государственного управления: Учебник по специальности «Государственное и муниципальное управление». — М., 2002. — С. 532-537.

¹¹ См.: Кремль готовит генеральный бой коррупции // www.vesti.ru. 12.01.2004.

¹² См.: Габричидзе Б.Н., Чернявский А.Г. Административное право Российской Федерации: Учебник для вузов. — М., 2001. — С. 265.

¹³ Там же. — С. 266.

¹⁴ См.: Глазунова Н.И. Указ. соч. — С. 533.

¹⁵ См.: Паламарчук А.В. Исполнение судебных актов и актов других государственных органов судебными приставами: Роль органов юстиции в правовом государстве. — М., 2002. — С. 260.

¹⁶ Указ Президента РФ от 7 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти».

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНОМ ПОСТРОЕНИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

О.А. Волторнист

Деятельность по расследованию преступлений, рассмотрению и разрешению уголовных дел проходит в строго установленной законом последовательности, которая определяет порядок движения уголовного дела. Вопрос о структуре или делении уголовного судопроизводства на этапы (стадии) был актуальным еще для ученых-процессуалистов дореволюционной России. Так, выдающийся российский процессуалист И.Я. Фойницкий, описывая процесс движения уголовного дела, отмечал, что он начинается «предварительным исследованием», которое носит характер унитарной фазы, хотя и распадается на досудебное (дознание)

и судебное (предварительное следствие)¹. Здесь необходимо оговориться, что производство предварительного следствия в то время было исключительной прерогативой судебных органов в лице судебных следователей. После предварительного исследования уголовное дело проходило стадии «предания суду» и «приготовительные к суду распоряжения». Примечательно, что указанные выше стадии И.Я. Фойницкий объединяет в единое «предварительное производство уголовных дел», после которого имеет место «окончательное производство в суде»².

Постреволюционная процессуальная «картина России», безусловно, претерпела существенные

изменения. Институт судебных следователей был упразднен, что повлияло как на организационное, так и на процедурное построение досудебного производства.

Прежде в теории уголовного процесса для обозначения процедуры уголовно-процессуальной формы прибегали, в основном, к постадийному построению процесса, считая, что именно совокупность стадий, связанных между собой общими задачами и принципами судопроизводства, образует систему уголовного процесса. Так, характеризуя систему советского уголовного процесса, М.С. Строгович подчеркивал, что «все производство по уголовному делу проходит ряд последовательных этапов или *стадий уголовного процесса*»³. Сегодня предлагается качественно новое его структурное построение. В литературе все чаще поднимается вопрос о существовании в современном российском уголовном судопроизводстве двух самостоятельных этапов (или фаз) — досудебного производства по уголовному делу, в рамках которого происходит предварительное исследование обстоятельств совершенного деяния, и судебного производства, т. е. рассмотрение и разрешение уголовного дела в судебных инстанциях. Так, Ю.К. Якимович предлагает деление уголовного судопроизводства по «вертикали» — на виды производств и по «горизонтали» — на уголовно-процессуальные этапы, стадии, которые «в определенной совокупности могут представить собой качественно иной уровень общности, например, досудебное производство и судебное производство»⁴.

Подтверждением такого деления современного уголовного процесса служит сама структура Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, части вторая и третья которого имеют наименования соответственно «досудебное производство» и «судебное производство».

В свою очередь досудебное производство складывается из стадий возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Судебное производство предполагает прохождение (но не во всех случаях) стадий подготовки к судебному заседанию, рассмотрения дела по существу (судебное разбирательство), апелляционное, кассационное производства, исполнение приговора, рассмотрение дел в порядке надзора и возобновление производства по делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Безусловно, «сердцевиной», центральным этапом уголовного судопроизводства является стадия судебного разбирательства, где решается главный вопрос — о виновности (невиновности) лица. Досудебные стадии (в большей мере это касается предварительного расследования) носят обслуживающий характер по отношению к производству в суде, поскольку вся деятельность органов расследования направлена на сбор доказательственного материала

для дальнейшего представления его в суд. Еще М.С. Строгович, характеризуя стадию предварительного расследования, отмечал, что «органы расследования проводят свою работу до суда и для суда»⁵. Анализируя соотношение предварительного следствия и судебного разбирательства, Г.Н. Колбая писал, что «хотя предварительное следствие обладает известной самостоятельностью, оно все же носит подчиненный по отношению к судебному разбирательству характер»⁶.

Инновационной относительно структуры УПК РФ представляется позиция А.П. Гуськовой, которая видит причину дифференциации уголовного процесса на досудебное и судебное производства в тех переменах, которые были заложены еще в Концепции судебно-правовой реформы, в частности, в утверждении состязательных начал. Так, «направлениями уголовно-процессуальной деятельности становятся основные функции судопроизводства (обвинения, защиты, разрешения дела по существу), которые призваны решать задачи, обозначенные в ст. 6 УПК РФ на уровне поступательного движения уголовно-процессуальной деятельности ее субъектов в досудебном и судебном производстве»⁷.

Кроме того, А.П. Гуськова объясняет новый подход к структуре современного судопроизводства острой необходимостью создания нового процессуального режима досудебного производства, который бы выражался в унификации процессуальной формы⁸. Действительно, в последнее время все больше ученых склоняются к тому, что стадия возбуждения уголовного дела должна быть вынесена за рамки уголовного процесса. Так, Ю.В. Деришев отмечает, что при проведении доследственной проверки используются средства, присущие административной, но не процессуальной деятельности. В современном зарубежном (равно как и в российском дореволюционном) праве проверка сообщений о преступлении — административная или оперативно-розыскная деятельность, осуществляемая в рамках так называемого «полицейского дознания» и предшествующая уголовно-процессуальному производству по делу⁹.

Кроме того, анализируя правовую природу и генезис такой формы предварительного расследования, как дознание, В.В. Николюк и Ю.В. Деришев приходят к выводу о том, что оно должно осуществляться в рамках административного законодательства и представлять собой деятельность по проверке заявлений и сообщений о противоправных действиях, выявлению преступлений и установлению оснований для начала производства по уголовному делу¹⁰. Иными словами, авторы выступают за существование в досудебном производстве единого процедурного режима.

Еще одна возможная причина рассматриваемого подхода законодателя к определению струк-

турного построения УПК РФ видится нам в следующем. На смену термину «уголовный процесс», характерному для уголовно-процессуальной науки и законодательства советского периода, сегодня пришел термин «уголовное судопроизводство». Таким образом, произошел возврат к терминологии, используемой еще в дореволюционной России при характеристике отношений в сфере применения уголовно-правовых норм. Представляется, что, используя термин «судопроизводство» в УПК РФ, законодатель стремился подчеркнуть определяющее место и роль суда, его статус при производстве по уголовным делам. Концепция судебной реформы провозгласила необходимость усиления судебной власти, в том числе в сфере уголовного судопроизводства¹¹. Это положение, в частности, нашло свое выражение в нормах УПК РФ, регламентирующих судебный контроль на досудебных стадиях. В свою очередь обозначенные тенденции в уголовно-правовой политике России выступают, как представляется, в качестве одного из ведущих факторов при определении внутреннего строения уголовного судопроизводства.

Таким образом, можно констатировать, что современный российский уголовный процесс состоит из двух основных этапов (или фаз) — досудебного и судебного производств, которые, в свою

очередь, дробятся на отдельные стадии. Как было показано выше, такой подход к структуре уголовного судопроизводства поддерживается как учеными-процессуалистами, так и самим законодателем.

¹ См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. — СПб., 1996. — Т. 2. — С. 352.

² Там же.

³ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. — М., 1968. — С. 66.

⁴ Якимович Ю.К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства. — Томск, 1991. — С. 4.

⁵ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. — М., 1958. — С. 273.

⁶ Колбаша Г.Н. Соотношение предварительного следствия и судебного разбирательства. — М., 1975. — С. 6.

⁷ Гуськова А.П. Структурное построение УПК РФ на досудебное и судебное производство — новая процессуальная форма // Актуальные проблемы права России и стран СНГ: Материалы 6-й междунар. науч.-практ. конф. — Ч. 1. — Челябинск, 2004. — С. 114.

⁸ Там же. — С. 115.

⁹ См.: Дершиев Ю.В. Стадия возбуждения уголовного дела — реликт «социалистической законности» // Российская юстиция. — 2003. — № 8.

¹⁰ См.: Николжук В.В., Дершиев Ю.В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России. — Красноярск, 2003. — С. 84.

¹¹ См.: Концепция судебной реформы. — М., 1992. — С. 84.

ДОСЛЕДСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В АНГЛОСАКСОНСКОЙ МОДЕЛИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

К.М. Смагин

В современном мире все отчетливее выступает тенденция активного усиления интеграционных процессов, в том числе и в правовой сфере государственной жизни. Признание общеправовых принципов мировым сообществом на фоне поддержания отдельными государствами сближения различных правовых систем определяет современную правовую картину мира, многообразие и богатство которой — одно из ярких проявлений общей культуры человеческой цивилизации. В связи с этим особое внимание для совершенствования отечественных институтов уголовного судопроизводства приобретает учет зарубежного опыта развития права.

Уголовно-процессуальную деятельность, предшествующую предварительному слушанию или рассмотрению дела в суде, в англосаксонской правовой системе чаще всего ограничивают досудебным производством (полицейским расследованием) и применением мер процессуального принуждения. Некоторые авторы выделяют 7 этапов этой деятельности: 1) получение информации о преступлении и ее регистрация; 2) расследование, предшествующее аресту (предарестное расследование); 3) арест; 4) оформление ареста; 5) собирание данных после произведенного ареста; 6) принятие решения об обвинении и 7) представление дела в суд¹.

Существенной особенностью англосаксонского досудебного производства является отсутствие стадии возбуждения уголовного дела в современном понимании российского правоприменителя, а отсюда — и официального законодательного закрепления начального момента производства по конкретному уголовному делу. В связи с этим применительно к США ученые и практики чаще всего связывают начало производства по уголовному делу с моментом получения информации о преступлении и ее регистрации в полиции, выступающей основным органом уголовного преследования². Возбуждение уголовного дела «не является единовременным процессуальным актом, осуществляемым и оформляемым одним должностным лицом. Данная стадия процесса складывается из решений и действий нескольких должностных лиц и в отличие от российского законодательства не имеет столь детальной регламентации»³. Более того, английские и американские правоприменители не различают стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. «Для них они — не самостоятельные стадии процесса, а нечто единое и выполняемое в большинстве своем без соблюдения установленных законом четко формализованных правил (например, решение о начале производства не оформляется каким-то официальным актом; не составляются специальные процессуальные документы о принятии дела к своему производству, о предъявлении обвинения). Более того, на данном этапе производства по уголовным делам не проводится и различие между действиями, которые российские юристы привыкли называть оперативно-розыскными и следственными»⁴.

Необходимо признать, что зарубежное досудебное производство (особенно, где оно строится на англосаксонских правовых традициях) не ставит «берлинской стены» между сугубо процессуальными действиями и оперативно-розыскными мероприятиями, что, естественно, не совпадает с нашими представлениями об организационно-процедурном построении предварительного расследования преступлений.

Данный этап, обычно именуемый полицейским расследованием (*police enquire, police investigation*), выступает как важнейшая часть досудебного производства (но не поглощающая его) и включает в себя два относительно автономных, но взаимосвязанных вида уголовно-процессуальной деятельности: 1) получение доказательственной информации для раскрытия преступления и изобличения лица, его совершившего, и 2) применение в случае необходимости мер процессуального принуждения.

Вся совокупность действий, дозволенных английской полицией, допускается либо по судебному решению, либо по собственной инициативе и са-

мостоятельно должностными лицами, т.е. без обязательного разрешения суда. Закономерно, что увеличение удельного веса второй группы является характерной тенденцией развития современного уголовного процесса Англии. И это на том фоне, что английские полицейские, выступающие, скорее, сыщиками, чем должностными лицами уголовного преследования, руководствуются в своей повседневной деятельности не законами⁵, а, в основном, сводами практических правил, т.е. ведомственными актами, которые постоянно корректируются Министерством внутренних дел⁶.

Вместе с тем это можно объяснить тем, что основной целью выполняемых на первоначальном этапе досудебного производства действий полиции выступает прежде всего, отыскание признаков преступления в конкретном исследуемом событии, для чего широко задействуются все имеющиеся методы и способы оперативно-розыскной деятельности, которые, например, в США, жестко не регламентируются. В связи с этим уместно вспомнить и опыт подобной деятельности в рамках Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г., который избегал с точностью регламентировать действия полиции по производству дознания «для того именно, чтобы не стеснить полицию в этой деятельности, по существу своему требующей быстроты и целесообразности соответственно с видоизменяющимися обстоятельствами»⁷, а «успех доказывания обеспечивается всего более возможностью производить его быстро и безостановочно, поэтому установление разных формальных требований в этой стадии было бы не только бесполезно, но даже вредно для интересов уголовного правосудия»⁸.

Как представляется, начало уголовного преследования в странах с англосаксонскими правовыми традициями следует связывать с принятием мер уголовно-процессуального принуждения. Так, при наличии оснований для привлечения лица к уголовной ответственности американский полицейский (иной соответствующий чин) обращается в суд с заявлением о выдаче ордера на арест либо обыск жилого помещения. Издание ордера означает формальное возбуждение уголовного преследования, а сам ордер на арест или обыск выступает в качестве официального документа, фиксирующего начало официального производства по делу⁹.

Несмотря на широкие полномочия органов полицейского расследования, в странах англосаксонской модели уголовного процесса эффективно действует институт судебного контроля за соблюдением конституционных прав личности в уголовном процессе, который осуществляется путем судебной проверки действий полиции и санкционирования ряда принудительных мер¹⁰.

Как правило, полицейское расследование завершается представлением собранных материалов должностному лицу (в подавляющем большинстве случаев в Англии это работники упомянутой выше Королевской службы преследования, в США — атторнейской службы) для формулирования обвинения, решения вопроса о передаче дела в суд¹¹ и продолжении уголовного преследования (поддержании обвинения) в суде. При этом, в рамках отказа от уголовного преследования, не сопровождаемого никакими условиями, полиция вправе прекратить расследование в том случае, если преступление раскрыть не удалось (дело остается в полиции), что не требует принятия какого-либо специального решения о приостановлении (или прекращении) производства по делу (как, например, в России).

Как представляется, подобные исследования позволяют более взвешенно оценивать возможность интеграции мирового опыта в сфере уголовной юстиции в отечественное судопроизводство.

¹ См.: *Kamisar Y., LaFave W.R., Israel J.H. Modern Criminal Procedure: Cases, Comments and Questions. Seventh Edition.* — St. Paul, Minn, 1990.

² Отдельные ученые, более склонные к доктрине англо-американского процесса, как исключительно состязательного, крайне сужают сферу уголовного процесса, связывая его наступление лишь с судебным производством. Есть и менее радикальные позиции, связывающие начало

уголовного процесса с арестом лица, началом фактического уголовного преследования и т.п. См.: *Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филлимонов В.А. Уголовный процесс западных государств.* — М., 2001. — С. 161, 212.

³ *Пешков М.А. Особенности возбуждения уголовного дела в уголовном процессе США // Следователь.* — 1997. — № 2. — С. 77; *он же. Функции суда, прокурора и полиции при производстве арестов и обысков в уголовном процессе США // Гос-во и право.* — 1998. — № 1. — С. 94.

⁴ *Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филлимонов В.А. Указ. соч.* — С. 45.

⁵ Основным правовым источником, регулирующим досудебную деятельность органов полиции Великобритании, *de jure* является Закон о полиции и уголовных доказательствах 1984 г., однако *de facto* полиция напрямую законами не пользуется. См.: *Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филлимонов В.А. Указ. соч.* — С. 99; *Романов А.К. Правовая система Англии.* — М., 2000.

⁶ См.: *Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филлимонов В.А. Указ. соч.* — С. 44, 100.

⁷ *Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства.* — СПб., 1996. — Т. 2. — С. 379-380.

⁸ Там же. — С. 385.

⁹ См.: *Власихин В.А. Служба обвинения в США: (Закон и политика).* — М., 1981. — С. 122.

¹⁰ См.: *Боботов О.С. О судебном контроле за следствием в зарубежных странах // Юридический консультант.* — 1999. — № 1 — С. 25.

¹¹ По данным английских исследователей, полиция прекращает обвинительную деятельность в отношении 26% взрослых и 24% несовершеннолетних, задержанных по подозрению в совершении преступления, т.е. практически каждый четвертый подозреваемый освобождается от уголовной ответственности. См.: *The Oxford Handbook of Criminology / Ed. by M. Maguire, R. Morgan and R. Reiner.* — Oxford, 1994. — P.794.

ОСОБЕННОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

А. В. Мищенко

Активное использование компьютерной техники во всех сферах деятельности нашего общества привело к появлению новых видов преступлений в сфере компьютерной информации, которые еще называют компьютерными. В преступлениях компьютер может выступать одновременно в качестве предмета и орудия совершения преступления.

С точки зрения уголовно-правовой охраны, под компьютерными преступлениями следует понимать предусмотренные уголовным законом общественно опасные действия, в которых машинная информация является объектом преступного посягательства. В качестве предмета или орудия преступления будут выступать машинная информация, компьютер, компьютерная система или компьютерная сеть.

Уголовная ответственность за совершение таких преступлений определяется Уголовным кодексом Российской Федерации (УК РФ) в соответствии со статьями главы 28 «Преступления в сфере компьютерной информации». Основные из них:

1. Неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272).
2. Создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ (ст. 273).
3. Нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети (ст. 274).

Статья 272 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, т.е. информации на машинном носителе, в электронно-вычислительной машине (ЭВМ), системе ЭВМ

или их сети, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование информации, нарушение работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети.

Статья 273 УК РФ предусматривает ответственность за создание программ для ЭВМ или внесение изменений в существующие программы, заведомо приводящих к несанкционированному уничтожению, блокированию, модификации либо копированию информации, нарушению работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети, а равно использование либо распространение таких программ или машинных носителей с такими программами.

Статья 274 УК РФ устанавливает ответственность за нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети лицом, имеющим доступ к ЭВМ, системе ЭВМ или их сети, повлекшее уничтожение, блокирование или модификацию охраняемой законом информации ЭВМ, если это деяние причинило существенный вред.

Отечественная криминалистическая наука в марте 1993 г. впервые попыталась дать определение компьютерного преступления на заседании постоянно действующего межведомственного семинара «Криминалистика и компьютерная преступность», организованного в рамках координационного бюро по криминалистике при НИИ проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры РФ и Экспертно-криминалистического центра МВД России. Согласно этому определению под компьютерным преступлением следует понимать «...предусмотренные уголовным законом общественно опасные действия, в которых машинная информация является либо средством, либо объектом преступного посягательства».

Законодательством России охраняется три вида информации, которые одновременно подлежат защите:

1) сведения, отнесенные к государственной тайне на основании ст. 5 закона РФ «О государственной тайне»;

2) сведения, отнесенные к служебной и коммерческой тайне в соответствии со ст. 139 Гражданского кодекса России;

3) сведения, имеющие статус персональных данных в соответствии со ст. 11 ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации».

Невозможно противоправно воспользоваться компьютерной информацией, не нарушив хотя бы одного из действий, перечисленных в ст. 20 ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации»: утечка, хищение, утрата, искажение, подделка, уничтожение, модификация, копирование, блокирование. Кроме того, есть ряд преступлений, при совершении которых может быть осуществлен неправомерный доступ к компьютерной информации, например, мошенничество (ст. 159 УК);

причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК) — при незаконном использовании логинов и паролей доступа в сеть «Интернет»; изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов (ст. 187 УК); незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну (ст. 183 УК) и др.

В связи с этим в российском законодательстве определилась следующая классификация компьютерных преступлений¹:

1. В сфере оборота компьютерной информации:

а) неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации (ст. 272 УК РФ);

б) операции с вредоносными программами для ЭВМ (ст. 273 УК РФ);

в) нарушение авторских и смежных прав в отношении программ для ЭВМ и баз данных, а также иных объектов авторского и смежного права, находящихся в виде документов на машинном носителе (ст. 146 УК РФ);

г) незаконное изготовление (в целях распространения или рекламирования), распространение, рекламирование порнографических материалов на машинных носителях, а равно незаконная торговля ими (ст. 242 УК РФ).

2. В сфере телекоммуникаций (ст. 138 УК РФ):

а) незаконное прослушивание телефонных переговоров и иных сообщений;

б) незаконный перехват и регистрация информации с технических каналов связи;

в) неправомерный контроль электронных почтовых сообщений и отправок.

3. В сфере информационного оборудования:

а) нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети (ст. 274 УК РФ);

б) незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации (чч. 2 и 3 ст. 138 УК РФ);

в) незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения (изменения, уничтожения) информации с технических средств ее создания, обработки, хранения и передачи (чч. 2 и 3 ст. 138 УК РФ);

г) незаконное изготовление в целях сбыта или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт (ст. 187 УК РФ);

д) нарушение авторских прав в отношении топологий интегральных микросхем (ст. 146 УК РФ).

4. В сфере защиты охраняемой законом информации:

а) незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, в том числе персо-

нальных данных — сведений о фактах, событиях и обстоятельствах жизни гражданина, позволяющих идентифицировать его личность (ст. 137 УК РФ);

б) разглашение охраняемой законом информации: государственной тайны (ст.ст. 276, 283 УК РФ); служебной тайны и профессиональной тайны (ст.ст. 155, 310, 311, 320 УК РФ);

в) незаконные собирание, разглашение или использование сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ);

г) незаконные экспорт или передача иностранной организации или ее представителю научно-технической информации, которая может быть использована при создании вооружения и военной техники и в отношении которой установлен экспортный контроль (ст. 189 УК РФ).

5. В сфере информационных правоотношений:

а) распространение заведомо ложной информации (ст.ст. 129, 182 УК РФ);

б) неправомерный отказ в предоставлении или уклонение от предоставления информации (ст.ст. 140, 185¹, 287 УК РФ);

в) сокрытие или искажение информации (ст.ст. 237, 198 УК РФ).

6. В сфере экономики и компьютерной информации:

а) мошенничество в сфере предоставления услуг электросвязи и доступа к информационным ресурсам сети ЭВМ «Интернет» (ст.ст. 165 и 272, 159 и 272, 200 УК РФ);

б) мошенничество в сфере электронного перевода денежных средств (ст. ст. 159, 165, 187, 272 и 273 УК РФ);

в) незаконная деятельность в сфере предоставления услуг электросвязи и доступа к информационным ресурсам сети ЭВМ «Интернет» (ст.ст. 171, 171¹, 173, 178 УК РФ);

г) иные преступления, совершенные в сфере экономики и компьютерной информации (ст.ст. 169, 175, 186, 194, 198, 199 УК РФ).

Российская статистика преступлений, совершаемых в сфере компьютерной информации, опубликованная в Интернет², ограничивается, к сожалению, только преступлениями, уголовная ответственность за которые определяется:

— ст. 272 (неправомерный доступ к компьютерной информации);

— ст. 273 (создание, использование, распространение вредоносных программ для ЭВМ);

— ст. 274 (нарушение правил эксплуатации ЭВМ, систем ЭВМ или их сетей);

— ст.ст. 159 и 272 (мошенничества, совершенные с использованием компьютерной информации);

— ст.ст. 165 и 272 (причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, совершенные с использованием компью-

терной информации — незаконное использование логинов и паролей доступа в сеть «Интернет»);

— ст.ст. 187, 159, ч.2 ст. 183 и ст. 272 (хищения, совершенные с использованием пластиковых карт и электронных реквизитов).

Главный информационный центр МВД России, публикуя свою статистику в Интернет³, ограничивается только указанием общего количества преступлений, совершенных в сфере компьютерной информации, не классифицируя ее по статьям УК.

Следует отметить, что выше приведенная классификация отличается от классификации компьютерных преступлений по кодификатору Международной уголовной полиции Генерального Секретариата Интерпола, который в 1991 г. был интегрирован в автоматизированную систему поиска и в настоящее время доступен подразделениям Национальных центральных бюро Интерпола более чем в 120 странах мира.

Все коды, характеризующие компьютерные преступления, имеют идентификатор, начинающийся с буквы Q. Для характеристики преступления могут использоваться до пяти кодов, расположенных в порядке убывания значимости совершенного.

В этой классификации выделяются следующие группы:

1. QA — Несанкционированный доступ и перехват:

— QAH — компьютерный абордаж (hacking — «хакинг»): доступ в компьютер или сеть без права на то. Этот вид компьютерных преступлений обычно используется преступниками для проникновения в чужие информационные сети;

— QAI — перехват (interception): перехват информации при помощи технических средств без права на то. Перехват информации осуществляется либо прямо через внешние коммуникационные каналы системы, либо путем непосредственного подключения к линиям периферийных устройств. К данному виду компьютерных преступлений также относится электромагнитный перехват (electromagnetic pickup). Современные технические средства позволяют получать информацию без непосредственного подключения к компьютерной системе: ее перехват осуществляется за счет излучения центрального процессора, дисплея, коммуникационных каналов, принтера и т.д. Все это можно осуществлять, находясь на достаточном удалении от объекта перехвата.

Для характеристики методов несанкционированного доступа и перехвата информации используется следующая специфическая терминология:

«Жучок» (bugging) — характеризует установку микрофона в компьютере с целью перехвата разговоров обслуживающего персонала;

«Откачивание данных» (data leakage) — отражает возможность сбора информации, необходи-

мой для получения основных данных, в частности о технологии ее прохождения в системе;

«Уборка мусора» (scavenging) — характеризует поиск данных, оставленных пользователем после работы на компьютере;

«За дураком» (piggybacking) — состоит в несанкционированном проникновении в пространственные (охраняемые помещения) либо в электронные (программные) закрытые зоны;

«За хвост» (between the lines entry) — заключается в несанкционированном негласном подключении к линии связи законного пользователя в момент его работы в сети и продолжение работы в ней по его идентификаторам после завершения им активного режима;

«Неспешный выбор» (browsing) — заключается в несанкционированном доступе к базам данных и файлам законного пользователя путем нахождения слабых мест в системе защиты с последующим использованием этого доступа по мере необходимости;

«Поиск бреши» (trapdoor entry) — используются ошибки или неудачи в логике построения программы. Обнаруженные бреши могут эксплуатироваться неоднократно;

«Люк» (trapdoor) — является развитием предыдущего алгоритма преступления. В найденной «бреши» программа «разрывается» и туда встраиваются определенные коды управляющих команд. По мере необходимости «люк» открывается, а встроенные команды автоматически обеспечивают несанкционированный доступ к данным;

«Маскарад» (masquerading). В этом случае злоумышленник с использованием необходимых средств проникает в компьютерную систему, выдавая себя за законного пользователя;

«Мистификация» (spoofing) — используется при случайном подключении «чужой» системы. Правонарушитель, формируя правдоподобные отклики, может поддерживать заблуждение ошибочно подключившегося пользователя в течение какого-то промежутка времени и получать некоторую полезную для него конфиденциальную информацию, например, коды доступа в сеть.

— QAl — кража времени: заключается в неоплате услуг доступа в систему или сеть.

— QAZ — прочие виды несанкционированного доступа и перехвата.

2. QD — Изменение компьютерных данных:

— QDL — логическая бомба (logic bomb): тайное встраивание в программу набора команд, который должен сработать лишь однажды, но при определенных условиях;

— QDT — троянский конь (trojan horse): тайное введение в чужую программу команд, позволяющих осуществлять иные, не планировавшиеся владельцем программы функции, но одновременно сохранять и прежнюю работоспособность;

троянская матрешка — автоматический конструктор для создания вредоносных программ для ЭВМ по заданному преступником алгоритму. После их создания и «привязки» к системному программному обеспечению первоначальная программа — конструктор самоуничтожается. Одновременно с этим запускается алгоритм построения собственно вредоносной программы. Циклы создания вредоносных программ могут повторяться многократно;

— QDV — компьютерный вирус (virus): изменение компьютерных данных или программ без права на то, путем внедрения или распространения компьютерного вируса. Компьютерный вирус — это специально написанная программа, которая может «приписать» себя к другим программам (т.е. «заражать» их), размножаться и порождать новые вирусы для выполнения различных нежелательных действий на компьютере;

--- QDW — компьютерный червь: саморазмножающийся и самораспространяющийся вирус, который специально создан для функционирования в сети ЭВМ. В отличие от обычного вируса, распространяемого в виде отдельного файла данных, эта вредоносная программа для ЭВМ хранит свои модули на нескольких компьютерах — рабочих станциях сети. При уничтожении одного или нескольких модулей на соответствующем числе рабочих станций, она автоматически воссоздает их после каждого подключения «вылеченного» компьютера к сети.

Червь, помимо своего оригинального алгоритма, может являться «средством передвижения» (распространения) обычных вирусов, троянских коней и матрешек, а также логических бомб;

— QDZ — прочие виды изменения данных.

3. QF — Компьютерное мошенничество (Computer fraud):

— QFC — мошенничество с банкоматами — компьютерные мошенничества, связанные с хищением наличных денег из банкоматов;

— QFF — компьютерные подделки: мошенничества и хищения из компьютерных систем путем создания поддельных устройств (пластиковых карт, сотовых «двойников» и пр.);

— QFG — мошенничества и хищения, связанные с игровыми автоматами;

— QFM — манипуляции с программами ввода-вывода: мошенничества и хищения посредством неверного ввода или вывода в компьютерные системы или из них путем манипуляции программами;

— QFP — компьютерные мошенничества и хищения, связанные с платежными средствами. К этому виду относятся самые распространенные компьютерные преступления, связанные с хищением денежных средств, которые составляют около 45% всех преступлений, связанных с использованием ЭВМ;

— QFT — телефонное мошенничество (фрикинг): доступ к телекоммуникационным услугам путем посягательства на протоколы и процедуры компьютеров, обслуживающих системы электросвязи;

— QFZ — прочие компьютерные мошенничества.

4. QR — Незаконное копирование («пиратство»):

— QRG/QRS — незаконное копирование, распространение или опубликование компьютерных игр и другого программного обеспечения, защищенного законом об авторском праве и смежных правах (контрафактной продукции);

— QRT — незаконное копирование топографии полупроводниковых изделий;

— QRZ — прочее незаконное копирование.

5. QS — Компьютерный саботаж:

— QSH — с использованием аппаратного обеспечения: ввод, изменение, стирание, подавление компьютерных данных или программ; вмешательство в работу компьютерных систем с намерением помешать функционированию компьютерной или телекоммуникационной системы;

— QSS — с программным обеспечением: стирание, повреждение, ухудшение или подавление компьютерных данных или программ без права на то.

— QSZ — прочие виды саботажа.

6. QZ — Прочие компьютерные преступления:

— QZB — использование электронных досок объявлений (BBS) для хранения, обмена и распространения материалов, имеющих отношение к преступной деятельности;

— QZE — хищение информации, составляющей коммерческую тайну: приобретение незаконными средствами или передача информации, представляющей коммерческую тайну, без права на то или другого законного обоснования с намерением причинить экономический ущерб или получить незаконные экономические преимущества;

— QZS — использование компьютерных систем или сетей для хранения, обмена, распространения или перемещения информации конфиденциального характера.

— QZZ — прочие компьютерные преступления.

Обращает внимание на себя тот факт, что подобная классификация является по своей сути криминалистической, так как в качестве основного классифицирующего признака используется способ совершения преступления. Такая классификация универсальна и не зависит от особенностей уголовно-правового законодательства конкретной страны. Кроме того, появление новых видов компьютерных преступлений обязательно найдет свое отражение в этой классификации, т. к. в ней предусмотрен для этого «резерв». Но, пожалуй, самым важным ее достоинством является то, что она позволяет получить сравнительную оценку уровня компьютерной преступности в разных странах.

¹ По материалам сайта www.cyberpol.ru

² По материалам сайта www.cyberpol.ru

³ По материалам сайта www.mvdiinform.ru

МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ПЛАТЕЖЕЙ

А. А. Пальянов

Прорыв, произошедший в области компьютерных технологий за последнее десятилетие, привел к значительным социальным изменениям. Появился новый вид общественных ресурсов — информационный, который существенно отличается от ранее известных.

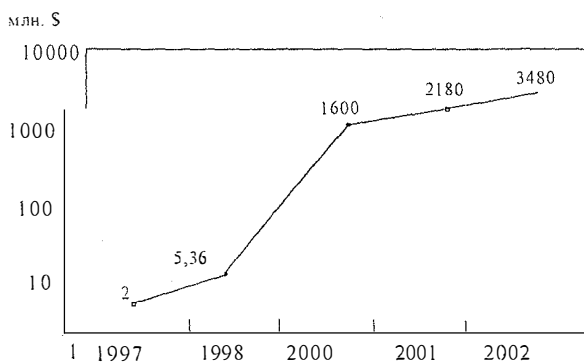
Создание глобальной сети Интернет сделало информацию более доступной. Кроме того, всемирная сеть стала не только огромным хранилищем информации и способом межличностного общения, но и областью новых экономических отношений.

Коммерческая деятельность в электронной сети снимает ряд физических ограничений, характерных для работы обычных предприятий торговли и сервиса. Компьютерные системы в Интернет могут оказывать услуги клиентам 24 часа в сутки семь дней в неделю. Заказы на продукцию могут приниматься из любого места планеты. Развитию электронной коммерции в немалой степени способствовало отсутствие таможенных ограничений. В 1996 г. специализированная комиссия ООН опубликовала «Акт о беспощинной электронной торговле и международном торговом праве». С 1998 г.

беспощинную электронную торговлю ведут страны Европейского Союза и США. В России электронная торговля находится в развитии и является перспективным направлением экономики. Об этом свидетельствует распоряжение правительства РФ от 10 июля 2001 г. № 910-р «О программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу», в котором говорится о том, что ключевым направлением государственной политики в области «новой экономики» до 2004 г. будет создание благоприятной для развития электронной торговли и информационных технологий правовой среды.

Однако новые экономические отношения привели к появлению новых форм преступлений. Мировая статистика показывает, что каждая четвертая попытка провести расчетную операцию через Интернет является мошеннической. Еще более угрожающими выглядят данные системы VISA, утверждающей, что 47% предъявления ее банковских карточек через Интернет оказываются мошенническими. Еженедельник Компьютера (№ 481) сообщил, что в начале февраля были похищены несколько миллионов номеров кредитных карт, из них 2,2 млн. карты MasterCard; 3,4 млн. — Visa; American Express и Discover Financial Services информацию не разглашают. Этот случай назван самым громким преступлением подобного рода, поскольку под угрозой оказался примерно один процент карточек MasterCard и Visa, выпущенных в США. По данным консалтинговой компании Meridien Research, в 2000 г. сумма похищенных через Интернет средств достигла 1,6 млрд. долл.

Больше всего от электронных краж пострадали Соединенные Штаты. По прогнозам этой же компании, если ситуация с безопасностью в электронной коммерции не поменяется кардинальным образом, в 2005 г. объем потерь будет составлять уже 15,5 млрд. долл.

Россия как часть мировой цивилизации, не осталась в стороне от компьютерных мошенничеств. Примером служит уголовное дело о хищении 125,5 тыс. долл. США и подготовке к хищению еще свыше 500 тыс. долл. во Внешэкономбанке

СССР в 1991 г., рассмотренное Московским судом. По материалам другого уголовного дела, в сентябре 1993 г. было совершено покушение на хищение денежных средств в особо крупных размерах из Главного расчетно-кассового центра Центрального банка России по г. Москве на сумму 68 млрд. 309 млн. 768 тыс. руб. Такие же факты имели место: в апреле 1994 г. из расчетно-кассового центра (РКЦ) г. Махачкалы, в московском филиале Инкомбанка и др.

Сложившаяся ситуация привела к созданию доктрины информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ 9 сентября 2000 г. № Пр-1895. В ней, в частности, говорится о необходимости разработки и внедрения национальных защищенных систем электронных платежей на базе интеллектуальных карт, систем электронных денег и электронной торговли, стандартизации этих систем, а также развития нормативной правовой базы, регламентирующей их использование.

Особенность компьютерных преступлений состоит в том, что после их совершения его жертва не выказывает особой заинтересованности в поимке преступника, а сам преступник, будучи пойман, всячески рекламирует свою деятельность в сфере компьютерного взлома, ничего не скрывая от представителей правоохранительных органов. Это явление вполне объяснимо. Во-первых, затраты жертвы компьютерного преступления на его раскрытие, включая потери, понесенные в результате утраты, например, банком своей репутации, существенно превосходят уже причиненный ущерб. А во-вторых, преступник, даже заработав максимальный срок лишения свободы (до двух лет, если не наступили тяжкие последствия, а чаще срок условный), приобретает широкую известность в деловых и криминальных кругах, что в дальнейшем позволяет ему с выгодой использовать приобретенные знания и умения.

Однако до сих пор в отечественной криминалистической науке еще не существует четкого определения понятия компьютерного преступления. Обсуждаются различные точки зрения по их классификации. России еще предстоит столкнуться со счетами «салями», которые превратились в настоящий бич зарубежных банковских компьютерных систем. В банковских системах ежедневно производятся тысячи операций, связанных с безналичными расчетами, переводами сумм, отчислениями и т. д.

При обработке счетов используются целые единицы (рубли, центы), а при исчислении процентов нередко получаются дробные суммы. Обычно величины, превышающие половину рубля (цента), округляются до целого рубля (цента), а величины менее половины рубля (цента) просто отбрасываются. Эти несущественные величины не удаляются, а постепенно накапливаются на некоем специальном счете «салями».

Как свидетельствует практика, сумма, составленная буквально из ничего, за пару лет эксплуатации специальной программы в среднем по банку может исчисляться десятками тысяч долларов. Счета «салями» достаточно трудно распознаются, если злоумышленник не начинает накапливать на одном счете большие суммы.

Развитие компьютерных технологий должно определить развитие соответствующего законодательства и требуемых мер защиты. Существующий и быстро развивающийся электронный рынок для его нормального функционирования должен быть обеспечен необходимым уровнем его правовой защиты и безопасности.

ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ АДМИНИСТРАТИВНОЙ И ОПЕРАТИВНО- РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОКАЗЫВАНИИ

Ю. В. Деряшев, О. А. Волторнист

Розыскная (сыскная) полицейская деятельность сопровождала (обеспечивала) правосудие во все времена, и проблема использования ее результатов в уголовно-процессуальном доказывании также «стара как мир»¹. Вместе с тем в условиях не ослабевающей криминализации общества, когда значительное число преступлений совершается в условиях неочевидности, для чего преступность использует изощренные способы и средства противоправного поведения, необходимы адекватные шаги со стороны государства, его правоохранительной системы. Еще более становится очевидным, что при исследовании обстоятельств совершенного преступления нельзя ограничиваться исключительно уголовно-процессуальными возможностями, необходимо эффективно сочетать их с потенциалом оперативно-розыскной и административной деятельности.

Как представляется, нормой общего дозволения для использования результатов данных видов полицейской деятельности в уголовно-процессуальном доказывании является положение ч. 1 ст. 74 УПК, согласно которому доказательствами по уголовному делу служат *любые сведения*. При этом методологически важно эти сведения «поместить» в один из источников, предложенных ч. 2 ст. 74 УПК РФ (показания необходимых лиц, заключения эксперта и специалиста, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий, иные документы). Другими словами, следователь (иной установленный законом субъект доказывания) *формирует* из полученных сведений доказательства путем их уголовно-процессуального закрепления. Нормативная основа возможности использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности заложена в ст. 89 УПК

РФ, а согласно ст. 11 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» результаты ОРД могут быть использованы в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств. Как механизм реализации этих норм действует специальный ведомственный нормативно-правовой акт — межведомственная Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд (далее — Инструкция)².

Вместе с тем, исходя из системного анализа ст. 89 УПК РФ и ст. 11 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», представляется, что законодатель оказался непоследовательным в изложении своей позиции относительно возможности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании. Так, статья 11 указанного Федерального закона предусматривает, что результаты оперативно-розыскной деятельности *могут быть использованы* для подготовки следственных и судебных действий, служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела и использоваться в доказывании по уголовным делам при соблюдении определенных условий, предусмотренных УПК РФ. В свою очередь, конструкция ст. 89 УПК РФ построена таким образом, что при ее ознакомлении возникает ощущение «неприятности» законодателя к использованию результатов ОРД. Норма напрямую *запрещает* их использование, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам. Как верно отмечает В.И. Рохлин, в уголовно-процессуальном законе «априори» закрепляется недоверие к результатам деятельности, которая признана законом государственной

и основывается на тех же принципах, что и уголовно-процессуальная деятельность³.

Семантически «результат» — это «конечный итог, завершающий собой что-либо»⁴. Очевидно, что результаты оперативно-розыскной и административной деятельности должны иметь материальное воплощение путем отражения в служебных документах или на различных физических носителях.

Не подвергая сомнению и не оспаривая тот факт, что результаты административной деятельности, наряду с оперативно-розыскной, активно используются в уголовном процессе, необходимо отметить, что данное положение не нашло своего отражения ни в УПК РФ, ни в иных ведомственных актах. Таким образом, следует констатировать отсутствие нормативного регулирования и механизма использования результатов административной (но не оперативно-розыскной) деятельности.

Вместе с тем административная и оперативно-розыскная деятельности имеют сходную правовую природу. Более того, опираясь на общую теорию права, можно утверждать, что оперативно-розыскная деятельность должна рассматриваться как часть административной деятельности, урегулированная в связи со своей специфичностью (возможностью носить негласный характер) в отдельном отраслевом законе, хотя нельзя не отметить, что цели и задачи указанных видов деятельности трактуются не совсем тождественно с уклоном на «криминальную» направленность ОРД. Так, в соответствии со ст. 2 КоАП РФ задачи административной деятельности сконцентрированы на защите личных прав и свобод граждан, общественной нравственности, установленного порядка государственной власти, общественного порядка и общественной безопасности, собственности, а также законных экономических интересов юридических лиц, общества и государства. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (ст. 1) определил цель одноименной деятельности как защиту жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от *преступных посягательств*. Иначе говоря, «оперативно-розыскная деятельность является одной из правоохранительных функций государства по борьбе с преступностью, то есть направлением правового воздействия на общественные отношения, возникающие в связи с преступлением»⁵.

В ходе оперативно-розыскной деятельности могут быть получены сведения как *гласного*, так и *негласного* характера, т.е. с использованием открытых источников (например, опрос граждан, оказавшихся на месте происшествия) либо путем проведения негласных мероприятий (получение информации от конфиденциального источника). Обычно первая группа сведений, полученных как в ходе административной, так и оперативно-розыскной де-

ятельности, вовлекается в уголовный процесс без излишних сложностей. Причем в качестве основного источника доказательств используются «иные документы». В связи с этим представляется, что *механизм использования результатов административной деятельности должен быть идентичен порядку и условиям использования результатов гласной оперативно-розыскной деятельности*.

Трудности возникают при необходимости вовлечения в уголовный процесс результатов негласной оперативно-розыскной деятельности. В соответствии со ст. 87 УПК РФ доказательства по уголовному делу подлежат проверке, которая производится путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также *установления их источников*. Между тем сведения об использованных при проведении негласных оперативно-розыскных мероприятиях силах, средствах, источниках, методах, планах и результатах оперативно-розыскной деятельности составляют государственную тайну. Теоретически такого рода результаты могут быть использованы в доказывании. Такую возможность предусматривает и Инструкция, в п. 9 которой говорится о том, что перед представлением материалов следователю эти сведения либо подлежат рассекречиванию на основании мотивированного постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, либо представляются в соответствии с Законом РФ «О государственной тайне». Иного способа использования негласной информации, полученной в результате оперативно-розыскной деятельности, скорее всего, не существует. Таким образом, использование результатов оперативно-розыскной деятельности без указания источника сопряжено с риском признания сформированных на их основе доказательств *недопустимыми*.

Полагаем, изложенные выводы по поводу возможности (а точнее, невозможности) использования информации, полученной негласным путем (из конфиденциальных источников), еще более подтверждают идентичность путей проникновения в уголовный процесс результатов административной и гласной оперативно-розыскной деятельности.

По мнению С.А. Шейфера, действующим законодательством предусмотрены две основные формы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. Это, во-первых, использование таких результатов для подготовки и осуществления следственных и судебных действий (ч. 1 ст. 11 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»), во-вторых, представление соответствующими органами данных (информации), полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности, об обстоятельствах, подлежащих установлению по делу и используемых для формирования доказательств⁶.

В соответствии с ч. 1 ст. 86 УПК РФ доказательства собираются только путем проведения следственных и иных процессуальных действий, т.е. строго регламентированных уголовно-процессуальным законом. При этом указанная норма предусматривает возможность собирания доказательств путем их представления. Именно такой путь превращения результатов оперативно-розыскной деятельности в доказательства предлагает С.А. Шейфер, полагающий, что если доказательства — это фактические данные, полученные законным способом, то превращение результатов оперативно-розыскной деятельности в доказательства возможно путем представления оперативных материалов следователю от широкого круга лиц⁷. Наиболее «открытыми» для оформления результатов оперативно-розыскной деятельности остаются такие источники доказательств, как *иные документы и вещественные доказательства*. Так, результаты гласной деятельности, зафиксированные в соответствующих протоколах (например, в протоколе изъятия), могут войти в уголовный процесс посредством такого вида доказательств, как «иные документы». Видеозапись, в свою очередь, может стать основой для формирования вещественного доказательства при соблюдении необходимых требований (должна быть официально представлена органом, уполномоченным на ведение оперативно-розыскной деятельности, с соответствующим сопроводительным документом, в котором должны содержаться сведения о происхождении видеозаписи). При этом в ходе оперативно-розыскной деятельности получают лишь сведения, которые фиксируются на видеоноситель (например, видеозапись о действиях преступников), а вещественное доказательство формируется в результате «процессуальной обработки» при осмотре видеозаписи и путем признания ее доказательством данного вида.

В заключение отметим, что использование в доказывании результатов административной и оперативно-розыскной деятельности может существенно помочь полному и адекватному установлению фактических обстоятельств преступления и совершивших его лиц, способствовать усилению борьбы с наиболее опасными преступлениями. По истине, уголовный процесс без оперативно-розыскной деятельности в большинстве случаев бессилён, а оперативно-розыскная деятельность без выхода через уголовный процесс — бесплодна⁸.

¹ Хотя следует признать, что во многом и в первую очередь, что касается использования гласных результатов полицейской деятельности, данные вопросы искусственно представляются проблемными.

² См.: *Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти*. — 1998. — № 23.

³ См.: *Рохлин В.И.* Оперативно-розыскная деятельность и уголовное судопроизводство // *Законность*. — 2004. — № 9.

⁴ *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. — Екатеринбург, 1994. — С. 587.

⁵ *Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»* / Авт.-сост. А.Ю. Шумилов. — М., 2001.

⁶ См.: *Корневский Ю.В., Токарева М.Е.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. — М., 2000. — С. 5.

⁷ См.: *Шейфер С.А.* Доказательственные аспекты закона об оперативно-розыскной деятельности // *Гос-во и право*. — 1991. — № 1. — С. 98.

⁸ Данный тезис впервые обозначил проф. В.Т. Тomin и используется многими авторами. См., напр.: *Поляков М.П., Попов А.П., Попов Н.М.* Уголовно-процессуальное использование результатов оперативно-розыскной деятельности. — Пятигорск, 1998. — С. 9. Д.И. Бедняков определяет эту взаимосвязь еще радикальнее: «Процессуальная деятельность без применения непроцессуальных методов была бы невозможной, а непроцессуальная деятельность без последующего использования ее результатов — бессильной». (*Бедняков Д.И.* Непроцессуальная информация и расследование преступлений. — М., 1991. — С. 80).

Судебная психиатрия

ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ОЛИГОФРЕНОВ

Д. В. Четвериков, Г. М. Усов

Под *олигофренией* понимают различные формы интеллектуальной недостаточности личности. Причины олигофрении разнообразны, однако основной следует назвать различные повреждающие факторы, влияющие на плод в период внутриутробного развития, прежде всего — алкоголизм родителей. Среди маргинальных слоев населения, ведущих антисоциальный образ жизни, олигофрены встречаются намного чаще, чем в популяции в целом. Выделяют ряд вариантов олигофрении, среди которых основное значение придается *дебильности* как наименее тяжелой форме болезни. Лица, страдающие дебильностью, обычно склонны к различным формам противоправного поведения.

С самого начала развития научной судебной психиатрии олигофрению включали в число основных психических заболеваний, приводящих к общественно опасным действиям. Число олигофренов среди невменяемых колеблется от 8 до 16%. На первых этапах изучения олигофрении в судебно-психиатрическом аспекте главенствующее значение придавалось определению глубины интеллектуальной недостаточности. На основе такого подхода были разработаны принципы судебно-психиатрической оценки, согласно которым невменяемыми признавались лица со слабоумием в степени выраженной дебильности и ниже. Современные исследователи сосредоточили свое внимание на пограничных (между вментаемостью и невментаемостью) состояниях, при которых решение вопроса об экскульпации зависит не столько от глубины собственно интеллектуального дефекта, сколько от осложненности этого основного феномена эмоционально-волевыми расстройствами, психотическими эпизодами. При олигофрении преобладают кражи (53%), правонарушения против жизни и здоровья граждан (30%), хулиганские действия (15%).

С этих же клинических позиций в судебной психиатрии трактуются вопросы социальной адапта-

ции, дезадаптации и общественной опасности больных олигофренией. Наряду со степенью интеллектуального недоразвития определенное значение придается эмоционально-волевым нарушениям, в разных сочетаниях с которыми образуются основные синдромы дебильности, в том числе и сопровождающиеся общественной опасностью. Наиболее криминогенным является психопатоподобный тип дебильности, при котором, однако, почти все испытываемые признаются вменяемыми. Другие олигофрены, которые, наряду со значительным интеллектуальным недоразвитием, обнаруживают двигательную расторможенность, развязность, дурашливость, что в значительной мере и определяет их социальную опасность, обычно признаются невменяемыми.

Основным стереотипом совершения общественно опасных действий (ООД), которые наблюдаются при антисоциальном поведении олигофренов, являются ситуационно-спровоцированные ООД. Данный феномен наблюдался нами в ходе судебно-психиатрических экспертиз, проведенных в течение последних 5 лет. Обобщенные данные представлены ниже.

Интеллектуальный дефицит не был непосредственной причиной ООД, а играл роль своего рода предрасположения, которое реализовывалось лишь в определенных условиях. Побуждение к ООД исходит из ситуации, возникающей объективно, независимо от желаний больного, или косвенно, обусловленной его нарушенным поведением. В аналогичных условиях у психически здорового человека обычно возникают такие же побуждения, однако способность к критической оценке ситуации, своего поведения, к прогнозированию дальнейшего хода событий, сохранность интеллекта, волевой сферы и сдерживающих механизмов позволяют ему избежать поступков, которые могли бы иметь неблагоприятные последствия и, в частности, представлять опасность для общества. Имеющаяся пси-

хическая неполноценность в таких случаях делает больного неспособным противостоять тем или иным импульсам извне среды и, следовательно, уязвимым в отношении определенных ситуаций. Если такой больной случайно или в результате целенаправленных действий окружающих (психиатрической службы) не встречается с провоцирующим фактором, последний исключен из среды обитания больного, он может никогда не совершить ООД. Если же пациент постоянно сталкивается с ситуацией, включающей в себя провоцирующий момент, он может совершать опасные действия систематически, что создает несоответствующее действительности впечатление о его чрезвычайной опасности и высокой антисоциальной активности.

Все это позволяет высказать мнение о том, что, во-первых, общественная опасность такого рода может быть эффективно предупреждена, а, во-вторых, профилактические меры должны носить в таких случаях, главным образом, социальный характер с направленностью на изменение среды и условий, в которых находится больной. Очевидно, именно такого рода больные известны тем, что безукоризненно ведут себя в течение сколько угодно длительного пребывания в стационаре, производят впечатление психически сохранных и не нуждающихся в интернировании, но по выписке, вновь столкнувшись с провоцирующими обстоятельствами, немедленно совершают антисоциальные и опасные действия. Наиболее распространенным вариантом ситуационно спровоцированных ООД являются деликты, связанные с эмоциональной бесконтрольностью олигофренов. Наиболее часто при этом мы имеем дело с повышенной возбудимостью в сочетании с выраженными негативными расстройствами, делающими больного неспособным отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими. Наряду с возбудимостью и несдержанностью больные могут руководствоваться в своих поступках и другими эмоциями: жалостью, состраданием, своеобразной добротой, стремлением во что бы то ни стало оказать помощь кому-то из окружающих, что, однако, значительно реже приводит к действиям криминального характера. Деликты такого рода совершаются обычно в ситуации конфликта и являются агрессивным выражением негативных эмоций. В зависимости от формы, направленности и выраженности агрессии ООД приобретают неодинаковое конкретное содержание и квалифицируются по разным статьям Уголовного кодекса — от убийства и нанесения телесных повреждений до хулиганства и оскорбления личности. Существенно облегчает реализацию таких действий алкогольное опьянение, в силу чего недопущение пьянства таких больных является одной из эффективных профилактических мер. Количество повторных ООД достигает 41,4%.

Опасные действия, совершенные в связи с интеллектуальной несостоятельностью в определенной ситуации, требуют разумной оценки обстоятельств и принятия логичного решения. Больные, казалось бы, не представляющие опасности, не склонные к конфликтам и каким-либо антисоциальным действиям, хорошо адаптированные к обычным жизненным обстоятельствам, оказавшись в усложненной обстановке, перед задачами, выходящими из круга повседневных забот, не могут самостоятельно найти оптимальный выход из положения и предпринимают действия, представляющие общественную опасность. В качестве примера можно привести ситуацию, когда слабоумный больной, желая согреться во время ненастной погоды, развел костер внутри помещения, что послужило причиной пожара. Очевидно, что поступки такого рода связаны с неспособностью охватить ситуацию в целом, предвидеть не только прямые, но и побочные последствия своих действий, прогнозировать развитие событий.

Нередко олигофрены, совершающие ООД в связи с повышенной внушаемостью и подчиняемостью, также обнаруживают общественную опасность лишь в определенной ситуации. Для реализации ООД в данном случае необходима инициатива, исходящая от окружения больного. Характер ООД зависит здесь от намерений и склонностей лиц, имеющих на него влияние. Сам пациент выступает как один из членов группы, инициативой которой полностью определяется ООД. Нередко в таких случаях заранее формируется определенный замысел, деликт обдумывается и планируется, принимаются меры предосторожности, само деяние носит групповой характер. В этом отношении рассматриваемый вариант обладает некоторыми признаками, характерными для инициативных правонарушений. По характеру ООД могут быть различными, хотя чаще совершаются корыстные правонарушения и хулиганские действия.

Характерна для этого варианта склонность к повторным ООД, которая, однако, имеет здесь определенные особенности, обусловленные тем, что повторение опасных действий связано не с характером психопатологического расстройства, а с антисоциальной направленностью окружения олигофрена. От психопатологической структуры состояния зависит лишь готовность воспринять это дурное влияние и подчиниться ему. Прекращение опасного поведения некоторых больных связано именно с изменением микросоциальной среды и появлением лидера с положительными социальными установками. В этой группе преобладают состояния со слабостью волевого компонента, астенией.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что общественно опасные действия, совершаемые олигофренами, обычно носят характер ситуационно-спровоцированных действий, возникающих из-за неспособности гражданина к адекватному анали-

зу и дефициту прогнозирования ситуации. Учитывая высокий уровень алкоголизации населения и рост числа олигофренов в популяции, мы можем прогнозировать увеличение количества подобных

деликтов. К основным профилактическим мероприятиям данной группы ООД следует отнести достаточный социальный контроль за лицами с различной степенью интеллектуальной несостоятельности.

СЕМИОЛОГИЯ СУБКУЛЬТУРЫ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ГЕРОИНА

Д. В. Четвериков

Современное общество характеризуется кризисными явлениями во многих сферах общественной жизни. Трудные социально-экономические условия в России в значительной мере осложняют реальность. Происходят резкая смена привычных стереотипов, дестабилизация финансового положения и ситуации на рынке труда, что способствует потере чувства безопасности у значительной части населения. Возникает реальная проблема страха перед действительностью, что порождает стремление уйти от реальности. В большей степени этому страху подвержены люди с низкой переносимостью трудностей и низкими адаптационными способностями. В поисках средств защиты от перманентной фрустрации такие люди часто прибегают к стратегиям аддиктивного (зависимого) поведения, прежде всего — к злоупотреблению алкоголем и наркотиками. Среди потребителей психоактивных веществ (ПАВ) увеличивается доля лиц молодого возраста, меняются традиционные способы приема, шире используются самодельные препараты. Молодежный наркотизм получил социальное содержание и стал реальной угрозой национальной безопасности страны.

Развитие данного феномена возможно в условиях аддиктивной субкультуры — части популяции, идентифицирующим признаком которой является аддиктивное поведение ее представителей. С целью изучения данного социально-психологического феномена мы опросили 508 лиц, принимающих героин и обратившихся за медицинской помощью в Омскую областную психиатрическую больницу. В ходе интервьюирования респондентов и изучения их лексической продукции мы установили, что данная социальная группа характеризуется специфическими семиологическими признаками, о которых речь пойдет ниже.

Семиологическая специфика представлена диалектом (сленгом), фольклором и внешним рисунком поведения. Дифференциация общества сопровождается спецификацией знаковых явлений поведения — экстра- и интравербальной активности, мимики, жестов, стиля поведения. В процессе

развития каждая более или менее автономная социальная (профессиональная, функциональная, групповая) структура создает свой язык. К основным социально-лингвистическим факторам этого относят деноминацию — необходимость точного названия объекта или явления, стилистику — потребность в экспрессивно окрашенной, образной, сжатой, экономичной речи и ритуализацию — желание отгородиться от непосвященных, претензия на автономность группы. Патологический опыт длительной наркотизации создает у аддиктов большое количество ощущений и эмоций, не имеющих знакового представления в языке или представленных в нем недостаточно. Это обстоятельство заставляет их прибегать к созданию неологизмов, употреблению общеязыковых знаков в новом значении, а также к усвоению и использованию жаргонизмов. Под влиянием изменений в ощущениях (вызванных употреблением наркотиков) изменяется и знаково-смысловая сфера аддиктов (как понятийный, так и личностно-смысловой ее аспекты).

Современная филология рассматривает различные жаргоны как «социальные диалекты», возникающие в процессе исторического развития общества, его социальной дифференциации, которая, в свою очередь, сопровождается социальной (функциональной, профессиональной, групповой) дифференциацией речи и языка. Существует ряд факторов, обуславливающих создание новых речевых и языковых (лексических) единиц и их взаимодействие между собой в рамках того или иного жаргона. К таким факторам относятся: деноминативный фактор — необходимость назвать, точно обозначить или охарактеризовать новый объект (или новое действие); стилистический фактор — потребность в экспрессивно окрашенной, образной и одновременно — «экономичной», сжатой, «оперативной» речи; наконец, ритуально- или защитно-функциональный фактор, когда некая микрогруппа (или совокупность таких социальных образований разного «масштаба», развивающихся в пределах автономной социальной инфраструктуры) создает свой «язык», исходя из стремления выделиться, обосо-

биться, придать своей речи магическое значение или сделать ее «закрытой», непонятной для «непосвященных» обывателей или представителей официальных, прежде всего правоохранительных структур.

Применение сленга аддиктивными личностями имеет различное социально-психологическое, культурологическое, лингвистическое (лексическое, семантическое, стилистическое, коммуникативное) значение. Выделено несколько особых функций «языка» потребителей различных ПАВ, которые условно называют следующим образом: стратифицирующая (социально-отграничивающая, социально-знаковая), псевдоэстетическая (социально-психологическая или защитно-компенсаторная), символическая (деноминативно-знаковая); утилитарная (деноминативно-экспрессивная). Аддиктивный сленг может быть рассмотрен с деноминативных, стилистических, стратификационных, ритуальных и коммуникативных позиций.

1. Аддиктивная деноминация — обозначение понятий, применяемых в процессе аддиктивной реализации. Деноминируются ПАВ и прекурсоры (*ханка, черняшка, стекло, гера, барбитура, кислый, шмаль, план*), процесс приготовления и применения (*сварить, вмазаться, ишрануться, накуриться*), психологические эффекты наркотического опьянения (*поправиться, уделаться, отъехать, прет, колбасит, глюки, приход, тяга*), абстиненция (*ломка, кумар*), наркоманические атрибуты (*машина, гараж, жало*), последствия наркотизации (*опуститься, гниет печень, сохнут мозги*).

2. Аддиктивная стилистика — выражение психомодифицирующих эффектов наркотиков. Седативный характер героинового опьянения нашел отражение в сленге: после приема препарата наступал *приход* — по телу *протекала теплая волна*, она *разливалась* от ног до *кончиков волос*, опьяневший *зависал*, состояние *тяги* или *волокуши* требовало уединения, при нарушении которого *кайф ломался*. Данная специфика формировала экстравербальное и невербальное поведение — речь аддиктов, привыкших находиться в состоянии опьянения, была растянутой, с повторами фраз и стереотипизацией фразеологических оборотов. Помимо этого, для аддиктивной стилистики характерно широкое применение ненормативной лексики с целью придания ей большей экспрессивности и убедительности. Кроме частной материально-прагматической мотивировки — обеспечения себе условий для добычи наркотиков путем вовлечения новых членов в наркогруппу, на наш взгляд, имеет место и более общая, не всегда осознаваемая мотивация к экспансии, расширению своих рядов, созданию сети соратников и сподвижников (можно провести аналогию с явлением спаивания алкоголиками своих жен и детей). Такая наркофиль-

ная сеть выступает как социальная поддерживающая псевдоадаптивная сеть, играющая роль значимого личностно-средового ресурса. В ней аддикт стремится получить поведенческую и эмоциональную поддержку, понимание, эмпатию, реализует потребность в аффилиации.

3. Аддиктивная стратификация — отражение претензий группы на автономность, аффилиацию, разделение общества на «своих» и «чужих». Широкое употребление специфического жаргона алкоголиками и бытовыми пьяницами свидетельствует об их принадлежности к определенной «нижней» страте общества — социальной и культурной прослойке, группе. Жаргонная речь, реализуя свою стратифицирующую функцию, ясно указывает на невысокий социальный, культурный, интеллектуальный уровень пользующихся ею: она наблюдается у лиц низкоквалифицированных профессий, свойственна недостаточно развитым, более или менее примитивным, аморфным, аструктурным личностям. В наших наблюдениях выявлялись общая обедненность, скудность речи в плане ее лексической развитости, синтаксиса, построения фраз, фразеологического запаса. При этом постоянно наблюдалось включение «нецензурных» слов и оборотов — для придания своим словам большей экспрессии, «убедительности». Ненормативная лексика используется также для заполнения речевых пробелов; одновременно выступает стереотипность и клишированность употребляемых слов, словесных оборотов, фраз («словесных формул»). В то же время этот сленг исполняет другую важную психологическую роль — знака принадлежности говорящего к «своим», к тем, для которых алкоголь составляет значимую личностную и коммуникативную ценность, существенно мотивирует поведение, определяет многие его формы. Преобладание в речи сленга говорит о социальном выборе, самоопределении индивидуума, его аутоидентификации в рамках «алкоголефильного» сообщества. Алкогольная жаргонная терминология общепонятна, по-своему ярка, но лексически плоска и примитивна, относясь к просторечиям, вульгаризмам: *дерябнуть, остограммитесь, поежиться, хлопнуть, дернуть, принять, вмазать, раздавить по маленькой* (выпить); *насандалиться, накуряться, нагрузиться, нализаться, напузыриться, наберляться* (напиться); *беленькая, родня* (о водке); *бормотуха, краска, уксус, чернила* (о плохом вине).

Стратифицирующая социально-знаковая роль аддиктивного сленга нередко заключается в том, что его применение сигнализирует о принадлежности лиц, его употребляющих, к криминальной прослойке. В этих случаях алкогольная (наркоманическая) лексика является частью более общего уголовного, «блатного» жаргона («фени»), который свойственен, прежде всего, обитателям мест

лишения свободы. Такое «алкогольно-воровское» аргю употребляется не только в местах заключения, но и в закрытых и полужакрытых специальных учреждениях для лечения наркологических больных. Антисоциальные корни наркомании, ее прочная взаимосвязь с негативными институтами социализации (тюрьма, «зона», более или менее структурированные подпольные наркогруппировки) привносят в наркоманический сленг общие с уголовным миром термины: *пахан* — главарь, *шестерка* — исполнитель, *шустрила* — добытчик наркотиков, *долг* — денежные сборы, *зверек* — наркоделец, *гонец* — перевозчик наркотиков и т.д.

Стратификация начинается с *понимания* — т. е. охвата неопитом всей гаммы ощущений, представляемых наркотиком. Социально-знаковая роль сленга заключается в том, что его применение сигнализирует о принадлежности лиц, его применяющих, к криминальной прослойке — «феня», «арго». Другая его роль — поиск референтных объектов в незнакомой среде. Антисоциальные корни героиневой аддикции, ее связь с негативными институтами социализации (тюрьма, колония, более или менее структурированные наркогруппировки) привносит в наркоманический сленг общие с уголовным миром термины: *пахан*, *вор*, *шестерка*, *зверек*, *гонец*, *тертила*. Стратификация определяет обструкцию непосвященных (*лоха* можно *развести* на деньги, *залечить*) и негативное отношение к сотрудникам правоохранительных органов.

4. Аддиктивная ритуализация — акцент ритуальной окраски приготовления и приема наркотиков, определенное проявление аддиктивной экспансии. Социально-психологическое значение ритуализации заключается в стремлении придать своей речи красочное и малопонятное для других звучание, подчеркнуть свою принадлежность к определенной «касте», вызвать восхищение и зависть, продемонстрировать наркоманический эстетизм. Поведение наркоманов, в рамках которого действуют компенсаторные механизмы, определяет форму их предъявления себя в ситуациях общения, в том числе и через жаргон, позволяющий им самоутверждаться и одновременно — самооправдываться (формирование псевдоадаптивной позитивной «Я-концепции»). Традиционные и постоянно появляющиеся новые сленговые термины, часто не имеющие общих корней с общебытовыми русскими словами, являются как бы вторым «тайным» и ярким языком наркоманов: *коктейль*, *«Джеф»*, *марцефаль*, *раскумар*, *мурцовка*, *труханец*, *таска*, *винт*, *ширка*, *ханка*, *кокнар*, *план*, *ширево*, *торч*, *мулька*, *кислота*, *терьяк* и т.п.

Наблюдение за больными показывает, что при наличии «зрителей», даже далеких от проблем наркомании, в их речи значительно увеличивается количество сленговых терминов. В эти моменты для

них характерно смакование деталей процесса наркотизации, привнесение в его описание элементов таинственности и даже «магичности» и мистицизма, более того — декларирование особой «философии наркотизма». В подавляющем числе случаев подобная демонстрация коррелирует со специфическими для аддикции расстройствами личности. На наш взгляд, здесь наблюдается типичный вариант психологической защиты личности, ведущей контрнормативный образ жизни. Поведение наших респондентов менялось, если врач в процессе беседы преднамеренно показывал свое незнание в вопросах наркомании. В других ситуациях, при когнитивно-агрессивной позиции терапевта, когда он показывал повышенную осведомленность о жизни аддиктов, элементы ритуализации дезактуализировались, и между врачом и респондентом устанавливался конструктивный диалог. Аддиктивная ритуализация находит отражение в некоторых литературных произведениях оккультно-философского характера (В.О. Пелевин, Карлос Кастанеда).

5. Аддиктивная коммуникация — общение между аддиктами. Использование в повседневной речи специфического сленга отражает аддиктивную аффилиацию — стремление человека быть в обществе принимающих его других людей упрощает общение, способствует более точному распознаванию информации, необходимой для основной социальной активности аддикта — поиска наркотических средств. В социальных отношениях респондент вынужден общаться не только в своей среде, но и с родителями, милиционерами, сотрудниками, однокурсниками. При более тесном и длительном общении с ними возникало явление трансляции аддиктивного диалекта: мамы наших респондентов часто прекрасно ориентировались и успешно пользовались сленгом. Конструктивный диалог с аддиктом на этапе формирования раппорта возможен только с позиций аддиктивной коммуникации.

Постоянно переживая те или иные интрацептивные ощущения, человек осваивает их, учится их произвольной регуляции, связывая их между собой по сходству, локализации, сопряженности с определенным жизненным опытом и т.п., различает их по силе, эмоциональной окраске, новизне, желательности. Он усваивает знако-символические средства языка для обозначения и выражения внутреннего опыта, обучается вербализовать свои ощущения, делится своим опытом с другими и т.д. Таким образом, формируется определенная структура элементов внутреннего опыта (собственно интрацептивных ощущений, их вербальных или каких-либо иных ассоциативных связей, элементов памяти и т.д.). Особенности ее определяются влиянием многих факторов, что выражается в разнообразности и даже амбивалентности связей и отно-

шений между ее элементами, в неустойчивости связеобразующих отношений, в невозможности четкого выделения наиболее жизненно важных, сущностных элементов и их иерархии. Структура внутреннего опыта не является ригидной, она постоянно меняется с приобретением нового жизненного опыта.

Следовательно, аддиктивный диалект служит вербальным носителем аддиктивного поведения и инкорпорируется в процессе аддиктивной социализации. Наши наблюдения показывают, что широкое применение сленга часто выступает прогностически неблагоприятным фактором. В этих случаях происходит более глубокая инверсия прежних нормативных социальных ролей, более полное вхождение в образ «наркомана», прочно спаянного с аддиктивными структурами общества. При развитом аддиктивном диалекте происходит экспансивная трансляция аддиктивных норм.

Фольклорная активность в среде героин-зависимых лиц не интенсивна. Мы считаем, что это обусловлено тремя обстоятельствами. Во-первых, выше показано, что социальное поведение героинманов не предполагает наличия спаянной стабильной группы. Во-вторых, стратификационная функция фольклора здесь невелика, он не способствует приобретению наркотиков. В-третьих, интеллектуальное и эмоциональное оскудение аддиктов препятствует формированию развитых фольклорных систем, они бедны, разрознены, неисторичны, лишены системности и эпичности и, в основном, представлены примитивными формами социализированного фольклора — анекдотами и афоризмами. Лишь в редких случаях от наркома-

нов со стажем потребления свыше 10 лет мы слышали достаточно структурированные легенды, мифы и истории, однако они отражали ситуацию в дореформенные годы, когда наркоманический социум был более плотным и сегрегированным.

Современные фольклорные феномены включали лишь анекдоты, анализ которых показывает, что у героиновых аддиктов фольклорная культура бедна; наркоманические анекдоты по большей мере показывают психологические феномены канабисной зависимости. Это прежде всего касается алогичности мышления, нарушения концентрации внимания человека, опьяненного коноплей, деперсонализационных нарушений, нарушений ориентировки во времени, иллюзий и галлюцинаций, стимуляции активности, повышенного аппетита, высокой толерантности к токсическим нагрузкам. Достаточно большая группа анекдотов характеризует аддиктивное мышление и его отдельные феномены: транзитивизм, перенос аддиктивных мотивов и представлений на явления обыденной жизни и других людей, псевдосоциальность, вовлеченность в криминальный жаргон, сравнение молодежных субкультур. Намного меньше анекдотов, посвященных особенностям героинового опьянения. Мы связываем эти явления с особенностями течения героиновой аддикции — отсутствием галлюцинаций и седативный характер в интоксикации, тяжесть синдрома лишения, обеднение когнитивной сферы. Вышеизложенное показывает участие социально-психологических механизмов в формировании зависимого поведения. Влияние социальной среды на развитие зависимого поведения подчеркивалось во многих работах, посвященных этому феномену.

ФИЛОСОФИЯ

ИССЛЕДОВАНИЕ ФЕНОМЕНА ТЕРРОРИЗМА КАК АКТУАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Ю.Ю. Першин

Философское осмысление феномена терроризма, как оказалось, может стать одним из актуальнейших направлений философской антропологии. Актуальность этой проблематики диктуется современной ситуацией в мире, когда количество совершаемых терактов и их жертв перешагнуло все мыслимые пределы. К сожалению, эта проблема начала всерьез осознаваться мировым сообществом не во время разгула терроризма в России в начале XX в., не во время расцвета баскского или ирландского терроризма, не после захвата олимпийской команды Израиля арабскими террористами и даже не во время расцвета чеченского терроризма после 1995 г., а только после 11 сентября 2001 г., когда страна, которой было совершенно безразлично, что где-то далеко под развалинами домов гибнут люди, получила войну на своей территории.

Но даже если бы этого печально знаменитого теракта не произошло, проблема терроризма не стала бы менее актуальной и не перестала бы требовать всестороннего анализа, основывающегося на комплексном, междисциплинарном подходе к изучению социальных, политических, экономических причин терроризма, его генезиса, форм проявления и перспектив. Полагаю, что философское осмысление такого опасного явления, как терроризм, совершенно необходимо. Более того, философия, как всегда опаздывая, анализирует и объясняет уже имеющие место явления, но не предсказывает их. Это и есть одна из слабых сторон современной философии. Второй слабой ее стороной при осмыслении терроризма является использование философами для подтверждения своего мнения цитат различных авторов, мало знакомых на практике с психологией и философией террориста, из-за чего философский анализ феномена терроризма получается недостаточно объективным, не имеющим практически ничего общего с реальной жизнью.

Все проблемы, с которыми сталкивается человек, сводятся к проблеме самого человека. Проблема терроризма — это проблема человека, и поэтому философской антропологии, утверждающей, что она предназначена для решения проблем человека, и провозгласившей себя наукой всех наук, методологией всех наук, также придется решать эту проблему.

Проблема терроризма — это проблема отношения человека и окружающего мира. И если философская антропология действительно и серьезно собирается исследовать человека в его сложных и противоречивых отношениях с окружающим миром, то ей придется заниматься и таким побочным продуктом его деятельности, как терроризм. И в этой критической ситуации разрушения человеком среды своего обитания, на наш взгляд, следует точнее определить роль и задачи философской антропологии для того, чтобы она более активно и даже более агрессивно участвовала в формировании антитеррористического общественного мнения, способного сформироваться в результате общественных дискуссий.

Сразу определимся: метафизическая сущность терроризма, о которой, якобы, следует «традиционно» говорить, обращаясь к философской антропологии, действительно может быть определена как предельное отношение человека к миру в форме отрицания. Однако наивным было бы считать вслед за некоторыми авторами¹, согласными с А. Камю, что история терроризма берет свое начало именно с тотального неприятия всего сущего, с перерождения бунта в нигилистическое «все дозволено», с оправдания насилия во имя абсолютного добра. Нельзя согласиться и с Камю, который считает, что «так проявляются террористы, решившие, что ради бытия нужно убивать и умирать, поскольку человека и историю невозможно творить без жертвоприношения и убийства»².

Возражения против подобной позиции исходят из простой констатации факта: у террориста нет нигилистического «тотального» неприятия «всего сущего», так как в этом случае объект его атаки был бы случайно избранным. Террорист представлялся бы уже не фанатиком, а маньяком, психически больным человеком, уничтожающим все, что попадает к нему на глаза. Понятие «все сущее» слишком общо, чтобы быть верным. Далее следует заметить, что террорист не бунтует, так как бунт берет свое начало в справедливом и благородном гневе против угнетения, когда человек вдруг начинает осознавать себя личностью, восстающей против несправедливости, и в этом бунте нет ни толики эгоизма. Террорист же, наоборот, насквозь эгоистичен. Он осуществляет свою деятельность за определенное вознаграждение или красуясь, как герой. Он поощряет других террористов убивать и разрушать, руководствуясь своими интересами: геополитическими, материальными и т.д. Следовательно, здесь нет и следа «абсолютного добра». Террорист посредством разрушения строит то бытие, которое нужно ему. «Жертвоприношения», о которых говорит Камю, — всего лишь цветастая фраза из лексикона террористов-интеллигентов начала XX в., персонифицирующих историю в виде Молоха, поэтому она не может быть предметом более или менее серьезного обсуждения.

Думается, что к терроризму следует подходить более прозаично, и в этом отношении мне близка оригинальная методология И. Г. Яковенко, рассматривающего взаимоотношения цивилизации и варварства. Дело в том, что мировое сообщество, подвергающееся атакам террористов, называет их варварами, а терроризм в общем — варварством. Исходя из этого, попробуем рассмотреть взаимоотношения мирового сообщества и кругов, поддерживающих терроризм, взаимоотношения, которые номинально выражаются противостоянием «цивилизация — варвар». По Яковенко, участники противопоставления «цивилизация — варвар» представляют собой специфический архетип, устойчивую модельную структуру. Их отношения являются устойчивой типологией человеческого бытия, с социокультурной стратегией, до сегодняшнего дня не утратившей своих потенций. Отсюда варвар и варварство существуют в настоящем и останутся в обозримом будущем как существенные моменты бытия человечества³.

Чтобы в дальнейшем различать архаическую культуру (социокультурная целостность которой необратимо трансформируется, рождая особый феномен — варварский мир) и цивилизацию как две различные стратегии существования, Яковенко вводит понятие цивилизационного (культурного) ресурса⁴. Вписывая себя с помощью культуры в мир, человек постоянно воздействует на окружа-

ющую природу, на самого себя, формирует и совершенствует механизмы социального взаимодействия, преобразуя таким образом собственную и окружающую природу, материальную и духовную. Цивилизационный ресурс — результат этой деятельности в его позитивной части, рассмотренный как средство для выживания и дальнейшего развития общества. Цивилизационный ресурс постоянно потребляется обществом и постоянно воспроизводится. Используя, потребляя, а значит, расточая, выводя из оборота результаты предшествующей упорядочивающей деятельности, общество воспроизводит большие объемы цивилизационного ресурса, расширяя тем самым пространство знакового, нормативного, предметного, социального универсума — в этом и состоит сущность цивилизации.

Архаическая культура принципиально отличается от цивилизации тем, что объем ее культурного ресурса константен. Он расходуется и воспроизводится архаическим обществом в логике простого, а не расширенного воспроизводства, в объемах и качественных характеристиках, соответствующих исходному состоянию. Происходит это потому, что архаическая культура структурирована жесткими механизмами, блокирующими расширенное воспроизводство исходного универсума. Архаический человек ориентирован на абсолютную неизменность бытия. Архаическая культура ограждает его от новых, беспрецедентных моделей поведения, желаний, потребностей, она блокирует простое накопление продуктов труда, запасов. А ведь простое накопление является первым и неустраняемым этапом на пути движения к качественному наращиванию ресурса, т.е. к цивилизации. Архаические культуры могут меняться, но все изменения при этом происходят в рамках постоянного объема культурного ресурса⁵.

Рассматривая с этой позиции страны-«вотчины» нынешних террористов, следует также заметить, что социальные сообщества, «производящие» террористов, в той или иной степени являются патриархальными. Англичане для ирландцев являются захватчиками, но одновременно и британская цивилизация выступает «врагом» патриархального ирландского общества. Достаточно закрытая и автономная культура басков, ориентирующаяся на национальное самосохранение, противостоит экспансии испанской цивилизации. Арабский мир, загнанный исламом в жесткие рамки, отстает от европейской цивилизации. Рост благосостояния торгующих нефтью арабских стран не является приращением цивилизационного ресурса. Он и не может быть приращен, так как воспроизводится не расширением технологического производства, а простой распродажей природных ресурсов. Таким образом нефтедобывающие страны воспроизводят цивилизационный ресурс по логике простого воспроизводства.

Естественно, варварское общество живет не только за счет расточения цивилизационного ресурса. Нынешнее варварское общество имеет собственную экономику, иногда довольно развитую. Однако условие существования такого общества — постоянная подпитка за счет цивилизационного ресурса, который срывается, частично усваивается и в варваризованных формах входит в жизнь. Цивилизация, экономика и производство которой основаны на потреблении нефти, щедро делится своими благами с варварским миром.

Но кто же такой сам варвар? Варвар — это человек, принадлежащий обществу, находящемуся на стадии архаической культуры, столкнувшемуся с цивилизацией и испытывающему на себе ее воздействие. Варварский мир является ближней периферией цивилизации, взаимоотношения с которой формируются в постоянных экономических, культурных, военных контактах, поэтому варвар дан цивилизации в столкновении с ней. Он принял цивилизацию как фактор своего существования, как неизбежную и неустранимую реальность, но не отождествился с ней ни субъективно, ни объективно. Для него равно необходима как достаточная близость, так и жесткая дистанция по отношению к цивилизации. Поэтому варвар существует в иной позиции — слегка отступив от цивилизации. Нынешняя цивилизация в глобальном масштабе — это, в основном, США и Евросоюз (для Чечни — Россия). Ближневосточкуже давно является периферией Европы, но если Европа переболела открытой агрессией, то относительно молодые США активно переделывают мир под себя, что встречает ответную агрессию, несмотря на то, что обе стороны имеют экономические и культурные контакты. С некоторых пор эти контакты стали военными — я имею в виду противостояние исламского мира и США. Отсюда, с одной стороны, определенная экономическая близость и взаимозависимость сторон, с другой — значительное дистанцирование.

Самая яркая характерная черта варвара, по Яковенко, насыщенное мощным эмоциональным содержанием глубоко амбивалентное отношение к цивилизации. Варвар не может жить без цивилизации, но еще в меньшей степени он способен (и желает) жить в цивилизации. Варвар напряженно *противостоит цивилизации*, сохраняя свой варварский космос, свою культуру, отличную от культуры цивилизации. То, что притягивает варвара к цивилизации, можно обобщить в понятие «блага цивилизации». Это понятие охватывает сумму предметов, моделей поведения, социальных механизмов, особую информационную и социальную среду. Варвар желает обладать плодами цивилизации, ее продуктами, но отказывается от нее самой. Нынешние представители архаической культуры посылают своих детей «в цивилизацию» учиться, при-

чем после обучения специалист либо ассимилируется цивилизацией, либо возвращается назад и применяет свои знания неким способом, присутствующим только архаичному обществу, т.е. частично, упрощенно, но с большим апломбом, делая из знаний некое магическое средство. Таким образом, знание становится «благом цивилизации», использованным по-варварски. Однако работа, напряженная учеба, овладение законами современного мира и т.д. как механизмы вписывания человека из архаического общества в цивилизацию служат принципиальным отличием современного варварства от классического. Формы противостояния варварства цивилизации также меняются, хотя и незначительно. Например, разбой, попрошайничество, пиратство сменяются рэкетом, организованной торговлей наркотиками, человеческими органами для пересадок, организацией проституции и другим криминалом. Самым очевидным признаком варварской культуры, как показывает опыт Чечни, продолжает оставаться «старая добрая» торговля рабами.

Варвар органически не способен вписаться в цивилизацию. Он лишен тех культурных и психологических качеств, которые необходимы для ведения производящего хозяйства и жизни в рамках государства. Ему легче продать партию поддельной водки или сделать аппарат для перегонки украденной нефти в некачественный бензин. Однако цивилизация вожделенна для варвара: она рождает желанные и необходимые блага, но одновременно она смертельно опасна. Дело в том, что цивилизация несет смерть варвару, уничтожает его как культурный тип, перемалывает и разъедает варварский мир. Исторически сложилось так, что христианство оказалось более способным к переменам и ранее переболело агрессией по отношению к иноверцам, чем ислам. Расширение цивилизации, которая преимущественно является христианской, разрушает традиционные устои ислама. В ответ последний начинает обороняться теми средствами, которые доступны архаичной культуре, т.е. приобретенными (украденными или добытыми на деньги от функционирования экстенсивной экономики, продажи нефти) у той самой цивилизации, против которой он выступает. Тактика применения этих средств отчасти изменилась, но по сути осталась той же: в древности — это короткие, неожиданные и яростные набеги (награбить и разрушить), и такие же быстрые отступления. В настоящее время — бессмысленные и поражающие своей кровожадностью теракты (разрушить), так как по-другому, а именно в сфере высоких технологий, в общетехническом отношении, экстенсивная культура не может тягаться с цивилизацией. В широком историческом контексте варварство оказывается лишь способом ассимиляции *через конфликт*, а также механизмом *принятия* цивилизации. Варвар боит-

ся, ненавидит цивилизацию и дистанцируется от нее. В известном смысле варвар постоянно *мстит* цивилизации за то, что она вторглась в устойчивый догосударственный мир и лишила его целостности и непротиворечивости.

Однако террористические акты — это не просто средство войны с цивилизацией. Как это ни удивительно звучит, можно сказать, что таким странным образом варвар потребляет цивилизацию. Он разрушает ее, уродует и в таком виде во фрагментах и элементах ассимилирует в свой варварский космос. *Чем сильнее варвара тянет к цивилизации, ее благам и моделям жизни, тем мощнее поднимается в нем потребность разрушить ее.* Цивилизация воспринимается как *дьявольская, прельщающая, хаотизирующая варварский космос стихия.* Отсюда такое специфическое явление, как вандализм — рационально не мотивированное *уничтожение мира цивилизации, обращение его в хаос.* Разрушая и подвергая насильственной деградации среду цивилизации, варвар самоосуществляется, реализует глубинную экзистенциальную потребность.

Варварский мир создает и впервые в истории реализует стратегию освоения Иного (инокультурного материала) *через противостояние или освоение в конфликте.* Происходит это по следующим причинам: при встрече с архаикой цивилизация начинает ее разрушать, поэтому условием самосохранения архаики становится освоение элементов цивилизации. Однако пропорции такого освоения должны быть строго выверены. С одной стороны, лишенное контактов с цивилизацией, варварское общество деградирует, но с другой — для варварского мира губительна чрезмерная плотность потока цивилизационного воздействия. Как самоподдерживающаяся и самоорганизующаяся целостность варварский мир должен был создать механизм, обеспечивающий постоянный приток инокультурного материала и жесткое регулирование объемов нового. Таким условиям удовлетворяло *противостояние цивилизации.* В противостояние можно было оформить специфическую тягу — отторжение, вождение пополам со страхом, которые мучили сознание варвара. Противостояние создает оптимальный режим усвоения нового.

Объем ассимилируемого материала регулирует элита варварского общества, строго следя за тем, чтобы идущее от цивилизации не захлестнуло и не поглотило варварский мир. Этому и служит практика усвоения Иного через конфликт с цивилизацией, интенсивность которого также управляется элитой. В этом отношении такого одиозного террориста, как Усама бен Ладен, можно считать всего лишь подставной фигурой, за которой в качестве «серых кардиналов» могут скрываться представители элиты исламского мира. Однако в стратегическом плане последовательное усвоение Ино-

го ведет к самоотрицанию варварского мира. Существует порог, за которым освоение инокультурного материала ведет к распаду варварской целостности. По мере приближения к этому порогу напряжения в варварском обществе и его агрессивность резко возрастают. Варварское сознание разрывается на части инокультурными, диссистемными элементами, и находящееся на переломе общество с новыми силами кидается в бой с цивилизацией. Парадокс состоит в том, что *чем шире объем усвоенного инокультурного материала, тем выше агрессивность варварского общества.* Следует оговориться, что архаическое общество привязано к своей территории и не воюет открытым фронтом против цивилизации. В нем самом есть «маргинальный» слой, не привязанный ни к земле, ни к иной собственности, своего рода «люмпены», которым нечего терять, которых можно направить на внешнего врага.

История Востока, по Яковенко, демонстрирует статичную картину смены циклов системы цивилизация — варварский мир. Это обусловлено тем, что на Востоке не было качественного развития самой цивилизационной модели, и общества последующего цикла мало отличались от предшествующих с точки зрения механизма наращивания цивилизационного ресурса. «Мощность» цивилизации, т. е. потенциал преобразования окружающего мира оставался константным и балансировал около уровня самосохранения цивилизационной модели. Общее соотношение пространства, охваченного цивилизацией, и пространства догосударственного бытия изменяется мучительно медленно. Вообще, варвар — великий консервант истории, принципиальный противник динамики. Он страдает от существующего уровня сложности цивилизованного мира и постоянно стремится упростить его, свести до той версии варварского универсума, которая им освоена. Всякое усложнение делает задачу вписывания варвара в мир неосуществимой. Поэтому он всегда стихийно предпочитает простоту. Точнее, простоту «предпочитает» низший слой архаичного общества, элита же предпочитает более усложненное пространство, создаваемое шокирующей роскошью.

Интересен и своеобразен внутренний мир человека-террориста. Прежде всего следует указать на то, что существование человека в архаичной культуре предполагает наличие у него мифологического или полу-мифологического сознания. Характерной чертой такого сознания является постоянное смешивание сконструированной психической реальности человека с объективной реальностью, в которой он существует. Обладая таким сознанием, человек суеверен, религиозен, иногда до фанатичности, правда всегда на его стороне, добро и зло для него персонафицированы, ему нет

дела до того, каковы завтра будут результаты его сегодняшней деятельности, особенно, если это касается других людей. Если есть возможность употреблять средства, изменяющие сознание и способствующие созданию яркой психической реальности, то такой человек становится наркоманом.

Все эти черты коренятся в природе человека и становятся опасными для цивилизованного человеческого сообщества при определенных обстоятельствах, о которых мы говорили. Но каким же образом действует механизм выбора человеком деятельности, которая может стать смертельно опасной для цивилизованного сообщества? Для этого необходимо обратиться к процессу соотношения человеком субъективной и объективной реальности, в которых он существует. Прежде всего, определимся: мир, в котором существует человек, представляет собой внешнюю, объективную реальность. Собственный психический (ментальный) мир представляет внутреннюю субъективную реальность человека. Человек является точкой конфликта, и, таким образом, он является точкой соединения и сосуществования двух реальностей. Оба мира существования человека — внешний и внутренний — взаимно влияют друг на друга.

Впервые идеи соотношения материальной и психической реальностей встречаются у З. Фрейда, который определил между ними четкую дихотомию, причем в его подходе традиционно существовало строгое разграничение: реальность против фантазии. Фрейд говорит о том, что в ходе анализа пациенты рассказывали ему о сценах детства, свидетелями которых они якобы являлись, и он считал их реальными, но затем понял, что эти сцены были придуманы пациентами и имели отношение не к материальной реальности, а к психической, тем не менее они, даже не основанные на реальных событиях, могли, по его мнению, радикально влиять на поведение людей. Некоторые люди, по мнению Фрейда, предпочитают психическую реальность «фактической» и ведут себя по отношению к фантазиям так же серьезно, как нормальные люди ведут себя в повседневной жизни, в реальности. «Эти фантазии обладают психической реальностью в противоположность материальной, и мы постепенно научаемся понимать, что в мире невротической решающей является психическая реальность»⁶. Психической реальностью в данном случае называется все то, что представляется реальностью психике субъекта. Эта психическая реальность может быть настолько яркой, т. е., по выражению Фрейда, несущей такой энергетический заряд, что в некоторых случаях, судя по последствиям и результатам анализа, совершенно невозможно определить, какие события из биографии человека порождены фантазиями, а какие реальностью⁷. В результате неудовлетворенный человек, по Фрейду,

отворачивается от действительности и переносит весь свой интерес на желанные образы своей фантазии.

В современном психоанализе прослеживается тенденция к пониманию двух реальностей как влияющих друг на друга, причем внешняя реальность воспринимается только через посредничество внутренней, т. е. психической реальности. Однако, по моему мнению, подобное смешение реальностей представляет собой некоторую патологию, когда человек совершенно не ориентируется в окружающей обстановке, «теряет чувство реальности» происходящего. Именно при таком «синтезе» двух реальностей человек *становится социально опасен*, не умея соизмерить то, что он хочет, т. е. то, что содержится в его внутренней реальности, с требованиями и внешней реальностью.

В этом отношении К. Ясперс считает, что внешняя действительность — это природа, тело человека, совокупность соматических и интеллектуальных возможностей, это общественный порядок, это другие люди⁸, т. е. социальная реальность. Человека, по мнению Ясперса, влечет к реальности, в которой он стремится осуществить свое бытие в гармонии со своей соматической природой и в соответствии со своими способностями, занять подобающее положение в рамках существующего общественного порядка. В этой реальности человек также желает установить хорошие отношения с другими людьми, поскольку таким путем он может обрести себя. Однако именно с этой реальностью человек находится в постоянном конфликте, в ней он сталкивается с ограничениями, помехами, противодействием. Реальная жизнь постоянно требует от человека самоотречения, усилий для преодоления конфликтов. Поэтому, как верно замечает Ясперс, человеку «свойственно отчетливо выраженное стремление отвлечься от действительности»⁹, укрыться, «сбежать» от этой реальности, найти ей замену. Это значит, что человек находится в постоянном состоянии выбора между существованием в материальной реальности, «проникновением в глубь реальности»¹⁰ и отречением от этой реальности.

Отречение от материальной реальности, в которой человек существует, требует ее замены. Подобной «заменой» становится внутренний мир, внутренняя реальность человека, причем, как точно подметил Ясперс, обращение человека к своему фантазматическому внутреннему миру «сопровождается мгновенным удовольствием или поверхностным облегчением», чувством умиротворения¹¹. Иными словами, человек, встречая трудности в материальной реальности, т. е. получая неудовольствие, обращается к внутренней фантазматической реальности, где эти трудности хотя бы отчасти уменьшаются, и вследствие этого человек получает удовольствие. Именно поэтому Фрейд в свое время совершенно верно говорил о том, что

если действия человека совершенно неадекватны в физической реальности, то хотя бы в психической реальности и «хотя бы в каком-нибудь смысле он должен быть прав»¹².

Позже А. Камю утверждал, что человек чувствует себя несчастным, потому что мир противостоит ему, не подчиняется ему. Человек считает, что обретет счастье тогда, когда он окончательно познает мир, иными словами, когда реальный мир подчинится ему, так как «разум, стремящийся постичь действительность, способен испытать удовлетворение только тогда, когда он сведет ее к собственным понятиям»¹³. Сведение действительности, или окружающего мира к собственным понятиям означает для человека способность управлять миром по своему разумению, в соответствии со своими желаниями. И если бы это произошло, т. е. если бы человек смог бы управлять своей судьбой, своим миром, то он испытал бы такое счастье, «сравнительно с которым миф о райском блаженстве выглядит всего лишь смехотворной подделкой»¹⁴. Иными словами, *управление реальностью, окружающей человека, является для него наивысшим удовольствием и самым заветным желанием.*

Насколько сильна привлекательность конструирования психической реальности для получения немедленного суррогатного удовлетворения и удовольствия, можно убедиться на примере. В. Франкл рассказывает об известном опыте с крысами, которым калифорнийские исследователи вживили электроды в те участки мозга, которые ответственны за получение удовольствия от половых сношений и еды. Крысам в клетку поставили контакт, при замыкании которого на электроды подавался слабый ток, раздражающий эти участки мозга и доставляющий суррогатное удовольствие. Вскоре крысы только и делали, что давили на рычаг, замыкающий контакт, и были равнодушны к настоящей еде и самкам. Псевдо-удовольствие было таким интенсивным, что крысы попросту умерли от голода — с совершенно пустым желудком они были сыты, нажимая на рычаг и замыкая контакт, т. е. раздражая участок мозга, ответственный за насыщение от пищи, и получая от этого удовольствие. Оно создало для крыс новую реальность, которая была отлична от действительности. Но именно эта «виртуальная» реальность оказалась для крыс притягательной многократностью получаемого удовольствия, его интенсивностью и минимальными затратами для его получения. Можно достаточно уверенно сказать, что человек в подобной ситуации с вживленными электродами мало чем отличался бы от крыс. Но даже сильнейшие наркотики — это только прототип того, что могло бы быть создано, если бы в мозгу человека был обнаружен участок, ответственный за создание психической реальности, которой этот человек управлял бы по своему ус-

мотрению и которая была бы полностью независима от внешней реальности. Это было бы самым сильным средством создания нового (пусть и виртуального) мира, полностью подчиненного человеку. Управление таким миром было бы самым совершенным удовольствием для человека, так как все его желания немедленно исполнялись бы.

Из всего сказанного следует, что любая умственная деятельность человека, в том числе и по планированию будущих действий, приводит к построению новой психической реальности как отражению внешней реальности и ее модуляции. Направленность фантазирования, т. е. направленность построения психической (ментальной, фантазматической) реальности определяется желанием человека изменить отраженную (т. е. скопированную) внешнюю реальность, не удовлетворяющую его потребности. По меньшей мере, как считают Р. Дезолье и Х. Лейнер¹⁵, изменяя внутреннюю реальность, человек старается снять последствия столкновения внешней и внутренней реальности, оказывающие на него патологическое влияние. Развивая это положение, можно сказать, что этот процесс построения внутренней реальности в соответствии со своими желаниями, полагаем, является выражением *стремления человека управлять и изменять внешнюю реальность вокруг себя.*

Это стремление человека также проявляется в его желании действовать во внешней, материальной реальности так же, как и в психической, ожидая желаемую реакцию физической реальности на свои действия по тому образцу, который содержится в психической реальности человека. Сюда же относится стремление человека попытаться изменить материальную реальность, попытаться управлять ею. Оно проявляется в *создании или разрушении ее самой или одного из ее элементов.* Из этого вытекает, что любое самое *минимальное изменение человеком окружающей его реальности в соответствии с его фантазиями является для него мощным стимулом самореализации и последующих действий в этом же направлении.* Именно в этом он и находит одно из наивысших удовольствий — *удовольствие осознания власти над физической реальностью или удовольствие от снятия ограничений, диктуемых физической реальностью.*

Аналогично, притягательность власти в реальной жизни человека состоит в том, что *любую власть можно определить как одно из мощнейших средств изменения или создания материальной реальности человека, имеющего эту власть.* Именно поэтому человек подсознательно *либо рвется к власти над всем, либо старается создать как можно больше проявлений властных отношений и превосходства между ним и объектом, чтобы еще раз убедить себя в способности*

управлять физической реальностью, и, соответственно, получить от этого удовольствие. Не случайно Э. Кречмер говорил о влечении к власти как о непреодолимой силе, которая может конкурировать с сексуальным влечением¹⁶.

Управление внутренней психической реальностью приносит суррогатное удовольствие, которым человек не может быть полностью удовлетворен. Настоящее удовольствие дает управление внешней реальностью. Но именно в психической реальности человек ищет способы воздействия на внешнюю реальность, и основное его желание — прекращение или минимизация воздействия на него власти внешней реальности. Власть последней над человеком проявляется в невозможности быстрого и полного исполнения им своих желаний. Следовательно, главным желанием человека становится, во-первых, достижение определенного, благоприятного для себя результата, во-вторых, подчинение объектов власти, в качестве которых он видит природу и общество. Иными словами, человек стремится обеспечить подчинение объекта власти, т.е. внешней реальности в соответствии со своими осознанными и неосознанными желаниями. Из этого *власть можно определить как способность субъекта власти (в качестве которого в данном случае выступает человек) обеспечить подчинение объекта власти (в качестве которого выступает окружающая человека реальность) и осуществлять управление этим объектом.*

В результате подобной попытки краткого анализа тех черт человека, которые могут вылиться в неприкрытый террор, можно прийти к следующим выводам: потенциально террористом может стать любой человек. Иллюстрации к этому тезису можно найти в нашей повседневной жизни. Например, человек каждый день ходит на работу, где общается с широким кругом людей. В процессе такого общения могут возникать конфликты, для решения которых привлекаются две модели поведения: цивилизационная, когда конфликт перерастает в конструктивную дискуссию, в итоге которой находится консенсус. Вторую модель можно назвать варварской: одна из сторон (или обе стороны) не слушает доводы другой, считает себя правой, и ситуация может дойти до разрыва отношений.

И в первом, и во втором случае стороны наталкиваются на препятствие, мешающее осуществлению такого хода событий, который необходим, т.е. каждая из сторон выстраивает свою субъективную реальность, отличную от субъективной реальности противоположной стороны. Стороны, придерживающиеся цивилизованного решения конфликта, могут, приложив достаточное количество усилий, предпочесть объективную реальность искусственно созданной субъективной. Стороны,

придерживающиеся второй модели, нацелены только на устранение возникшего препятствия, вплоть до его уничтожения. На практике такие отношения перерастают в незатухающий или тлеющий скандал, интриги, подсиживания, сколачивание группировок, тайные жалобы начальству и пр., т.е. действия, которые не дают противоположной стороне чувствовать себя вне спора, вне напряжения. Эти действия можно назвать мелким, бытовым терроризмом.

Более того, человек, «воюющий» на работе, продолжает воевать и дома. Он терроризирует родных, и особенно детей, которые зависимы от него. Этот бытовой терроризм и отражает стремления человека — обладателя варварского сознания — управлять своим окружением таким образом, как он этого хочет. Террор, собственно, и предназначен для того, чтобы определенным образом управлять противостоящей стороной.

Настоящий террорист также избирает террор как средство управления неподчиняющейся ему внешней реальностью, которая входит в противоречие с его субъективной (психической) реальностью. Он не стремится к консенсусу обеих реальностей. Он утверждает преимущество субъективной реальности, созданной им самим. И если бытовой террорист в виде средств для осуществления террора избирает власть, шантаж, материальную зависимость, то второй для достижения своих желаний выбирает оружие, которым проще разрушить неподчиняющуюся ему объективную реальность. Деструктивное изменение реальности вызывает у террориста удовольствие.

Подводя итог размышлениям о взаимосвязи терроризма и варварства, можно сказать, что в настоящее время в некоторых странах варварское сознание возвышено до уровня идеологии, когда варварское мировоззрение порождает реакционную утопию, идеологию упрощения, эсхатологическую мифологию, осмысливающую цивилизацию как путь к бездне, как препятствие, угрозу своей целостности. Варвар-террорист является винтиком реакционно-консервативных движений, под знамена которых устремляются массы носителей варварской ментальности, также потенциальных террористов.

В силу этого, как представляется, феномен варварства еще долго будет существовать по соседству с цивилизацией. Систему, воспроизводящую условия для зарождения идей терроризма, нельзя сломать в один момент. В нее нельзя насильно внедрить или импортировать идею мирного существования различных типов цивилизаций даже усилиями самой мощной системы образования, массмедиа, новыми технологиями. Шанс адаптировать к себе интенсивные, зрелые цивилизационные модели в ходе естественного кумулятивного процес-

са дает догоняющим обществам только неизбежное постепенное культурное изменение содержащегося в них человеческого субстрата. Освоив их и еще раз «переплавив» себя самое, такие общества могут делать следующий шаг на пути в будущее. А судьба цивилизации — служить горнилом такой «переплавки», удержаться от «слома» и скатывания в варварство. И первым шагом помощи архаическим обществам на пути к цивилизованному обществу, как это ни парадоксально звучит, будет переход цивилизации на альтернативные источники энергии и формирование у мировой общественности образа человека как «человека экологического». Но это уже тема для другого исследования.

¹ См.: *Дашкова С.В.* Антропологическое измерение терроризма // *Человек в современных философских кон-*

цепциях: Материалы Третьей междунар. науч. конф.: В 2 т. — Т. 1. — Волгоград, 2004. — С. 724.

² *Камю А.* Бунтующий человек. — М., 1999. — С. 228.

³ См.: *Яковенко И.Г.* Цивилизация и варварство в истории России // *Общественные науки и современность.* — 1995. — № 4. — С. 66-78.

⁴ Там же. — С. 67.

⁵ Там же. — С. 69.

⁶ *Фрейд З.* Введение в психоанализ: Лекции. — М., 1989. — С. 235.

⁷ Там же. — С. 237.

⁸ См.: *Ясперс К.* Общая психопатология. — М., 1997. — С. 397.

⁹ Там же. — С. 400.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² *Freud S.* Trauer und Melancholie. 1940 – 1952. — G. W., X. — S. 432.

¹³ *Камю А.* Миф о Сизифе // *Соч.: В 5 т. — Харьков, 1998. — Т. 2. — С. 67.*

¹⁴ Там же. — С. 19.

¹⁵ См.: *Лейнер Х.* Направленное аффективное воображение // *К.Г. Юнг и современный психоанализ: Хрестоматия по глубинной психологии.* — М., 1996. — С. 154-176.

¹⁶ См.: *Кречмер Э.* Строение тела и характер. — М., 1995.

Экономика

СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ФОНДОВОГО РЫНКА РОССИИ

А.К. Бекряшев

Цель настоящей статьи — рассмотрение актуальных проблем развития современного российского фондового рынка, наиболее значимых факторов, определяющих его состояние и динамику, его роль в современной российской экономике. Термин «фондовый рынок» употребляется как синоним термина «рынок ценных бумаг»¹, однако основное внимание уделено рынку долгосрочно-го капитала (акций и облигаций).

Основы современной инфраструктуры рынка ценных бумаг были созданы в России в начале 90-х гг. Функционирование организованного рынка корпоративных ценных бумаг относится к 1994 г. Этот рынок исходно создавался для обеспечения решения задач приватизации государственных предприятий. Его главной функцией было содействие перераспределению собственности в формирующейся рыночной экономике, а основным направлением использования — консолидация пакетов акций. В 1997 г. фондовый рынок России в результате системного кризиса практически прекратил существование. Начало функционирования современного рынка можно с достаточным основанием отнести к послекризисному периоду с 1999 г.

В настоящее время российский фондовый рынок согласно классификации International Finance Corporation и Standart & Poog² относится к категории формирующихся рынков наряду с фондовыми рынками 80 стран мира, среди которых Китай, Мексика, Бразилия, Малайзия, Корея, Тайвань, Португалия, Греция, Польша, Нигерия, Пакистан³. К числу фундаментальных факторов, определяющих уровень развития фондового рынка конкретной страны, специалисты относят насыщенность оборота ценными бумагами, волатильность, уровень рисков рынков, а также его роль в перераспределении денежных ресурсов на цели инвестиций⁴. Рассмотрим состояние российского фондового рынка через призму влияния данных факторов.

Насыщенность оборота ценными бумагами. Состояние фондового рынка, с точки зрения дан-

ного критерия, может быть оценено посредством показателей капитализации (табл. 1) и доли капитализации рынка акций в ВВП.

Таблица 1

Капитализация рынка акций в России (1999-2003 гг.)

	1999	2000	2001	2002	2003
Капитализация рынка акций, млрд. долл. на конец периода	33,3	29,9	62,4	86,1	148,5
Капитализация рынка акций, 1999 г. = 100%	100	89,8	187,4	258,6	446
Капитализация рынка акций, в % к уровню предыдущего года	x	89,8	208,7	138	172,5

Длительное время для России было характерно низкое значение этого показателя. По данным ФКЦБ РФ, капитализация российского фондового рынка достигла 212 млрд. долл. по состоянию на 20 января 2004 г. Если рассматривать динамику такого показателя, как отношение капитализации рынка акций к ВВП, то очевиден его стремительный рост с 7,4% в 1998 г. до 15,8% в 2000 г. и 45% в январе 2004 г. Для основной части развитых рынков характерна капитализация выше 40-60% ВВП (ВНП), для большинства формирующихся рынков — ниже 40-60% ВВП (ВНП). Значение рассматриваемого показателя по России находится на уровне некоторых развитых стран.

Уровень и динамика показателя насыщенности хозяйственного оборота ценными бумагами позволяет достаточно оптимистично рассматривать перспективы российского фондового рынка в качестве инструмента привлечения и перераспределения инвестиционных ресурсов. Однако реализация имеющихся возможностей во многом будет определяться совокупностью политических, макроэкономических, институциональных факторов. Опережающими темпами увеличиваются объемы

биржевой торговли корпоративными облигациями и производными инструментами.

*Волатильность*⁵. Российский рынок акций на протяжении практически всего периода существования характеризуется уровнем волатильности, существенно превышающим аналогичный показатель по развитым и многим развивающимся рынкам. Согласно результатам исследования волатильности рынков акций за период с 1995 г. по 2000 г., проведенного Я.М.Миркиным, российский рынок ценных бумаг находится в группе стран с формирующимся рынком, волатильность которых (оцененная по коэффициенту вариации значений фондовых индексов) в несколько раз выше (до 5-8 раз), чем развитых рынков⁶. Несмотря на последовательное снижение волатильности российского фондового рынка, измеренной по коэффициенту вариации индекса РТС, с 12,34 в 2000 г. до 12,22 в 2001 г. и 9,58 в 2002 г.⁷, вывод ряда исследователей о том, что «российский фондовый рынок обрел внутреннюю устойчивость, ему присуща низкая волатильность»⁸, оказался преждевременным. Об этом свидетельствует значение коэффициента вариации индекса РТС на 2003 г. и 9 месяцев 2004 г., которые составили соответственно 17,26 и 9,56. Важным фактором высокой волатильности послужило активное расширение маржинального кредитования и приток на рынок значительного числа спекулятивно настроенных инвесторов, а также влияние на состояние фондового рынка расследования противоправной деятельности ОАО «ЮКОС». Это, с одной стороны, стимулировало рост объемов операций, а с другой — увеличивало неопределенность и в ряде случаев становилось фактором значительных колебаний стоимости финансовых инструментов.

Уровень рисков. Анализ истории развития российского фондового рынка позволяет сделать вывод о высоком значении различных видов риска — кредитного, процентного, валютного, риска ликвидности, законодательного, а также рыночного. Уровень рыночного риска на российском фондовом рынке имеет одно из самых больших значений в мире. Это стало следствием высокой зависимости отечественного рынка акций от рыночного риска других стран. По мнению ряда специалистов, исследовавших взаимосвязь российского рынка акций и других сегментов финансового рынка, рынок акций фактически стал «спусковым механизмом» финансовых кризисов в России в 1997 и 1998 гг.⁹

Особенностью российской ситуации является отмечаемый исследователями эффект переноса рыночного риска с иностранных рынков¹⁰. Это обусловлено высокой зависимостью конъюнктуры российского фондового рынка от зарубежных рынков. Вместе с тем специалисты обращают внимание на тенденцию к постепенному ослаблению данной зависимости¹¹, что свидетельствует об уси-

лении относительного влияния эндогенных факторов, обретении российским фондовым рынком относительной независимости от мирового и, прежде всего, американского рынка ценных бумаг.

В современной экономической системе финансовый рынок и фондовый рынок как важнейшая его составляющая выполняют ряд критически важных функций. Ф. Фабоцци относит к ним определение цены финансового актива; обеспечение механизма осуществления сделок с финансовыми активами; уменьшение трансакционных издержек участников рынка¹². Дж. Стиглица применительно к переходной экономике выделяет семь функций: передача ресурсов (капитала) от сберегающих агентов к заемщикам и инвесторам; агломерация капитала; отбор проектов; мониторинг использования средств по проекту; обеспечение выполнения контрактов (возврата); передача, разделение рисков; диверсификация рисков¹³. Лауреат Нобелевской премии У. Шарп, касаясь вопроса о значении институтов финансового инвестирования в современной экономике, отмечает: «Высокое развитие институтов финансового инвестирования в значительной мере способствует росту реальных инвестиций. Как правило, эти две формы являются взаимодополняющими, а не конкурирующими»¹⁴. Таким образом, эффективно функционирующий фондовый рынок, реализуя базовые функции, обеспечивает трансформацию накоплений в инвестиции.

Вместе с тем в современной российской экономике фондовый рынок в силу неразвитости его институтов, неэффективности и диспропорций не обеспечивает подобной гармонизации между финансовым и реальным инвестированием, что порождает для реального сектора экономики серьезные проблемы как в условиях дефицита финансовых ресурсов, так и в условиях их избытка. Рассмотрим этот момент более подробно.

По экспертным оценкам, для обеспечения модернизации и устойчивого экономического роста российская экономика нуждается в привлечении инвестиционных ресурсов в размере 400-450 млрд. долл. на предстоящие 5-7 лет. Потенциальные потребности в инвестициях на ближайшие 20-25 лет составляют около 2,5 трлн долл.¹⁵ При этом дефицит инвестиционных ресурсов достигает 40-70% от потребности в них. Реальным направлением решения инвестиционной проблемы является совершенствование фондового рынка, который, в отличие от нерыночных механизмов, способен обеспечить перераспределение инвестиционных ресурсов в зависимости от уровня экономической эффективности их пользователей — эмитентов ценных бумаг. Актуальность развития фондового рынка связана также с необходимостью перераспределения накопленных в сырьевом секторе ресурсов в отрасли, обеспечивающие внутренний спрос.

Фондовый рынок в этом контексте выступает важным элементом механизма обеспечения независимости российской экономики от конъюнктуры мирового рынка и устойчивости экономического роста. Однако в силу высоких рисков и диспропорций он до последнего времени оставался непривлекательным для потенциальных инвесторов.

В последние годы под воздействием комплекса благоприятных факторов развитие российского фондового рынка получило значительный импульс. Он начинает более эффективно выполнять инвестиционную функцию. Так, в 2002 г. объем инвестиционных ресурсов, привлеченных российскими предприятиями на фондовом рынке, составил около 13% от объема инвестиций в основной капитал¹⁶. Основная часть инвестиций была привлечена посредством долговых инструментов, что является достаточно характерным для формирующихся рынков.

Необходимо отметить некоторые важнейшие факторы, оказавшие позитивное влияние на отечественный фондовый рынок.

1. Благоприятная конъюнктура на мировых рынках товаров традиционного российского экспорта и, прежде всего, нефтяном рынке. Результатом его воздействия является рост предложения валютной выручки на внутреннем валютном рынке, рост эмиссии рублевой денежной массы Банком России, покупающим валютную выручку и, как следствие, рост финансовой глубины экономики.

2. Увеличение финансовой глубины экономики. Существенное влияние на развитие рынка ценных бумаг оказывает обеспеченность экономического оборота денежными средствами. Для отражения связи между насыщенностью экономики денежными ресурсами и сложностью и разветвленностью денежно-кредитной системы, с одной стороны, и темпами экономического роста — с другой, Мировым банком было введено понятие финансовой глубины экономики. Важнейшим показателем финансовой глубины является монетизация хозяйственного оборота, измеряемая коэффициентами монетизации. Коэффициент монетизации рассчитывается как отношение какого-либо из денежных агрегатов к ВВП. Как показали исследования Мирового банка, финансовая глубина экономики выступает фундаментальным фактором, определяющим величину капитализации рынка акций. Согласно исследованиям Я.М. Миркина существует тенденция нарастания мощности фондовых рынков по мере роста монетизации хозяйственного оборота¹⁷. Результатом проведения Банком России с середины 90-х гг. излишне жесткой денежной политики был низкий уровень капитализации фондового рынка, более высокая зависимость от иностранных инвестиций, выше его колебания и уровень рыночного риска. Изменение ситуации наблюдается после финансового кризиса,

когда под влиянием роста денежной массы возросли индекс РТС и капитализация рынка (табл. 2).

Таблица 2
Динамика показателей рынка акций
и денежной массы в 1998-2003 гг.

	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Индекс РТС	58,93	177,71	143,29	260,05	359,07	567,25
Изменение индекса РТС, %	-85,2	201,6	-19,4	81,5	38,1	58,0
Капитализация рынка акций, млрд долл. на конец периода		33,3	29,9	62,4	86,1	148,5
Денежная масса, М2	448,3	704,7	1144	1602,6	2119,6	3213
Прирост денежной массы, %	19,8	57,2	62,3	40,1	32,3	51,6

3. Влияние макроэкономических факторов, среди которых можно отметить снижение ставок по банковским депозитам и курса доллара, традиционно использовавшегося для сбережений. По данным Центробанка, за прошлый год ставки по срочным депозитам снизились с 14% до 11% годовых, а курс доллара — на 7,3%. Это стимулировало рост объемов инвестиций в паевые инвестиционные фонды (ПИФ). Так, за 2003 г. число пайщиков ПИФов выросло более чем в два раза — с 12 000 до 28 500. Удвоились и их активы — с 11,9 млрд. до 24,1 млрд. руб. При этом более половины прироста — 6,4 млрд руб. — обеспечили продажи новых паев, и ни один фонд не принес своим пайщикам убытков¹⁸.

4. Повышение инвестиционной привлекательности российской экономики для иностранных инвесторов. В октябре 2003 г. Международное рейтинговое агентство Moody's повысило суверенный рейтинг России до инвестиционного уровня — Ваа3. Это решение имеет важное значение, поскольку открывает дорогу в Россию новой категории инвесторов, которые раньше не могли покупать ни государственные, ни корпоративные ценные бумаги. Это пенсионные фонды, страховые компании, банки. Оценить объем средств, которыми они управляют, и ту их часть, которая может быть направлена в Россию, сложно. Объем средств в управлении глобальных фондов развивающихся рынков, которые сейчас покупают российские активы, оценивается в \$100 млрд., а всех глобальных инвестиционных фондов — в \$1 трлн. Даже 1% от этой суммы может поднять рынок России на значительную высоту¹⁹.

Одновременно на фоне притока на фондовый рынок значительных финансовых ресурсов и рос-

та его капитализации отчетливо проявилась проблема дефицита приемлемых, с точки зрения прибыльности и риска, объектов для инвестирования. По мнению Г. Грефа, российская экономика страдает от дефицита инвестиционных идей²⁰. Освоение инвестиций, приходящих в российскую экономику в средне- и долгосрочной перспективе, связано с необходимостью стимулирования малых и средних предприятий к укрупнению и выходу на фондовый рынок. При этом инвесторы получили бы новые возможности для инвестирования свободных денег. Вместе с тем в краткосрочной перспективе вероятен «перегрев» фондового рынка — на рынке акций эксперты прогнозируют рост индекса РТС до 1000 пунктов. При этом возрастает опасность «перегрева» рынка и кризиса как для финансового рынка, так и всей экономики.

Таким образом, неразвитый деформированный фондовый рынок не способен удовлетворительно решить проблему трансформации накопленных в инвестиции и модернизацию экономики в условиях как дефицита финансовых ресурсов, так и значительного их притока. Подобная ситуация объективно может стать фактором, побуждающим государство развивать альтернативные рыночные, прямые формы перераспределения ресурсов на инвестиционные цели, что может выразиться, в частности, в возрастании роли бюджетных механизмов. Это тем более вероятно, что Россия практически утратила традиции использования подгородных институтов, а потенциал фондового рынка в решении рассматриваемой проблемы не в полной мере осознается не только государством, но и научным сообществом²¹.

Реальные перспективы фондового рынка России во многом будут определяться степенью осознания его реального потенциала, скоростью и качеством деятельности по устранению диспропорций и совершенствованию его институтов.

Рассмотрим некоторые значимые проблемы и диспропорции российского фондового рынка.

Сложившаяся инфраструктура рынка *недостаточно ориентирована на привлечение региональных ресурсов* и их трансформацию в инвестиции. Это проявляется в усилении концентрации брокерско-дилерских компаний в столице при их практически полном отсутствии во многих регионах. В Москве также сконцентрирована основная часть институциональных инвесторов, сделок и финансовых активов.

Важной негативной особенностью рынка ценных бумаг является недостаточная операционная способность и низкая капитализация операторов рынка. Большинство брокерско-дилерских компаний — это мелкие институты. Кроме того, как отмечают исследователи, значительная их часть (по некоторым оценкам не менее 50%) является аффилированными структурами промышленных пред-

приятий и банков, что усиливает их риски. Действующие компании предоставляют клиентам достаточно ограниченный круг услуг.

Монополизация фондового рынка. Современный российский фондовый рынок близок по своей структуре к олигополии. Три четверти рынка акций занимают ценные бумаги десятка компаний, относящихся преимущественно к топливно-энергетическому комплексу. На другом полюсе отмечается значительная концентрация инвесторов: основной спрос создают несколько десятков крупнейших игроков, представленных преимущественно банковскими структурами. Это обусловлено изменениями конъюнктуры на финансовом рынке. Со второй половины 2002 г. инвестиции в иностранную валюту стали невыгодными, что вызвало уменьшение банками валютных позиций и покупку рублевых инструментов. У банков появился избыток рублевой ликвидности. Пассивы растут, в основном, за счет краткосрочных ресурсов, для размещения которых нужны инструменты с высокой ликвидностью, в качестве таковых и используются ценные бумаги. В последние годы кредитный портфель коммерческих банков растет быстрее вложений в ценные бумаги (за 2001 – 2002 гг. — 100% и 65% роста соответственно). Однако, начиная с октября 2002 г., вложения в ценные бумаги растут опережающими темпами.

Фрагментация российского фондового рынка проявляется в его разделении на различные сегменты, которые формируются отдельными торговыми системами, при наличии информационных, валютных и иных барьеров между ними, затруднении доступа различных групп инвесторов к операциям в тех или иных сегментах. В результате акции одного эмитента могут иметь устойчиво различающиеся котировки в различных торговых системах. Все это не свидетельствует об эффективности рынка и открывает возможности для недобросовестной торговли.

Другой аспект фрагментации рынка — отчетливая дифференциация рынка по уровню ликвидности финансовых инструментов. Примерно 40% акций одновременно обращаются во всех или нескольких крупнейших российских торговых системах: РТС, ММВБ, ФБ «Санкт-Петербург», «Московская фондовая биржа».

Фрагментация рынка имеет и региональный аспект, проявляющийся в замкнутости региональных торговых систем на свои регионы. В специальной литературе отмечаются и другие аспекты проблемы фрагментации: временной, информационный, технологический, организационный²².

Широкое распространение запрещенных практик. На российском рынке получила широкое распространение недобросовестная торговля. Наиболее типичными ее формами выступают ма-

нипулирование ценами и инсайдерская торговля. К числу типичных методов манипулирования относятся, по оценкам ФКЦБ, покупка и продажи ценной бумаги с целью создания видимости активной торговли, фальшивые сделки с ценными бумагами, в ходе которых не происходит фактической смены собственника, создание пулов участников и др. По оценкам самих участников рынка, доля сделок с использованием инсайдерской информации превышает 50%²³. Достаточно распространены также недобросовестная продажа клиентам финансовых услуг и продуктов, сделки с конфликтами интересов²⁴.

Слабое развитие и недооценка роли производных инструментов. Между тем активное использование деривативов для страхования рисков фондового рынка и рынка государственного долга может оказать мощное позитивное воздействие на развитие этих рынков, привлечь новых участников, прежде всего консервативных инвесторов, для которых нынешний уровень рыночных рисков является неприемлемым.

Относительно низкая ликвидность. Годовой рыночный оборот основных акций составляет незначительный процент от капитализации этих ценных бумаг. Собственность сконцентрирована в крупных пакетах акций, в результате чего лишь незначительная часть акционерного капитала является свободной для обращения. Например, более 60% оборотов внутреннего рынка акций России формируется из 6,1% уставного капитала ПАО ЕЭС.

Отсутствие массового предложения акций в связи с оптовым характером структуры собственности на акции. По оценкам, не менее 60-70% акционерных капиталов собраны в крупные или контрольные пакеты, на оптовом рынке обращается лишь незначительная часть акционерных капиталов, а население практически лишено возможности доступа к организованному фондовому рынку.

Спекулятивный характер российского фондового рынка. По данным, опубликованным J.P. Morgan, по акциям и АДР российских компаний, доля спекулятивных иностранных инвесторов составляет не менее 60-65%, а доля хедж-фондов — 25-30%²⁵.

Перенос торговых операций с российскими ценными бумагами за рубеж. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1999 – 2000 гг. рынки депозитарных расписок на российские акции за рубежом существенно превосходили по объемам внутренний рынок акций.

Спектр прогнозов развития фондового рынка достаточно широк: от пессимистического до умеренно оптимистического.

По мнению Я.М. Миркина, для российского фондового рынка будут присущи такие черты, как преимущественно долговой характер, ограниченный объем и ликвидность, простая продуктовая структура, незначительная роль срочных рынков²⁶.

Рыночная модель экономики, которая сформировалась в России, может характеризоваться как «капитализм держателей крупных пакетов», в основе которого лежит германо-японская модель.

Сторонники более оптимистического сценария развития фондового рынка считают необходимым учитывать для определения реальных его перспектив новейшие тенденции развития, которые наметились с 1999 г.²⁷ Альтернативное видение возможностей фондового рынка основано на учете таких факторов, как наращивание вторичных эмиссий действующими корпорациями при одновременном появлении все большего числа новых компаний с первичными эмиссиями акций; бурный рост облигационного сектора фондового рынка; рост спроса на российские ценные бумаги со стороны зарубежных стратегических инвесторов; рост относительной устойчивости фондового рынка; повышение кредитных рейтингов; быстрый рост финансовых ресурсов, поступающих на фондовый рынок из различных источников²⁸.

Какой из вариантов будет реализован, во многом зависит от того, насколько эффективно будут преодолены диспропорции, а также решены наиболее актуальные задачи фондового рынка.

Одна из основных задач — *формирование эффективного рынка.* Понятие эффективного рынка связано с тем, что рынок оценивает исключительно риски, т. е. информация о рынке, которая может привести к изменению в ценах, до всех участников рынка доходит одновременно. «Рынок является эффективным по отношению к определенной информации, если, используя эту информацию, нельзя принять решения о покупке или продаже ценных бумаг, позволяющие получить отличную от нормальной прибыль, или сверхприбыль»²⁹. Российский рынок сегодня не эффективен, что является серьезной проблемой для регулятора фондового рынка (Федеральной Службы по финансовым рынкам) и иностранных инвесторов.

Кроме того, необходимо увеличение степени «прозрачности» отечественных эмитентов, раскрытие информации эмитентами ценных бумаг с учетом интересов инвесторов. Целесообразно снизить регулятивные и временные издержки эмитентов, особенно малых и средних компаний, с целью упрощения выхода на фондовый рынок.

Следует проводить политику *поощрения внутреннего обращения ценных бумаг* и разрешать допуск ценных бумаг к обращению за рубежом при условии получения ими рыночных котировок на внутренних организованных рынках.

Важная задача — обеспечение эффективной защиты прав собственников. Поскольку большинство акционеров предприятий являются менеджерами, то они, опасаясь утраты контроля над АО, не стремятся выходить на фондовый рынок, открывать информацию.

Повышение эффективности деятельности профессиональных участников фондового рынка, содействие возрастанию их капитализации; преодоление дефицита профессиональных управляющих активами; эффективное пресечение практики использования операторами рынка инсайдерской информации и манипулирования; совершенствование системы учета прав собственности, в том числе повышение административной ответственности регистраторов, введение механизмов обязательного и добровольного страхования ответственности регистраторов и депозитариев, повышение требований к осуществлению регистраторской и депозитарной деятельности — также относятся к задачам фондового рынка.

Важным условием развития фондового рынка является *совершенствование системы инвестиционных институтов*, преодоление олигополии, связанной с доминированием коммерческих банков, развитие иных видов инвестиционных институтов (инвестиционных фондов, негосударственных пенсионных фондов и др.), налоговое стимулирование инвесторов.

Таким образом, для решения стоящих перед российской экономикой стратегических проблем, связанных с финансированием модернизации экономики, обеспечением устойчивого экономического роста, целесообразно рассматривать совершенствование фондового рынка, его институтов и инструментов в качестве одного из приоритетных направлений экономической политики государства. Фондовый рынок не имеет реальных альтернатив в качестве механизма трансформации накоплений в инвестиции, однако его дисфункции, неадекватность характеру решаемых задач объективно ограничивают возможности экономического роста, модернизации экономики, способствуют ухудшению инвестиционного климата и способны генерировать комплекс угроз экономической безопасности России.

¹ Такое определение предложено Я.М. Миркиным. См.: Миркин Я.М. Ценные бумаги и фондовый рынок. — М.: Перспектива, 1995. — Ст. 99-100.

² В соответствии с данной классификацией фондовые рынки подразделяются (в зависимости от уровня развития рынка акций и величины ВВП на душу населения) на развитые (developed markets) и формирующиеся (emerging markets).

³ Россия вплоть до 1996 г. находилась вне классификации МФК.

⁴ См., напр.: Миркин Я.М. Рынок ценных бумаг в России: воздействие фундаментальных факторов, прогноз и политика развития. — М.: Альпина паблишер, 2002. — С. 77.

⁵ *Волатильность* — непостоянство, изменчивость стоимости финансовых инструментов, фондовых индексов за конкретный период времени.

⁶ См.: Миркин Я.М. Рынок ценных бумаг в России: воздействие фундаментальных факторов, прогноз и политика развития. — С. 54.

⁷ См.: Данилов Ю. Новая роль фондового рынка в России // Вопросы экономики. — 2003. — № 7. — С. 48.

⁸ Там же.

⁹ Там же. — С. 62.

¹⁰ См., напр.: Миркин Я.М. Рынок ценных бумаг в России: воздействие фундаментальных факторов, прогноз и политика развития. — С. 60.

¹¹ См., напр.: Евстигнеев В. Портфельные инвестиции в мире и в России: выбор стратегии. — Эдиториал УРСС, 2002. — С. 290; Данилов Ю. Указ. соч. — С. 48.

¹² См.: Фабочки Ф. Управление инвестициями. — М.: ИНФРА-М, 2000. — С. 16-17.

¹³ Цит. по: Данилов Ю. Указ. соч. — С. 45.

¹⁴ См.: Шарп У., Александер Г., Бэйли Дж. Инвестиции. — М.: ИНФРА-М, 2003. — С. 1.

¹⁵ См.: Отчет о конференции, посвященной инвестиционному климату в России (Москва, 23 февраля 2000 г.) www.diplomat-cd.ru.

¹⁶ См.: Данилов Ю. Указ. соч. — С. 46.

¹⁷ См.: Миркин Я.М. Рынок ценных бумаг в России: воздействие фундаментальных факторов, прогноз и политика развития. — С. 253.

¹⁸ См.: Мязина Е. ПИФомания // Ведомости. — 2004. — 24 янв.

¹⁹ См.: Сафронов Б., Оверченко М. Золотой дождь // Ведомости — 2003. — 9 окт.

²⁰ См.: Мязина Е., Оверченко М. Греф заметил пузырь // Ведомости. — 2004. — 19 февр.

²¹ См., напр.: Сизов Ю. Актуальные проблемы развития российского фондового рынка // Вопросы экономики. — 2003. — № 7. — С. 26-27.

²² См.: Тормозова Т.В. Фрагментарность рынка ценных бумаг // Вестник Финансовой академии. — 2003. — № 3.

²³ См.: Развитие рынка ценных бумаг в Российской Федерации (материалы к дискуссии). — М.: ФКЦБ России, Издательский дом «Рынок ценных бумаг», 2000. — С. 27.

²⁴ См.: Азимова Л. Недобросовестная рыночная практика на финансовых рынках // Право и экономика. — 2001. — № 9.

²⁵ www.adr.com.

²⁶ См.: Миркин Я.М. Рынок ценных бумаг в России: воздействие фундаментальных факторов, прогноз и политика развития. — С. 319-320.

²⁷ См.: Булатов В.В. Фондовый рынок в структурной перестройке экономики. — М.: Наука, 2002. — С. 194.

²⁸ Там же. — С. 204.

²⁹ Шарп У., Александер Г., Бэйли Дж. Указ. соч. — С. 109.

ФИЛОЛОГИЯ

ОПИСАТЕЛЬНОЕ ТЕРМИНОВЕДЕНИЕ : ПРОБЛЕМЫ, ЗАДАЧИ, МЕТОДЫ, ДОСТИЖЕНИЯ

Л. В. Попова

Один из современных теоретиков прикладной лингвистики А. Н. Баранов отмечает, что «в лингвистике терминология как особая часть языковой системы изучается в терминоведении. Принципы построения специальных терминологических словарей разрабатываются в терминографии»¹. К приведенному высказыванию добавим: основы терминографии должны быть включены в теоретическое терминоведение. В описательном терминоведении содержатся теоретические основы, в том числе основы описания терминов в словарных статьях.

Проблематике описательного терминоведения посвящены работы многих ученых². Системное описание метаязыков той или иной области науки с предшествующим ему анализом терминоведческих концепций, теории термина, его базовых свойств представляется наиболее актуальным для решения конкретных задач терминоведения. Выделим те аспекты характеристики терминов, которые составляют содержание системного описания элементов метаязыка той или иной области знания. Это состав терминологии, вопрос о степени сформированности качества терминов, мотивированность или немотивированность терминов, наличие — отсутствие явлений неоднозначности (вариантности) терминов как в плане содержания, так и выражения, применительно к нашему материалу группировка терминов по предметно-понятийным областям референции термина «функция» на соответствующих основаниях.

В качестве главных описательное терминоведение, с нашей точки зрения, имеет три задачи: во-первых, объективно и многоаспектно описать термины, в частности, оценить терминосистему с точки зрения ее оптимальности для оформляемой терминами концепции; во-вторых, создать термино-

графическое описание (словарь для терминосистемы); в-третьих, охарактеризовать термины и терминосистему по степени их сформированности.

Функциональная грамматика является одним из ведущих направлений современной лингвистики, она существует не одно десятилетие. Данное направление представлено многообразием школ как за рубежом, так и в России. Источниками нашего исследования служат наиболее известные теории функциональных грамматик отечественных и зарубежных исследователей — Н. А. Слюсаревой, А. В. Бондарко, Г. А. Золотовой, В. Матезиуса, С. Дика, М. А. К. Хэллидея³. Данные теории при всем их различии формируют единое направление. В связи с этим нами предпринята попытка осуществить общий анализ терминосистем избранных авторских концепций, их метаязыков.

Одним из главных критериев описания терминов на первом этапе представляется идеографический принцип. Базой идеографического описания терминов функциональной грамматики (ФГ) выступают в нашем описании три главные области, охватываемые термином «функция» в избранных нами трудах отечественных и зарубежных лингвистов: 1) речевая коммуникация в ее базовых формах и сферах общения людей, язык в целом; 2) высказывание (элементарное и неэлементарное) в синтаксическом, семантическом и прагматическом аспектах; 3) семантические (функциональные) категории языка и речи. В связи с актуальностью исследования названной проблематики, а также учитывая специфику материала исследования, представляется важным выполнить следующие задачи: 1. Осуществить логико-понятийный анализ терминосистем избранных нами авторов. 2. Произвести идеографическое описание терминов по предмет-

но-понятийным областям. 3. На этой основе составить терминографический словарь терминов применительно к разным концепциям функциональной грамматики. В связи с этими задачами важно рассмотреть имеющийся словарный потенциал в описании лингвистических терминов.

В описательном терминоведении уже имеется некоторый опыт описания лингвистических терминов. В частности, для нашего исследования небезынтересны методические рекомендации, содержащие схемы, демонстрирующие логические связи между понятиями и терминами раздела лексикологии вузовского курса современного литературного языка, составителями которых являются Н.А. Лукьянова, Н.П. Романова. Основополагающей идеей данных рекомендаций является «представление о терминологии раздела «Лексикология» (как и любого другого раздела языкознания и любого раздела другой науки) как о системе, т.е. целом, состоящем из связанных между собой элементов»⁴. Термин понимается как двусторонняя единица, поэтому связи между терминами устанавливаются через план содержания, т.е. через понятие. Авторы отмечают, что основным типом понятийных связей терминов является родо-видовой. Родо-видовые отношения могут охватывать значительные группы терминов. Но каждая такая система состоит из нескольких микросистем, или микроструктур (МС) — минимальной совокупности терминов, объединенных одним родовым термином.

В теоретическом терминоведении ставятся вопросы о «метаязыке, «метадиалекте» науки, о шкале сформированности качества термина. Эту проблему поднимают такие лингвисты, как О.С. Ахманова, Н.А. Слюсарева, Н.Б. Гвишиани, С.В. Гринев, К.Ю. Дибров и др. Описательное лингвистическое терминоведение предполагает описание терминов как элементов «метаязыков» и «метадиалектов» отдельных направлений, школ, авторских концепций.

Специфика лингвистического описательного терминоведения определяется несколькими моментами. Во-первых, лингвистика (языкознание) занимает особое место в системе гуманитарных наук. Во-вторых, в лингвистике, как и в ряде других гуманитарных и общественных наук, наблюдается многообразие направлений, школ, авторских теорий. В-третьих, очевидна специфика лингвистической терминографии, поскольку в языкознании в пределах направлений наблюдается множество школ и авторских концепций со своими терминосистемами, между которыми нет ни отношения полного различия, ни отношения полного тождества, многие из них имеют общие звенья со своими терминосистемами. Функциональная грамматика в этом смысле показательна.

Как отмечают ученые, характерной особенностью современных терминологических научных

словарей является смешанный тип макроструктуры и микроструктуры (использование в одном словаре филологического и энциклопедического, идеографического и алфавитного, исторического и дескриптивного описания)⁵.

Представляется необходимым анализ некоторых лингвистических терминологических словарей с целью выявления и описания имеющихся содержательных и функциональных аспектов описания лингвистических терминов.

Выделенные в словарях параметры терминографического описания терминов позволяют построить их типологию в виде обобщающей таблицы (табл. 1). Нами были проанализированы 7 лингвистических терминологических словарей⁶, которые содержат как английские, так и русские лингвистические термины, по наличию следующих компонентов: термин или заголовочное слово, источник происхождения, эквиваленты, определение / толкование, которое может содержать как цитату-определение, так и цитату-описание, видовые понятия, примеры / иллюстрации, отсылки, а также ссылки на использованную литературу. Эти компоненты мы выделяем как основные в указанных лингвистических словарях и в составленном нами комплексном словаре функциональной грамматики. Кроме них выделяются такие вспомогательные параметры, как транскрипция, стилистические пометы, помета о принадлежности к тому или иному варианту языка. Но поскольку, во-первых, в нашем исследовании мы имеем дело с терминами, которые, как известно, должны быть стилистически нейтральными, то помету о стилистических принадлежностях термина мы не выделяем. Во-вторых, наш словарь — одноязычный, поэтому нет необходимости отдельно приводить сведения, характерные для двуязычного словаря, например, транскрипцию. Цель таблицы — представить содержания словарных статей и их структурные компоненты в 7-ми специализированных лингвистических словарях. Таким образом, сосредоточившись на основных характеристиках термина, можно сказать следующее: в каждом словаре есть словарная статья, в которой содержится сам термин или заголовочное слово, во всех словарях, кроме «Англо-русского идеографического словаря» Т.И. Шаталовой, есть определения терминов или толкования, причем «Лингвистический словарь Пражской школы» Й. Вахека и «Словарь американской лингвистической терминологии» Э. Хэмпа включает в себя цитаты-определения и цитаты-описания; примеры содержатся в 5-ти словарях из 7-ми анализируемых. Кроме того, больше половины словарей (4) содержат эквиваленты (французский / английский / немецкий / испанский). Только в одном словаре — «Словарь-справочник лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя — указан источник происхождения

терминов. Ссылки на использованную литературу имеются в двух словарях: в «Словаре лингвистических терминов» Ж. Марузо и «Лингвистическом словаре пражской школы». Отсылки имеются в «Кратком словаре лингвистических терминов» Н.В. Васильевой, В.А. Виноградова, А.М. Шахнаровича, «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой, «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя, М.А. Теленковой, «Словаре лингвистических терминов» Ж. Марузо. Таким образом, проведенный анализ имеющихся терминологических словарей показывает, что единого типа словаря с комплексным и системным лексикографическим описанием терминологии какой-либо лингвистической школы как терминосистемы пока нет. Кроме того, имеющиеся словари содержат лингвистическую терминологическую лексику, в основном, до 60-х гг. XX века.

Для успешной реализации терминоведческого описания и оценки терминов и терминосистем необходимо воспользоваться определенными методами исследования. Поскольку существует множество лингвистических теорий, в нашем случае — теорий функциональной грамматики, то в этой связи задача терминоведа в данной области состоит в том, чтобы осуществить так называемую метатаксономию, т.е. взаимосопоставление значений терминов, употребляемых в разных лингвистических теориях с целью более полного понимания и терминов, и самих теорий⁷. Терминоведческое описание, по нашему мнению, включает в себя две ступени: 1) анализ теорий авторов; 2) анализ и оценку терминосистем, избранных для исследования авторских теорий. Поскольку мы имеем дело с номинациями, то, соответственно, мы имеем дело и со всеми методиками анализа номинаций, имеющимися в лингвистике, прежде всего ономаσιологическими и семасиологическими.

При изучении терминологии, при рассмотрении существующих законов образования новых наименований надо исходить из свойств вещи, которую следует именовать. При терминологической исследовательской работе, с точки зрения Л.А. Шкастовой, в основе должна быть точка зрения ономаσιологическая⁸.

Итак, к теоретическому терминоведению относится проблема методов описания терминов. Наше описание является комплексным, а это означает, что, кроме метатеоретического описания, мы учитываем существующие общие и частные методики.

К частным методикам, на наш взгляд, можно отнести метод определения термина по дефиниции, метод построения терминосистемы и определения места каждого термина в этой системе, идеографический метод, метод структурного анализа. К общим методикам, с нашей точки зрения, могут быть отнесены системно-парадигматический метод и сопоставительный метод.

Дефинитивный критерий играет значительную роль в определении базовых понятий той или иной области знания. В терминосистемах, избранных нами для исследования, часто дается своеобразная «авторская» дефиниция, которая не всегда соответствует требованиям, предъявляемым к дефиниции (по определению). Напомним, что дефиниция — это логическое определение понятия, установление содержания понятия, его отличительных признаков⁹. В авторских дефинициях могут быть не соблюдены все элементы, необходимые для точного и полного определения понятия.

Учитывая системность как неотъемлемое свойство термина, В.Д. Табанакова считает важным положение о том, что любое описание термина, включая и лексикографическое, должно основываться на предварительном логико-понятийном анализе терминосистемы¹⁰. Поэтому далее термины в нашем словаре каждой подобласти подвергаются жесткому логико-понятийному анализу. Например, во второй предметной области, обозначенной буквой Б, в подобласти Б₁ Залог термин «глагольный» (verbal) может иметь следующий вид:

Глагольный (Verbal)

Родовой: Глагол (Verb)

Синоним: Неличный (Non-Finite Form)

Видовой: Инфинитив (Infinitive), Герундий (Gerund), Причастие (Participle)

Для осуществления логико-понятийного анализа терминов, как было отмечено выше, нами выделены три предметные области, охватываемые термином «функция» в трудах зарубежных и отечественных ученых: 1) речевая коммуникация в ее базовых формах и сферах общения людей, язык в целом; 2) высказывание (элементарное и неэлементарное) в синтаксическом, семантическом и прагматическом аспектах; 3) семантические (функциональные) категории языка и речи. Данные предметные области мы обозначили заглавными буквами русского алфавита А, Б, В. Каждая предметная область, в свою очередь, подразделяется на подобласти, имеющие в нашей схеме последовательную нумерацию арабскими цифрами без точек. Например, **А Речевакоммуникация в ее базовых формах и сферах общения людей, язык в целом**

А 1 Функция

Составленная нами картотека специальных понятий и терминов с авторскими дефинициями, определениями терминов и информацией, полученной в результате сверки с имеющимися лингвистическими терминологическими словарями, рассматривается в понятийном аспекте. Это позволяет проследить логико-понятийные связи между членами описываемых терминосистем.

Имеются ли такие словари в практике описательного терминоведения? Яркий пример исполь-

зования идеографического принципа в терминографии — словарь Т.В. Шаталовой, который представляет собой первый опыт двуязычного идеографического словаря. Отличие идеографических словарей (словарей-тезаурусов) от традиционных словарей, составленных по алфавитному принципу, заключается в ином расположении заглавных слов: заглавные слова в идеографическом словаре расположены в тематически организованном порядке.

Классификация терминов, основанная на отношениях род-вид, позволяет, на наш взгляд, объективно выделить сходные базовые понятия в каждой предметной области, сгруппировать вокруг этих ядерных центров подчиненные им периферийные понятия и создать общую классификационную схему понятий в области функциональной грамматики или другой отрасли знания.

Остановимся на задуманных и реализованных нами типах словарей функциональной грамматики. Таких словарей несколько: 1) словник. В него включаются только лексические единицы, соответствующие принятому нами понятию термина, и терминосистемы, в которых согласно теме максимально полно отражаются явления отклонения от взаимно-однозначного соответствия термина и обозначаемых им понятия (понятий), при этом терминоединицы располагаются в алфавитном порядке; такой словарь назван нами алфавитно-толковым словарем терминов ФГ; 2) сводный идеографический (понятийный) словарь. В словниках даются характеристики терминов исходя из их морфолого-синтаксической структуры, т.е. учитывается структурная типология терминов: термины-слова, термины-словосочетания, причем данная характеристика дается по выделенным предметно-понятийным областям.

По критерию полноты представленной авторами классификации словарей лингвистической терминологии наш словарь является кратким. Следовательно, нужно ответить на вопрос, какие термины в него входят. Данная проблема отбора терминов решается довольно просто в случае полных отраслевых и узкоотраслевых словарей, одноязычных и многоязычных, поскольку в эти словари, по мнению В.М. Перервы, должны включаться все термины данной отрасли или узкой отрасли знания. В нашем же случае, когда словарь является даже не средним, а кратким, задача отбора терминов требует выработки четких объективных критериев.

На наш взгляд, в краткий словарь должны быть включены единицы строго отобранной функциональной терминологии, исключая термины смежных областей. Например, термин «система» не включается в словарь, поскольку он относится к общенаучным терминам. При этом мы следуем определению понятия «термин» и его обязательных характеристик. Кроме того, учитываем степень сформированности качества термина, т.е. исследу-

ем характеристики термина исходя из сформулированной нами шкалы степени сформированности качества термина и терминосистемы (ШССКТ).

В соответствии с характеристиками типа словаря разрабатывается и словарная статья. Словарная статья должна включать в себя все основные характеристики термина, а также отражать такие явления, которые расцениваются как нежелательные, но, тем не менее, существующие в терминосистемах: полисемия, синонимия, омонимия и др.

Поскольку основной частью в нашем комплексном словаре является идеографическая, то остановимся на описании словарной статьи данного типа. Она включает в себя заглавное слово, типы отношений: родовой, синонимический, видовой, характеристику и оценку термина по ШССКТ (коэффициент термина указывается после шкалы цифрой, выделенной курсивом). Если термин извлечен нами из теории зарубежного автора, то сначала дается русский эквивалент термина, его толкование на русском языке, а затем толкование на английском языке с указанием автора, года создания теории и номера страницы. Выделенные нами три предметные области, охватываемые термином «функция» в трудах, избранных нами для исследования, обозначаются тремя заглавными буквами русского алфавита без точки и выделяются жирным шрифтом с подчеркиванием **А Б В**. Заглавными буквами с арабскими цифрами обозначаются подобласти и выделяются жирным шрифтом без подчеркивания. Например, **Б 21**.

Таким образом, на наш взгляд, в словник необходимо включать единицы в соответствии с определением понятия «термин», сформулированным нами¹¹. В словнике максимально полно должны быть отражены явления отклонения от взаимнооднозначного соответствия термина и обозначаемых им понятий (понятия). Созданный нами сводный идеографический словарь терминов ФГ является комплексным: по тематической ориентации — узкоотраслевым; по числу представленных языков — одноязычным; по наличию толкований терминов — толковым; по специальному назначению — понятийным; по объему — кратким; в зависимости от тематического порядка — идеографическим. Сводный идеографический словарь терминов ФГ, извлеченных из трудов ведущих представителей функциональной грамматики, преследует не только репрезентативно-описательную цель, но и исследовательскую, т.к. он является апробацией шкалы степени сформированности качества термина (ШССКТ), а также практическую цель, т.е. представление специалистам некоторого массива терминов функциональной грамматики.

Приведем в качестве примера фрагмент сводного идеографического словаря терминов ФГ: у

словарной статьи есть название, соответствующее анализируемому термину, которое состоит из заглавной буквы русского алфавита, обозначающей понятийную область, цифры, обозначающей под-область, и, наконец, самого термина. Далее в статье дается характеристика гиперо-гипонимических отношений анализируемого термина в качестве реализации такого его качества, как системность. Затем следует анализ родовых и видовых терминов по параметрам ШССКТ с соответствующими баллами для каждого параметра. Сами параметры нумеруются арабскими цифрами по порядку: 1) системность; 2) дефинитивность; 3) мотивированность; 4) взаимно-однозначное соответствие термина и понятия; 5) краткость; 6) внедренность. Рядом с номером параметра проставляется балл, выраженный цифрой. После этого описания указывается коэффициент степени сформированности качества термина в сумме баллов (арабской цифрой, выделенной курсивом). Знак «-» после номера параметра свидетельствует об отсутствии у термина признака по какому-либо значению данного параметра. Параметр «дефинитивность» иллюстрируется фрагментом текста из авторской теории с указанием имени автора, года издания теории и номера страницы.

Б 16 Вид глагольный (verbal aspect)

Родовой: вид глагольный (verbal aspect)

Видовой: континуативный вид (continuative aspect), инхоативный вид (ingressive aspect), предельный вид (terminative aspect), сложный (complex), дуративный (cursive)

Вид глагольный (verbal action): 1) 3; 2) 3: вид глагольный определен выше как выражение образа действия, в котором говорящий постигает действие с точки зрения его течения. Verbal aspect has been defined above as the expression of the manner in which the speaker conceives an action with respect to its course (Mathesius 1975:68); 3) 2; 4) 2; 5) 1; 6) -; II.

Континуативный вид (continuative aspect): 1) 3; 2) 3: континуативный вид. Мы можем выразить действие глагола как что-то, что имеет место, т.е. с эмфазой на течение действия, не принимая во внимание его начало или конец. Это континуативный вид (Я несу, Я тяну). We can express verbal action as something that is taking place, i.e. with emphasis on the course of the action without regard to its beginning or end. This is the continuative aspect (nesu, tǫhnu [I am carrying, I am pulling]) (Mathesius 1975:69); 3) 2; 4) 2; 5) 1; 6) СЛТ; 12.

Инхоативный вид (ingressive aspect): 1) 3; 2) 3: инхоативный вид (см. определение континуативный вид; 3) 2: от лат. inchoativus обозначающий начало действия, начинательный (Дворецкий 1996:386); 3) 2; 4) 2; 5) 1; 6) ЛЭС, СЛТ; 12.

Предельный вид (terminative aspect): 1) 3; 2) 3: предельный вид... Или мы можем выделить начало действия (начинательный аспект: Армия выступила из города, Мальчик начал плакать), или финальную фазу глагольного действия (предельный вид: Армия вступила в город. Я закончил говорить). Or we may stress the beginning of the action (ingressive aspect: Hoch se rozplakal [The boy began to cry], or the final phase of verbal action (terminative aspect: Vojsko pušitǫhlo do mmsta, Domluvil jsem [The army marched into the town, I have finished speaking]) (Mathesius 1975:69); 3) 2: от лат. termination разграничение, определение (Дворецкий 1998:767); 4) 2; 5) 1; 6) СЛТ; 12.

Сложный (complex): 1) 3; 2) 3: сложный. Второе видовое отличие касается понятия действия глагола как факта или процесса. В предшествующем случае понятие является сложным, а в последнем — дуративным. Например: I remember having lent you the book и I remember lending you the book. Я помню, что дал вам эту книгу, и Я помню, что дал вам эту книгу. The second aspectual difference concerns the conception of the verbal action as a fact or a process. In former case the conception is complex, in the latter cursive. Compare, for example, the difference between Pamatuji se, ě jsem ti tu knihu puji [I remember having lent you the book] and Pamatuji se, ě jsem ti tu knihu puji oval [I remember lending you the book] (Mathesius 1975:69); 3) 2; 4) 2; 5) 1; 6) -; II.

Дуративный (cursive): 1) 3; 2) 3: дуративный (см. определение сложный); 3) 2; 4) 2; 5) 1; 6) СЛТ; 12.

Фрагмент Алфавитно-толковой части комплексного словаря:

Высказывание представляет собой минимальное единство, в пределах которого осуществляется функционирование языковых единиц в речи. Имеются в виду высказывания, равные речевой репрезентации предложения, сверхфразового единства или (в некоторых случаях) комплекса таких единств — в зависимости от границ относительно законченной реализации анализируемых функций (Бондарко 1987:8)

Г

Венеритивном регистре говорящий обобщает информацию, соотнося ее с универсальным опытом, охватывающим обозримую человеческим знанием протяженность линии Т1, и поднимаясь на высшую ступень абстракции от событийного времени и места (Золотова 1998:30).

Таким образом, важной проблемой описательного лингвистического терминоведения является составление словарей терминов и разработка принципов и типов такого рода словарей. Разработанная нами шкала степени сформированности качества термина (ШССКТ), на наш взгляд, может рассматриваться как один из необходимых и полезных инструментов представления качества терминов в словарях. В ее содержание мы включа-

ем 6 параметров характеристики термина: системность, дефинитивность, мотивированность, взаимнооднозначное соответствие термина и обозначаемого им понятия, краткость, внедренность, каждый из которых описывается условно выбранным количеством баллов — для идеального термина, поскольку значимость параметров неодинаковая. Для качества термина характерны 3 степени его сформированности и, соответственно, возможны 3 типа оценок в баллах: максимальная, средняя и минимальная. Максимальная — 3 балла, присваивается нами первому и второму параметрам, средняя — 2 балла, присваивается и третьему, и четвертому параметрам, минимальная — 1 балл, присваивается пятому и шестому параметрам.

За основу терминографического описания терминов ФГ мы принимаем следующие пять принципов составления сводного идеографического словаря терминов ФГ, извлеченных из трудов ве-

дущих представителей функциональной грамматики: 1) в словник включаются лексические единицы, соответствующие принятым определениям «термин», «терминосистема»; 2) в словнике максимально полно отражаются явления отклонения от взаимно-однозначного соответствия термина и обозначаемого им понятия; 3) лексикографическое описание термина должно максимально четко соответствовать параметрам избранного типа словаря; 4) каждый термин получает оценку в баллах по ШССКТ; 5) комплексность. Она заключается в наличии у словаря следующих признаков: тематическая ориентация — узкоотраслевой; число представленных языков — одноязычный (по необходимости дается перевод с английского на русский и указывается эквивалент термина); специальное назначение — понятийный; объем — краткий словарь; принцип группировки терминов — идеографический; наличие толкования терминов — толковый.

Приложение
Таблица 1

Словарные описания лингвистических терминов

Название словаря, автор	Содержание словарной статьи и ее структурные компоненты								
	Термин	Источник происхождения	Эквиваленты	Определение/ толкование		Видовые понятия	Примеры	Отсылки	Ссылки на авторов концепций
				Цитата-определение	Цитата-описание				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
"Словарь лингвистических терминов" О.С. Ахмановой	+	—	+	+	—	+	+	+	—
"Словарь лингвистических терминов" Ж. Марузо	+	—	+	+	—	+	+	+	—
"Словарь американской лингвистической терминологии" Э. Хэмпа	+	—	+	+	+	—	—	—	—
"Лингвистический словарь Пражской школы" Й. Вахека	+	—	+	+	+	—	—	—	+
"Краткий словарь лингвистических терминов" Н.В. Васильевой, В.А. Виноградова, А.М. Шахнаровича	+	—	—	+	—	—	+	+	—
"Словарь-справочник лингвистических терминов" Д.Э. Розенталя, М.А. Теленковой	+	+	—	+	—	+	+	+	—
"Англо-русский идеографический словарь" Т.И. Шаталовой	+	—	—	—	—	—	+	—	—

Расшифровка обозначений: Знак «плюс» («минус») указывает на реализацию (нереализацию) значения соответствующего компонента.

¹ Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: Учеб. пос. Изд. 2-е, испр. — М.: Эдиториал УРСС, 2003. — С. 90.

² См.: Алексеева Л.М. Проблемы термина и терминологии: Учеб. пос. по спецкурсу. — Пермь, 1998; Ахманова О.С., Тер-Мкртчян С.А. Научное определение как лингвистическая и семиотическая проблема // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. — Л., 1976; Баранов А.Н. Указ. соч.; Белый В.В. Структурная и семантическая характеристика терминов в современном русском языке (на материале лингвистических терминов): Автореф. дис... канд. филол. наук. — Л., 1982; Берков В.П. Заметки об определениях терминов в филологических и энциклопедических словарях // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. — Л., 1976; Волкова И.Е. Русская и английская понятийно-терминологические системы современной высшей школы в аспекте межкультурной коммуникации (на примере реализации в русско-английском словаре по высшему образованию): Автореф. дис... канд. филол. наук. — М., 2000; Володина М.Н. Термин как средство специальной информации. — М., 1996; Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах: Учеб. пос. — М., 1987; Гринева С.В. Введение в терминоведение. — М., 1993; Лейчик В.М. Типология словарей на пороге XXI века // Вестн. Междунар. Славян. ун-та. — Харьков, 1999. — Т. 2. — № 4; Ступин Л.П. Нормативность и лексикография // Проблемы лексикографии. — СПб., 1997; и др.

³ См.: Слюсарева Н.А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. — М., 1981; Слюсарева Н.А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. — М., 1986; Бондарко А.В. Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. — Л., 1987. — С. 3-39; она же. Временная локализованность // Там же. — С. 210-233; Слюсарева Н.А. Темпоральность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. — Л., 1990. — С. 5-58; она же. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. — СПб., 1996; Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М., 1998. — С. 3-478; *Mathesius V* (1928) "On linguistic characterology with illustrations from Modern English". In: *Actes* (1928), p. 56 – 63, Reprinted in Vachek (1964), 59 ff. *Mathesius V*. A Functional Analysis of Present Day English on a General Linguistic Basis. Ed. by Josef Vachek. Transl. By Libuse Duskova. Prague, Academia, 1975. 228 p; *Mathesius V* (1929): "Funkzioni Linguistika" [Functional linguistics]. Reprinted in *Mathesius* (1982a), p. 29-38; *Mathesius V* (1982 b): "Koreny meho lingvistickeho mysleni" [The sources of my linguistic thought]. In: *Mathesius* (1982a), p. 435-438; According to V. Mathesius correspondence, written about 1944; *Dik Simon C*. Studies in Functional Grammar. London. Academic Press, 1980. XI, 245 p; она же. *Jadranka Gvozanovič* "Subject and Object in Functional Grammar", in Hoekstra et al. (eds), 1981. P. 21-39; она же. Some Principles of Functional Grammar // *Functionalism in Linguistics*. Ed. by Renй Dirven. Amsterdam, 1987. P. 81-89; она же. The Theory of Functional Grammar. Part I: The structure of the clause. Dordrecht: Foris, 1989; она же. Some Developments in Functional Grammar: Predicate

Formation // *Contemporary Dutch Linguistics*. Wash, 1990. P. 58–79; *Halliday M.A.K.* Categories of the Theory of Grammar. *Word*, 17. 1961, № 3. P. 241-292; она же. Explorations in the Functions of Language. London: Arnold, 1973. 140 p; она же. System and Function in Language. Selected Papers. Ed. by G. R. Kress. London: Oxford Univ. Press. 1976. 250 p; она же. Language as Social Semiotic. The Social Interpretation of Language and Meaning. Printed in G. B. By the Pitman Press. Bath. London, 1978. 256 p; она же. An Introduction to Functional Grammar. London etc.: Arnold, 1985. 385 p; она же. Language in a Changing World (Occasional Papers Number 13). Caubera: Applied Linguistics Association of Australia), 1992.

⁴ Схематизация терминов и понятий лексикологии (на материале вузовского курса «Современный русский литературный язык»): Методические рекомендации / Составители: Н.А. Лукьянова, Н.И. Романова. — Новосибирск, 1993. — 48 с.

⁵ См.: Табанакова В.Д. Идеографическое описание научной терминологии. — Тюмень, 1999. — С. 132.

⁶ См.: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. — М., 1966 (Изд. 2-е, 1969). — 607 с.; Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов: Пер. с франц. Н.Д. Андреева / Под ред. А.А. Реформатского. Предисл. В.А. Звегинцева. — М., 1960. — 436 с.; Хэмт Э. Словарь американской лингвистической терминологии: Пер. с англ. и дополнения Вяч. В. Иванова / Под ред. В.А. Звегинцева — М., 1964. — 263 с.; Вахек Й. Лингвистический словарь Пражской школы: Пер. с франц., нем., англ. и чеш. И.А. Мельчука и В.З. Санникова / Под ред. и предисл. А.А. Реформатского. — М., 1964. — 359 с.; Васильева Н.В., В.А. Виноградов, А.М. Шахнарович. Краткий словарь лингвистических терминов. — М., 1995. — 176 с.; Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. — Изд. 3-е, испр. и доп. — М., 1985. — 399 с.; Шаталова Т.И. Англо-русский идеографический словарь. — М., 1993.

⁷ См.: Головин Б.Н. Лингвистические термины и лингвистические идеи // Вопросы языкознания. — 1976. — № 3. — С. 20-34; она же. О предметной отнесенности терминов «языковая семантика предложения» и «смысл высказывания» // Термин и слово: Межвуз. сб. — Горький. 1983. — С. 3-11; Гвишиани Н.Б. К вопросу о метаязыке языкознания // Вопросы языкознания. — 1983. — № 2. — С. 64-72; Слюсарева Н.А. Терминология лингвистики и метаязыковая функция языка // Вопросы языкознания. — 1979. — С. 69-75.

⁸ См.: Шкатова Л.А. Развитие ономастических структур (на примере наименования лиц по профессии в русском языке). — Иркутск, 1984. — С. 17.

⁹ См.: Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Указ. соч. — С. 62.

¹⁰ Табанакова В.Д. Указ. соч. — С. 3-4.

¹¹ Термин — это языковой знак (слово или словосочетание), обладающий специфической номинативной и дефинитивной функциями и отражающий по своему денотативному и сигнификативному содержанию место обозначаемого понятия в системе понятий науки (той или иной отрасли знания, направления, школы, авторской теории) и в соответствующей терминосистеме.

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ И ИХ СМЫСЛОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Т. И. Слугевич

В данной работе делается попытка проанализировать основные пути появления юридических терминов. Это важно, т.к. юридическая наука постоянно развивается, появляются новые направления в юриспруденции, растет роль международного права. Поскольку английский язык является языком коммуникации, возникает необходимость появления более полных англо-русских и русско-английских словарей юридических терминов. Словарь "Osborne's Concise Law Dictionary" издан 8 раз и дополнен новыми терминами, что свидетельствует о росте в этой области терминологии.

Что означают понятия "термин", "терминология"? Ученые дают похожие определения, наиболее удачными из которых представляются следующие. "Термин" означает "слово или словосочетание специального языка, создаваемого для точного выражения социального понятия и обозначения специального предмета"¹. "Терминология" — совокупность терминов данной области знания, производства, деятельности"².

Как появляются термины? Автором может быть один человек, изобретатель в той либо иной сфере или группа ученых. Это могут быть переводчики, преподаватели — лица, передающие информацию и не участвующие непосредственно в создании терминов, а также логики, лингвисты, потребители терминов. Что касается юридических терминов, то Энциклопедический юридический словарь в словарной статье "Юридическая техника" определяет их как "словесные обозначения государственных правовых понятий, с помощью которых выражается и закрепляется содержание нормативно-правовых предписаний государства". Многие ученые, среди которых А.В. Суперанская, В.П. Даниленко, А.А. Реформатский, выделяют следующие способы пополнения юридической терминологии: терминологизация, заимствования, словообразование, возникновение терминов на базе греко-латинских терминологических элементов. Наиболее продуктивными способами являются словообразование и терминологизация.

I. Терминологизация — использование для обозначения научного понятия слова общеупотребительного языка, перевод его в разряд терминов. Многие слова приобретают совершенно новое значение.

1) bill — счет, программа.

bill (юрид.) — иск, петиция, судебный приказ.

2) embrace — обнимать.

embrace (юрид.) — пытаться повлиять на судей путем подкупа.

В юридической лексике может встретиться так называемая транстерминологизация, когда термин одной области знаний переходит в сферу другой науки, т.к. происходит взаимодействие между различными науками.

1) abate (юрид.) — аннулировать решение суда
abate (сталеплавильная отрасль) — отпускать сталь

2) court (юрид.) — суд

court (спорт.) — корт

Терминологизация является очень важной для юридической терминологии, примерно 45% терминов образуются таким образом.

II. Словообразование — второй, наиболее продуктивный способ образования юридических терминов. Оно подчиняется тем же закономерностям, что и словообразование в целом.

Большое число суффиксов и префиксов входит в состав словообразовательных моделей юридических терминов: -ed, -ment, -al, -er, -tion, -ity, -ant, -al, -ing, re-, il-, dis-.

Наиболее распространенными моделями являются следующие:

Глагол + суффикс = существительное

Appointment (appoint+ment) — распределение наследственного имущества по доверенности,

betrayal (betray+al) — измена, предательство,
cancelling (cancel+ing) — отмена, аннулирование.

Существительное + суффикс = прилагательное

Conventional (convention + al) — основанный на договоре, guiltless (guilt+less) — невиновный.

Прилагательное + суффикс = глагол

Legalize (legal + ize) — узаконивать, invalidate (invalid + ate) — делать юридически недействительным.

Суффиксально-аффиксальный способ является также важным для пополнения юридической терминологии.

Misstatement (miss + state + ment) — ложное заявление, rehearing (re + hear + ing) — новое слушание дела.

III. Юридическая терминология может пополняться и за счет заимствований. Заимствования из других языков возникают тогда, когда в языке-пере-

воде отсутствуют слова, имеющиеся в языке-источнике. В юридической терминологии большинство слов заимствовано из латыни, т.к. основы юридической науки были заложены еще в Древнем Риме. Римское право представляло собой хорошо развитую систему законов, было основано на равенстве частных лиц, участвовавших в правоприменении. Римское право является классической частью мировой культуры, оно обогатило современный юридический язык, создало базу для терминовторчества.

Интересна жизнь заимствованных терминов в заимствовавшем их языке. Многие термины под влиянием системы, в которую они вошли, претерпевают значительные фонетико-грамматические и даже семантические изменения, т.е. происходит процесс ассимиляции. Заимствование лексики может происходить устным и письменным путем. Слова, заимствованные письменно, дольше сохраняют свои фонетические, орфографические и грамматические особенности. В случае заимствования устным путем слова быстрее полностью ассимилируются в языке.

verdict (приговор), auditor (судебный чиновник, выводящий итог взаимных расчетов между сторонами по делу), civilian (гражданское население) — примеры фонетической ассимиляции.

Есть в юридической терминологии так называемые варваризмы, неассимилированные слова, они составляют 10% от общего числа юридических терминов: de facto (фактически), de jure (юридически), de caputo (судебный приказ о выполнении счета), reditus (доход), res contraversa (противоречащие обстоятельства).

В последнее время в английском языке расширение юридической терминологии все реже происходит за счет заимствований. Английский язык приобрел статус языка общения XX века, стал языком не столько “принимаящим”, сколько “дающим”.

IV. Следующий способ расширения юридической терминологии — терминопобразование на базе греко-латинских терминов. Терминоэлементы — это компоненты, выделяемые в составе термина³. Греко-латинские терминовэлементы не принадлежат к живому языку, всего лишь образуют каркас, помогают создать новый термин. Обычно мы не делим термин на корень, префикс, суффикс, если он образован из греко-латинских терминовэлементов. Терминовэлементы бывают смысловые и служебные.

Смысловые происходят от латинского и греческого языков, сохраняя в какой-то степени их лексическое значение. Как правило, они образуются от имени существительного, прилагательного, числительного, наречия или глагола и подвергаются в заимствовавшем языке незначительной адаптации.

dactylography (grapho — пишу, черчу) — дактилоскопия, limitations (limes — межа, граница) — исковая давность.

Служебные терминовэлементы — это суффиксы и префиксы латинского и греческого языков, они приобретают новое терминологическое значение, сочетаясь с элементами английского языка. Чаще всего встречаются префиксы: anti-, co-, de-, dis-, extra-, inter-, mis-, re-.

Anticivic (противогражданский), correspondent (советчик в делах о расторжении брака), dispossess (лишать владения), extradition (выдача преступника одним штатом другому), misappropriate (незаконно завладеть), re-enact (повторно устанавливать в законодательном порядке), rehabilitate (восстанавливать в правах).

Такие термины составляют 15% юридической лексики и встречаются чаще, чем терминовэлементы, образованные с помощью смысловых терминовэлементов.

Среди юридических терминов встречаются такие, которые образовались путем словосложения. Чаще всего это термины, состоящие из двух существительных: law-list (ежегодный юридический справочник), law-breaker (правонарушитель), jury-box (скамья присяжных), court-room (зал судебного заседания).

Роль этого способа образования юридических терминов невелика.

К нерегулярным способам можно отнести также сокращения терминов, как “тенденцию к рационализации языка, экономии языковых усилий”⁴. Например: CID (Criminal Investigation Department) — отдел уголовного розыска, FBI (Federal Bureau of Investigation) — Федеральное бюро расследований, MP (Military Police) — военная полиция, anon — (anonymus) — анонимный, rec. (record) — протокол.

Юридические термины подвержены омонимии, синонимии, антонимии, полисемии.

В юридической терминологии наиболее часто встречающимся видом омонимии является омонимия слов внутри специальной лексики или межотраслевая омонимия.

Body — (юр.) юридическое лицо,
(воен.) главные силы
oath — (юр.) присяга в суде
(богосл.) богохульство

Синонимия в юридической специальной лексике представлена гораздо уже, чем омонимия.

Адвокат — counsel, lawyer, attorney.

Заседание суда — session, sitting.

Тюрьма — prison, jail.

Антонимы в юридической терминологии — редкое явление.

Counsel for the defence — защитник.

Counsel for the prosecution — обвинитель.

Антоним может образоваться в результате присоединения к одному и тому же корню отрицательного суффикса или префикса.

Legality — illigality; inheritance — disinheritance, law — lawfulness .

Полисемия — наиболее нежелательное явление для юридических терминов, т.к. основным требованием, предъявляемым к термину, является однозначность.

Appellor — 1) лицо, обвиняющее кого-либо, 2) преступник, изобличающий своих товарищей.

Complaint — 1) иск, 2) жалоба, 3) официальное обвинение, 4) претензия, 5) рекламация.

К сожалению, требование однозначности полной мере и порождает один из недостатков юридической терминологии: двойное или более обозначение одного и того же понятия и, как следствие, порождается невозможность четкой и правильной интерпретации текста закона. Юриспруденция,

может быть, даже более чем любая другая наука оперирует правовыми понятиями, которые в идеале должны быть ясны рядовым гражданам. Однако мышление и процесс усвоения мира создают новые понятия, требуют изменения границ сложившихся понятий, точность и однозначность их бывают временны и непрочны. Юридическая терминология является частью общелитературного языка, она подвержена всем процессам, которые в нем происходят.

¹ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. — М., 1966. — С. 678.

² Розенталь Д.Э. Словарь — справочник лингвистических терминов. — М., 1979. — С. 246.

³ См.: Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. — М., 1961. — С. 56.

⁴ Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. — М., 1960. — С. 12.

РАЗВИТИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ НОРМАЛИЗОВАННОЙ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ НИДЕРЛАНДСКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ ТЕОРИИ ПИСЬМА И ТЕОРИИ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

В.В. Попков

В истории развития нидерландского языка различают три периода: древнидерландский (IX — XI вв.), среднидерландский (XII — XV вв.) и новонидерландский (с XVI века).

Невозможно судить о степени развития как фонологической, так и графико-орфографической систем нидерландского языка древнего периода, поскольку не сохранилось письменно-литературных памятников той эпохи. Древнейшими опосредованными свидетельствами существования западного варианта древненижнефранкского языка являются глоссы и топонимы VII — X веков, одно изолированное предложение XI века, текст перевода “Вахтендонкских псалмов” (IX — X вв.) на восточном варианте древненижнефранкского диалекта.

Нидерландский язык фактически сформировался в средние века на основе племенных диалектов салических франков (западный вариант нижнефранкского языка) в процессе их взаимодействия с фризскими и саксонскими племенными диалектами.

Среднидерландский язык представлен достаточным количеством текстов (юридические гра-

моты, тексты *J. van Marlant*'а, рыцарские романы и животный эпос “О лисе Рейнарде”), благодаря которым выделяются два основных его варианта:

1. Ведущий *южно-нидерландский (фламандско-брабантский)*, характеризующийся в области консонантизма наличием звонких щелевых [v] V, [z] Z, [ɣ] G, регламентированно закрепленных на письме; неустойчивостью интервокального [d] D (напр.: ср.-нид., нид. *weer* ‘погода’, *broer* ‘брат’, *neer* ‘низ’ — др.-нид., ср.-нид. *weder*, *broeder*, *neder*); вокализацией [a] AL, [o] OL перед [d] D, [t] T в [ou] OU (напр.: нид. *oud* вм. прежнего *ald*); [f] FT > [xt] CHT, [sk] SK > [sx] SCH; устойчивостью конечного [n] N в безударной позиции, закрепленной на письме (это свойственно только фламандской подсистеме южно-нидерландского варианта среднидерландского языка). Необходимо отметить, что в системе согласных современного нидерландского языка преобладают вышеперечисленные черты южно-нидерландского консонантизма.

2. *Северо-нидерландский*, характеризующийся лабиодентальным, а не билабиальным характе-

ром артикуляции полугласного [w] **W, WH**; устойчивостью фарингального [h] **H** (напр.: нид. **horen** [ˈhoːrə] ‘слышать’); палатализацией согласных [k] > [ç], [y] > [j]. Данные северо-нидерландские черты присутствуют в консонантной системе современного нидерландского языка, они закреплены в орфографии последнего.

Гетерогенный характер современного нидерландского языка в целом и его орфографической системы в частности подтверждается следующими фактами:

1) свойственное южно-нидерландскому написанию без интервокального [d] **D** присуще публицистике, эпистолярному жанру и т.д., но свойственное северо-нидерландскому варианту, несинкопированное написание присутствует в книжном архаизированном стиле нидерландского языка;

2) устойчивость конечного [n] **N** в неударных слогах (фламандская черта) является орфографическим признаком неударных флексий, но в устно-разговорной речи наблюдается апокопа [n] в данной позиции (брабантская, северо-нидерландская черта) (напр.: нид. **neven** [ˈneːvən] ‘племянник’, **heden** [ˈheːdə] ‘сегодня’);

3) в XVI–XVIII веках произошло вытеснение узких вариантов [iː] **I** и [uː] **U** из письменного-литературного языка и закрепление ведущих южно-нидерландских широких [eː] **E** и [oː] **O**, т.к. [iː] > [eː], [uː] > [oː], но в литературном нидерландском языке присутствуют специфические голландские, точнее – северо-нидерландские, “реликты” (напр.: нид. **gisteren** [ˈɡiːstərən] ‘вчера’, **turf** [ˈtuː(r)f] ‘торф’ и т.д.);

4) **AU** [au] > **O** [oː] (фламандско-брабантская черта), **O** [oː] > **OE** [uː] (брабантская черта). Обе эволюции долгих гласных и их графические обозначения представлены в нидерландском языке.

Оттеснены в диалектную сферу, не входят в норму современного литературного языка типичные голландские черты:

1) апокопа конечного [t] **T**;

2) выпадение [n] перед спирантами [ʃ], [s], [d];

3) отсутствие вокализации [aɪ] и [oɪ] перед [d] **D** и [t] **T**;

4) не претерпевшие изменений [ft] **FT** и [sk] **SK**;

5) и в устной речи, и на письме в безударном слоге конечный звук [n] **N** апокопирован.

Все приведенные примеры присутствуют в африкаансе и являются наиболее яркими фонетико-орфографическими показателями его отличия от современного нидерландского языка. (Подробнее см.: Миронов С.А. Язык африкаанс. — М., 1969).

Что касается основного принципа орфографии нидерландского языка, то его проявление возможно проследить на материале орфографической реформы.

В 1947 г. была проведена глобальная орфографическая реформа нидерландского языка. В качестве основного принципа реформирования графико-орфографической системы был взят *фонетический принцип*. Основные пункты реформы нидерландской орфографии и графики таковы:

1) краткие гласные [a], [ɛ], [i], [ɔ], [ɨ] в закрытом слоге обозначаются одной, соответствующей звуку, буквой (напр.: нид. **tal** [tal] ‘число’, **en** [ɛn] ‘и’, **lid** [lid] ‘член’, **bot** [bɔt] ‘бомба’, **dun** [dʏn] ‘тонкий’);

2) в закрытом слоге полудолгие гласные [ɑ], [eː], [oː], [yː] (долгие [ɑː], [eː], [oː], [yː] перед [r] **R**) обозначаются удвоенной графемой, соответствующей данному звуку (напр.: нид. **taal** [taːl] ‘речь’, **boom** [boːm] ‘дерево’), а в открытом слоге – одной графемой (напр.: нид. **talen** [ˈtaːlə] ‘речи’, **bomen** [ˈboːmə] ‘деревья’);

3) в односложных словах конечное [eː] на письме обозначается диграфом **EE** (напр.: нид. **zee** [zeː] ‘море’, **slee** [sleː] ‘сани’, **thee** [teː] ‘чай’);

4) как в закрытом, так и в открытом слоге полудолгие гласные [iː], [uː], [øː] (долгие [iː], [uː], [øː] перед [r] **R**) обозначаются соответственно диграфами **IE**, **EU**, **OE** (напр.: нид. **fiets** [fiːts] ‘велосипед’ — **fietsen** [ˈfiːtsən] ‘велосипеды’, **deur** [døːr] ‘дверь’ — **deuren** [ˈdøːrən] ‘двери’, **boek** [buːk] ‘книга’ — **boeken** [ˈbuːkən] ‘книги’). Исключения: нид. **neuriën** ‘напевать’, **ruziën** ‘задирать’, в заимствованиях **januari** ‘январь’, **familie** ‘семья, фамилия’, **liter** ‘литр’, слова с морфемой **-isch**.

5) упорядочено обозначение на письме кратких и полудолгих дифтонгов;

6) [z] > [s], [v] > [ʃ] перед согласными или на конце слова, что отражается на письме (напр.: нид. **lezen** ‘читать’ — **leest** ‘читайте’, **lees** ‘читай’; нид. **leven** ‘жить’ — **leefde** ‘жил’, **leef** ‘живи’);

7) [s] > [z], [ʃ] > [v] между гласными, первая из которых полудолгая, или между дифтонгом и гласным. Озвончение отражается орфографически (напр.: нид. **huis** ‘дом’ — **huizen** ‘дома’; нид. **neef** ‘племянник’ — **neven** ‘племянники’). Исключения: нид. **dans** ‘танец’ — **dansen** ‘танцы’, **kaars** ‘свеча’ — **kaarsen** ‘свечи’ и несколько др.

8) в середине и конце слова **SCH** [s] > **S** [s] (напр.: нид. **wens** ‘желание’ вм. прежнего **wensch**, **mens** ‘человек’ вм. прежнего **mensch** и др.). Исключения составляют заимствованные слова с морфемой — **isch** [-iːs] (напр.: нид. **Russisch** ‘русский’).

9) [ɣ] обозначается графемой **G** (напр.: нид. **leger** [ˈleːɣər] ‘армия’), а [x] — буквосочетанием **CH** (напр.: нид. **pochen** [ˈpɔxən] ‘хвастать’).

Итогом проведенной орфографической реформы нидерландского языка, основывавшейся, как отмечалось выше, на *фонетическом / фонематическом принципе*; явилось значительное упрощение написания, сокращение числа орфографических исключений, упорядочение обозначения

монофтонгов и (что особенно важно) дифтонгов нидерландского языка на письме.

После реформы орфографии 1947 г. и последующих преобразований фонемы нидерландского языка имеют следующие буквенные обозначения:

<p> P; PP
 B; BB
 <t> T; TT; TH
 <d> D; DD
 <k> C; CC; CH; K; KK; QU;
 <m> M; MM
 <n> N; NN
 <ŋ> GN; NJ
 <f> F; FF
 <v> V
 <x> CH
 <y> G; GG
 <h> H
 <s> C; 3; S; SCH; SS; T; X
 <z> S; Z
 <w> W; WH
 <j> J; LL
 <l> L; LL
 <r> R; RR
 <i· > I; IE; IJ; Y
 <y· > U; U
 <u· > OE; OU
 <ø· > EU
 <e· > AE; E; EE;
 <ε> E
 <Λ> U
 <o· > AU; EAU; O; OO
 <ɔ> O
 <a· > A; AA
 <a> A
 <a· l> AAI
 <o· l> OOI
 <u· l> OEI
 <e· u> EEU
 <i· u> IEU
 <y· u> UW
 <εl> EI; IJ
 <Λl> UI
 <ɔu> AU; OU

Итак, подведем итоги, касающиеся фонетики, графики и орфографии современного нидерландского языка.

1. Некоторые типичные голландские черты из области фонетики (а значит, и графики) не вошли в норму современного литературного нидерландского языка и были оттеснены в диалектную сферу.

2. Вокальные фонемы и дифтонги нидерландского языка могут быть либо краткими, либо полудолгими. Другая особенность этого языка — отсутствие в его фонемном составе заднеязычной, смычной, шумной, звонкой фонемы <g>.

3. Реформа нидерландской орфографии 1947 г. основывалась на фонетическом принципе, но традиционные и символические написания остаются присущими постреформенной графико-орфографической системе *Nederlandse Taal*.

4. Итогом проведенной орфографической реформы явилось значительное упрощение написания, сокращение числа орфографических исключений, упорядочение обозначения на письме монофтонгов и дифтонгов нидерландского языка.

Обратимся к графико-орфографической интерференции иноязычных заимствований в голландском языке.

В современном нидерландском языке иноязычные слова, если они не являются старыми заимствованиями, обычно *сохраняют присущее им написание* (напр.: нид. **cadeau** ‘подарок’, **niveau** ‘уровень’, **coiffeur** ‘парикмахер’ — фр. **cadeau**, **niveau**, **coiffeur**; нид. **cocktail** ‘коктейль, смесь’, **rail** ‘рельс’, **whist** ‘вист’, **whisky** ‘виски’, **baby** ‘ребенок, малыш’ — англ. **cocktail**, **rail**, **whist**, **whisky**, **baby**; нид. **schablon** ‘шаблон’, **freule** ‘барышня’ — нем. **Schablon**, **Freule**).

Но в нидерландской графико-орфографической системе допустимы графические варианты (напр.: нид. **cadeau / kado** ‘подарок’, **rail / reel** ‘рельс’, **schablon / sjablon** ‘шаблон’, **theater / teater** ‘театр’, **quota / kwota** ‘квота’, **fase / faze** ‘фаза, этап’, **commandeur / kommandeur** ‘начальник, глава’, **succes / sukses** ‘успех’, где первый вариант исконен, а второй продиктован нидерландской графикой (ср. **kwartet** ‘квартет’, **biljet** ‘билет’, **kroniek** ‘хроника’, **saucijs** ‘сосиска’ — упрочившиеся нидерландские орфографические безвариантные формы заимствований).

В орфографии заимствований нидерландцам приходится применять *символические написания*, оформляемые при помощи диакритических знаков (напр.: нид. **aërostatica** <ae...> ‘аэростатика’; нид. **praefix / prefix** <pre·...> ‘приставка, префикс’; нид. **cocaïne** <'ko·ka·i·nē> ‘кокаин’ — нид. **ai!** <a·l> ‘ай!’; нид. **facade** <fa·sa·dē> ‘фасад, внешний вид’ — нид. **cultuur** <'kʌlty:r> ‘культура’ и т.д.).

Особенностью фонетического усвоения заимствований нидерландским языком является последовательная передача *исконного фонемного состава* слов, причем очень часто фонемы, встречающиеся в иноязычных словоформах, присутствуют в фонологической системе *Nederlandse Taal*.

Рассмотрим группу фонем, встречающихся только в заимствованиях:

<ʃ>	CH	chef	‘начальник’	<ʃef>
	SCH	schablon	‘шаблон’	<'ʃablɔn>
	SH	shock	‘шок’	<ʃɔk>
	SJ	sjaal	‘шаль’	<ʃa·l>
<ʒ>	J	journaal	‘газета’	<ʒu'r'na:l>
	G	genie	‘гений’	<ʒe'ni>

<ʃ>	TSJ	Tsjech	‘чех’	<ʃɛx>
<ɔ>	T	revolutie	‘революция’	<reˈvoˈlyːci>
<ɛː>	Ē	aërostatica	‘аэростатика’	<æ:roˈstatiːka>
	AI	militaire	‘военный’	<miˈliːtɛ:r>
	E	misere	‘нищета’	<miːzɛ:r>
<ã>	AN	volant	‘оборка’	<voˈlã>
	EN	entree	‘вход’	<ãˈtreː>
<ɛ>	IN	dessin	‘рисунок’	<leːɛs>
<æ>	UM	parfum	‘духи’	<parˈfæ>
<æː>	EU	freule	‘барышня’	<fræ:l>
<ɔ>	ON	bon	‘хороший’	<bɔ>
<ɔː>	O	store	‘лавка’	<stɔː>

Суммируя вышеизложенное, можно привести некую типологию способов усвоения нидерландским языком заимствований на графико-орфографическом и фонологическом уровнях:

Нидерландский пример *последовательного фонологического орфографического заимствования*: фр. *chanson* <ʃãˈsɔ̃> ‘песня’ — нид. *chanson* <ʃãˈsɔ̃>. Наблюдается полная адекватность передачи фонемного и графемного составов словоформы. Хотя читаемая последовательно по-нидерландски, данная словоформа должна иметь следующий фонемный состав — *chanson* <kanˈsɔ̃n, xanˈsɔ̃n>; нидерландский диаграфический вариант выглядел бы так — *sjangsong* <ʃa.ŋˈsɔ̃ŋ, ʃãˈsɔ̃>.

Нидерландский пример *последовательного вариантного орфографического заимствования*: фр. *cadeau* <kaˈdo> ‘подарок’ — нид. *cadeau* / *kado* <kaˈdo>; англ. *rail* <reil> ‘рельс’ — нид. *rail* / *reel* <reˈl>. Нельзя сказать с уверенностью, какому графическому варианту — исконному или нидерландскому — отдадут предпочтение голландцы. Проблемы социолингвистического характера в этой работе не рассматриваются, хотя представляют для автора неоспоримый научный интерес. *Случаи орфографической вариантности* в первую очередь связаны с осознанием нидерландцами “некогда иноязычных” слов как “своих”.

В группе старых заимствований, наряду с орфографической вариантностью, наблюдается изме-

нение фонемного состава словоформ с учетом нидерландской фонологической системы в целом и свойственных ей позиционных реализаций фонем в частности.

Нидерландский пример *диаграфо-диафонического усвоения заимствования*: фр. *saucisse* <soˈsis> ‘сосиска’ — нид. *saucijs* <soˈsɛls>. Этот тип усвоения иноязычной лексики встречается довольно редко благодаря “использованию” в заимствованных словах нидерландской системой исконных, не присущих ей фонем, как правило, передаваемых на письме неинтерференционно, т.е. наблюдается также сохранение исконного графико-орфографического облика иноязычной словоформы. Нидерландское диафоническое усвоение в данном случае обусловлено позиционно — в сильной позиции под ударением в *Nederlandse Taal* всегда выступает либо дифтонг, либо долгий гласный; здесь предпочтение отдано нидерландскому дифтонгу <ɛl>, передаваемому графемами **IJ**. Французское непронимое **E** в позиции конца слова отсутствует в нидерландском типе. Фактически только эти два изменения и являются интерференционными чертами (нидерландская <oˈ> **AU** по качеству совпадает с французской <o> **AU**, а количественная характеристика фонемы <oˈ> обусловлена спецификой нидерландской вокальной фонологической системы — <uˈ>, <øˈ>, <eˈ>, <oˈ>, <ɑˈ> могут быть или полудолгими, или долгими в зависимости от позиционного окружения).

Итак, применительно к орфографии заимствований в современном нидерландском языке можно сделать вывод: орфография заимствованного слова в большинстве случаев остается исконной. Исконный фонемный состав слова, как правило, также не подвергается диафонии.

Диаграфический и диафонический варианты заимствования могут наблюдаться лишь у слов частопотребимых или осознаваемых как “собственно нидерландские”, “исконно нидерландские” по причине их долгого бытования в нидерландском языке.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ВОЕННО-ПОЛИЦЕЙСКОЙ ЭМОЦИОНАЛЬНО ОКРАШЕННОЙ ЛЕКСИКИ

Е. Е. Минеева

Одним из сложных видов деятельности является перевод текстового материала профессиональной направленности. В частности, в текстах на во-

енно-полицейскую тематику встречаются выражения, перевод которых характеризуется специфическими трудностями, в основном, стилистического

характера. Трудности возникают в связи с недостаточно ясной или скрытой мотивированностью их лексико-фразеологических единиц. Такие слова и словосочетания называются эмоционально окрашенными.

“Под эмоциональной окраской подразумевается связанное со значением слова эмоциональное отношение к понятию, названному данным словом. Под “эмоционально окрашенными” следует понимать слова и словосочетания, окраска которых отличается от “эмоционально нейтральных” единиц”¹.

Такие слова и выражения возникают как результат действия определенных общих причин, вызывающих образование эмоционально окрашенных экспрессивных элементов в языке. Различаются, во-первых, широко употребительные и общеизвестные эмоционально окрашенные слова и словосочетания (например, *GI* – рядовой солдат полиции) и, во-вторых, узкоупотребительные и малоизвестные (например, *policeman's truncheon* [полицейская дубинка] *шутл.* ручная граната с длинной ручкой). Эти две подгруппы включают почти все категории эмоционально окрашенной лексики, имеющиеся в общенародном языке.

Со стилистической точки зрения, к первой подгруппе относится лексика литературного происхождения и характера, а ко второй — разговорная лексика и сленг. *Сленг* — это *нелитературная лексика, т. е. слова и словосочетания, находящиеся за пределами литературного языка*². Военный сленг употребляется не только в устной речи (знание особенностей и владение которой необходимо для переводчика), но и в литературе. Он встречается в американской и английской военной публицистике, иногда даже в уставах, часто употребляется в личной переписке военнослужащих, их дневниках и т. д. Военный сленг является разновидностью так называемого профессионального сленга, в состав которого входит просторечная лексика и жаргонизмы.

Известен случай, когда переводчик, пригласивший группу американцев совершить прогулку по городу словами: “*Now I'll take you for a ride*”, вызвал непонятное ему оживление и смех. Оказалось, что это выражение в жаргоне американских гангстеров означает “*похищение жертвы и убийство (обычно за пределами города)*”.

Некоторые лингвисты отмечают, что перевод отдельных составных единиц любого контекста должен производиться с учетом всего комплекса материала, а не отдельно. Важно не частное, формальное, а общее, функциональное стилистическое соответствие. При этом следует помнить, что одни и те же виды языковых стилей имеют различные нормы в русском и английском языках. Поэтому при переводе экспрессивных и эмоционально окрашенных слов и выражений не всегда приходится переводить каждое слово, точно передавая его эмоцио-

нальную и стилистическую окраску, так как конечный результат не будет находиться в соответствии с нормами данного вида языкового стиля в русском языке.

Переводчик также должен учитывать стилистическую принадлежность и характер эмоциональной окраски слов и словосочетаний полицейских жаргонизмов (например: фамильярный, грубый, вульгарный, ироничный, презрительный, насмешливый, шутливый и т. п.).

Общее стилистическое соответствие часто достигается заменой некоторых эмоционально окрашенных элементов английского языка соответствующими русскими терминами. Например, такие часто употребляемые слова со стершейся эмоциональной окраской, как “*tommy gun*” — «автомат», “*bobby handler*” — «оперативник с розыскной собакой» и др., могут иногда переводиться соответствующими терминами русской военно-милицейской лексики. Зачастую при работе над текстами передача нескольких отдельных английских разговорно-просторечных слов и выражений через соответствующие им по стилю и эмоциональной окраске русские лексико-фразеологические единицы вполне достаточна для достижения общей стилистической адекватности (с точки зрения передачи лексических особенностей стиля оригинала).

Однако во всех случаях, когда определенное эмоционально окрашенное слово или выражение в английском тексте выполняет особые экспрессивные функции, необходимо решать вопрос об особом способе его передачи в переводе.

Некоторые английские эмоционально окрашенные слова и словосочетания имеют соответствие в русском военно-милицейском сленге: “*crate*” — «гроб», “*hit the blue*” — «пускать пули», “*evil-doer*” — «злодей, преступник», но таких соответствий очень мало. Чаще приходится действовать не способом подбора эквивалентной лексики, а так называемым методом компенсации, т. е. путем использования русской просторечной лексики (или жаргонизмов). Специфический характер подобной лексики в английском языке затрудняет выбор соответствующих лексических средств в русском языке. Даже при наличии некоторых формальных соответствий при переводе нельзя использовать русские эквиваленты, так как это может означать введение используемых элементов в контекст. Например, в английской и американской военно-полицейской лексике есть ряд эмоционально окрашенных слов и словосочетаний для обозначения понятия «легкий самолет»: *cub (plane)*, *puddle jumper*, *grass (hedge) hopper* и т. д. В русском языке мы находим такие обозначения самолета этого же типа, как «кукурузник», «огородник», «лесник», «старшина фронта» и др. Однако эти соответствия являются по форме настолько специфическими для

русского языка, что зачастую не представляется возможным использовать их для обозначения чужестранных реалий.

Грубой ошибкой было бы вкладывать в уста американского или английского солдата определенные слова или выражения, характерные для русской разговорно-просторечной лексики. Например, переводить *"a blue jeep"* как «милицейский УАЗик» и т. д.

Темой особого исследования может быть вопрос об использовании слов и выражений всего эмоционально окрашенного слоя английской военно-полицейской лексики при переводе с русского языка или при составлении некоторых материалов на английском языке.

Отметим, что экспрессивная окраска некоторых иностранных слов из эмоционально окрашенного слоя военно-полицейской лексики возникает потому, что с этим словом связываются какие-либо особые эмоциональные ассоциации. Например, со словом *"bundbook"* (винтовка), заимствованным британскими и полицейскими из языка хинди, связано высокомерное отношение войск английских колонизаторов не только к угнетаемой нации, но и к ее языку. Отсюда фамильярно-пренебрежительная окраска этого слова. Другие национальные заимствования в этой группе звучат как пародийные, юмористические варианты некоторых слов родного языка и имеют в следствие этого своеобразные эмоциональные оттенки.

Необходимо добавить, что при переводе экспрессивно окрашенной лексики, в частности, американских и английских жаргонизмов (*underworld slang, argot*), многие слова связаны с убийствами, грабежами, наказаниями, взаимоотношениями между гангстерами и полицией и т. п. Например: *"to typewrite"* — «стрелять из автомата»; *"Chicago piano"* — «автомат»; *"can"*, *"brig"*, *"hoosegow"*, *"cooler"*, *"jug"*, *"clink"*, *"crossbar hotel"* — «тюрьма; гауптвахта, военная тюрьма»; *"rod"*, *"gat"*, *"barker"* — «пистолет»; *"joy ride"* — «поездка на угнанном автомобиле»; *"gumshoe"* — «детектив»; *"angel face"* (*"goat"*) *упон.* «молодой офицер», «херувимчик»; *"can opener"* — «приспособление для взлома сейфов».

Полагаем, что изучение экспрессивно окрашенной лексики поможет переводчику лучше понять особенности образования некоторой части английской военно-полицейской терминологии, а также уяснить отличительные черты сленга, позволит точнее ориентироваться в употреблении различных элементов военной лексики, правильно различать их стилистически, избегая грубых ошибок в работе.

¹ Ильин Б. А. Современный английский язык. — М., Изд. лит. на иностр. яз., 1988.

² См.: Бурдин Л. С. Состав лексики с "предупредительными" пометами в толковом словаре английского языка малого типа // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков.

Методология научных исследований

КЛАССИФИКАЦИЯ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ И КОНЦЕПЦИЙ С ПОЗИЦИЙ СИСТЕМНО-ПАРАДИГМАЛЬНОГО ПОДХОДА

О. Г. Дука

Важной эпистемологической проблемой любой науки является систематизация основного массива знаний. Попыткой решения этой проблемы в области политологии служит разработанная нами классификация концептуальных подходов в политологии с позиций системно-парадигмального подхода.

С точки зрения этого подхода, основу концептуальной сферы современной политической науки составляют три научные политологические парадигмы¹: *натуралистическая, социальная и рационально-критическая*.

Структура парадигм — это совокупность *концептуальных подходов*, каждый из которых представляет собой конкретизацию парадигмальной идеи в зависимости от интерпретаций *сущности* политики (онтологических) и от интерпретаций *назначения* политики (функциональных).

Одна из онтологических интерпретаций политики состоит в понимании политики как *особой сферы общественной жизни*; вторая — как *определенного типа деятельности*; третья — как *особого вида социальных отношений*. В первом случае в политике во главу угла ставятся ее функциональные элементы, во втором случае — поведенческие, а в третьем — элементы межсубъектного взаимодействия².

Функциональных интерпретаций политики так же, как и онтологических, три. Одна из них состоит в понимании политики как *управления*, вторая — как *стратегии* и третья — как *ценностного суждения*. (Ж.-М. Данкен)³.

Представление об общем виде структуры политологических парадигм дает табл. 1.

Структура научных политологических парадигм

Таблица 1

Онтологические и функциональные интерпретации политики	Парадигмы		
	Натуралистическая	Социальная	Рационально-критическая
Политика как особая сфера общественной жизни	Геополитический концептуальный подход Хронополитический концептуальный подход	Системный концептуальный подход Универсалистский концептуальный подход	Социологический концептуальный подход
Политика как определенный тип деятельности	Биополитический концептуальный подход Психологический концептуальный подход Бихевиористский концептуальный подход	Антропологический концептуальный подход Культурологический концептуальный подход	Постструктуралистский концептуальный подход Игровой концептуальный подход
Политика как особый вид социальных отношений	Концептуальный подход К. Шмитта	Стратификационный концептуальный подход	Информационно-коммуникативный концептуальный подход
Политика как управление	Субстанциональный концептуальный подход	Инструменталистский концептуальный подход	Нормативно-институциональный концептуальный подход
Политика как стратегия	Телеологический концептуальный подход	Конфликтный концептуальный подход	Консенсусный концептуальный подход
Политика как ценностное суждение		Нормативно-этический концептуальный подход	

1. *Натуралистическая парадигма* рассматривает обусловленность политической жизни внесоциальной средой — географическими условиями, свойствами живой природы или качествами самого человека.

На «стыке» натуралистической парадигмы и истолкования политики как особой сферы общественной жизни возникли *геополитический* и *хронополитический концептуальный подходы*. Натуралистическое же истолкование политики как определенного типа деятельности привело к возникновению *биополитического, психологического и бихевиористского концептуальных подходов*. На базе синтеза натуралистической парадигмы и понимания политики как особого вида социальных отношений возник *концептуальный подход К. Шмитта*, трактующий политику как отношения «друзья-враги».

Понимание политики как управления в русле натуралистической парадигмы привело к возникновению *субстанционального концептуального подхода*, а понимание политики как стратегии в русле того же подхода — к появлению *телеологического концептуального подхода*.

1. Приверженцы *геополитического подхода* (Ф. Ратцель, Р. Челлен, А. Мэхэн, Х. Макиндер, К. Хаусхофер и др.) ставят природу политики в принципиальную зависимость от территориального положения и организации государств. В рамках этого подхода получили развитие такие политические субдисциплины, как геополитика, электоральная география, регионалистика, георурбанистика и др.

2. Разновидностью геополитического подхода является *хронополитический подход*, в рамках которого политика рассматривается как синтез политического пространства и политического времени⁴.

3. Сторонники *биополитического подхода* (К. Лоренц, Э. Фромм) исходят из наличия общих для человека и высших обезьян поведенческих паттернов (образцов), базисных (физико-химических, социальных) потребностей, а также механизмов адаптации и взаимодействия с себе подобными (альтруизм, агрессия), которые со временем не претерпевают почти никаких качественных изменений. Биополитика изучает общие для человеческих и животных сообществ черты поведения: приспособляемость, самозащиту, агрессию

4. Авторы теорий, придерживающихся *психологического подхода* (З. Фрейд, Г. Лассуэл), источник политических проблем видят в психических свойствах людей, в подсознательных импульсах, определяющих характер политического поведения и конфликтов, возникающих в политике.

5. Разновидностью психологического подхода является *бихевиористский*⁵ *подход* (Э. Торндайк, Г. Уоллес, У. Липпман, Ч. Мерриам), рассматривающий политику как взаимодействие целей, поступков людей. Политическое поведение признается

единственным фрагментом политической реальности, подлежащей эмпирической фиксации.

6. Особый подход в истолковании политики разработал в свое время видный немецкий политолог К. Шмитт. С его точки зрения, политика как явление не имеет самостоятельной природы и сущности, и заключает в себе элементы религиозной, экономической и культурной жизни. По Шмитту, политика и политическое сознание возникают в результате проявления и осознания людьми социальных (межгрупповых) противоречий и противоположных групповых и социально-групповых интересов — с того момента, когда человек начинает относить себя к определенной социальной группе, члены которой становятся для него «друзьями», а члены противоборствующих групп — «врагами». С момента разделения на «друзей» и «врагов» и начинается политика: «Собственно политическое различие есть различие между другом и врагом. Оно придает человеческим действиям и мотивам политический смысл»⁶.

7. В формате *субстанционального подхода* политика трактуется как макроявление, возникающее в результате интеракций групповых (коллективных) субъектов по поводу использования ими прерогатив государственной власти. Т.е. синтез двух социальных субстанций — власти и государства — создает качественно новую предметно обусловленную и организованную среду, где субъекты и носители властных интересов, заинтересованные в перераспределении ресурсов, оспаривают прерогативы самого мощного общественного института⁷.

К субстанциональному подходу могут быть отнесены разнообразные «властные» трактовки политики. Политика — это либо управление с использованием власти, либо борьба за завоевание и удержание власти. Властные трактовки представлены в работах Н. Макиавелли, М. Вебера, в марксизме, среди американских политологов.

8. Телеологический (целевой) подход трактует политику как особую форму человеческого существования, связанную с целедостижением и организацией. Подобная трактовка расширяет границы политики, т.к. целеполагание есть в любой сфере деятельности, то политику можно обнаружить (что и делают сторонники этого подхода) в отношениях между супругами, в отношениях преподавателя и студента⁸.

II. В формате *социальной парадигмы* политика характеризуется через воздействие других сфер общественной жизни, социокультурных свойств политического субъекта.

На «стыке» социальной парадигмы и истолкования политики как особой сферы общественной жизни возникли *системный* и *универсалистский концептуальный подходы*. Синтез социальной парадигмы и истолкования политики как определен-

ного типа деятельности привел к возникновению *антропологического и культурологического концептуальных подходов*. На «стыке» же социальной парадигмы и интерпретации политики как особого вида отношений возник *стратификационный концептуальный подход*. На базе синтеза натуралистической парадигмы и понимания политики как особого вида социальных отношений возник *концептуальный подход К. Шмитта*, трактующий политику как отношения «друзья-враги».

Понимание политики как управления в русле социальной парадигмы привело к возникновению *инструменталистского концептуального подхода*, а понимание политики как стратегии в русле того же подхода — к появлению *конфликтного концептуального подхода*. На базе же синтеза социальной парадигмы и понимания политики как оценочного суждения возник *нормативно-этический подход*.

Исследователи, придерживающиеся *системного подхода*, понимают политику, прежде всего, как явление опосредованное, вызванное к жизни воздействием иных сфер и систем общественной жизни.

Идеи, на которых строятся системная парадигма, исходят из органического единства социума, что ориентирует исследователей на понимание взаимного дополнения политики и других сфер общественной жизни. Именно это, собственно, и предполагает постоянное доопределение самой природы политического характеристиками, транслирующими не только функциональные, но и каузальные зависимости какого-либо круга явлений⁹.

В рамках *универсалистского подхода* во главу угла ставят те явления, которые не столько специфицируют, сколько объединяют политику с другими областями социальной жизни. Здесь основанием ее концептуализации могут выступать элементарный поведенческий акт, поступок человека, авторитет, влияние, целенаправленная деятельность, порядок, господство, контроль и т.п.¹⁰

Приверженцы *антропологического подхода* (Аристотель, Ф. Ницше и др.) рассматривают участие в политике как реализацию родовых свойств и природы человека¹¹.

Ученые-политологи, придерживающиеся *культурологического подхода*, признают социальным источником политики не факторы человеческой среды, окружения, а самого человека, точнее — личность, ориентированную не на врожденные, а на приобретенные в ходе своей эволюции цели и ценности, сохранившую притом все характеристики живого, а не «книжного», абстрактного человека. В этом смысле феномен политического возникает при опосредовании человеческого поведения не интересами и структурами, а ценностями, символами, традициями, обычаями, ритуалами. Тем самым институционализация, структурная организация и формальная упорядоченность проигрыва-

ют по значению факторам внутренней ориентации субъекта¹².

В рамках *стратификационного* подхода, т.е. связанного с отношениями определенных социальных слоев и групп и их влиянием на процесс осуществления власти, политика понимается как соперничество социально-экономических классов (эксплуататоров и эксплуатируемых — марксизм), расовых, этнических, культурных и иных групп (Л. Гумплович), борьба аристократического или элитарного слоя с большинством народа (массами) — Н. Макиавелли, Г. Моска, В. Парето, соперничество управляющих и управляемых (Р. Дарендорф).

Суть *инструменталистского* подхода — в истолковании политики как средства принятия решений (К. Мангейм)¹³.

В рамках *конфликтного* подхода политика рассматривается как конфликт между различными социальными группами и классами в борьбе за собственные интересы, те или иные социальные ресурсы (А. Токвиль, К. Маркс, Л. Гумплович, Г. Зиммель, Л. Козер, А. Бенгли и др.) либо как деятельность по урегулированию конфликтов (Р. Дарендорф, Ж. Фаве, М. Брегер и др.)¹⁴.

Нормативно-правовой подход в трактовке природы политической материи во главу угла ставит авторитет и иные моральные субстанции¹⁵.

III. Последователями *рационально-критической парадигмы* политика объясняется не внешними по отношению к ней факторами, а ее внутренними причинами, свойствами. Соответственно в ее рамках можно выделить *субстанциональный, постструктуралистский, игровой, нормативно-институциональный и информационно-коммуникативный подходы*.

На «стыке» рационально-критической парадигмы и истолкования политики как особой сферы общественной жизни возник *социологический концептуальный подход*. Синтез *рационально-критической* парадигмы и истолкования политики как определенного типа деятельности привел к возникновению *постструктуралистского и игрового концептуальных подходов*. На «стыке» социальной парадигмы и интерпретации политики как особого вида отношений возник *информационно-коммуникативный концептуальный подход*.

Понимание политики как управления в русле рационально-критической парадигмы привело к возникновению *нормативно-институционального концептуального подхода*, а понимание политики как стратегии в русле того же подхода — к появлению *консенсусного концептуального подхода*.

Социологический концептуальный подход связан с рассмотрением общества как структуры, состоящей из разнообразных групп, обладающих собственными интересами и потребностями, глав-

ным рычагом реализации которых является власть. Политика в таком случае рассматривается как направления и способы деятельности социальных групп в отстаивании своих интересов и удовлетворении своих потребностей с помощью разнообразных средств, среди которых главную роль играет власть¹⁶.

Постструктуралистский подход, наследуя и развивая идеи М. Фуко, П. Бурдьё, Н. Лумана и др., утверждает понимание политики в виде некоего «поля», т.е. «области социального пространства, структурированной особым (политическим) типом отношений, которые строятся на основе союзов и конфликтов политических сил»¹⁷.

Основное внимание ученых, придерживающихся этой парадигмы, отводится не обуславливающим политику факторам, центрам влияния и господства (например, государству), а практической деятельности индивидуальных и групповых субъектов (агентов), тому реальному пространству, куда интегрируется «всякий вновь входящий в поле политики агент»¹⁸.

В формате *игрового подхода* под политикой понимается «деятельность политических групп по установлению правил жизнедеятельности людей, например, в государстве, установлению и поддержанию некоторого порядка в этом государстве в соответствии с принятыми нормами и принципами»¹⁹.

Суть *информационно-коммуникативного подхода* отражают тезисы о центральном положении коммуникации в человеческой истории и социокультурном содержании информации как основы социальной коммуникации в современных условиях. В рамках этого подхода политика представляется как информационно-коммуникационная система, политическая коммуникация — как процесс движения семантической информации (смыслов и значений) в политике, а политическая власть — в качестве символического средства коммуникации (Р. Мюнх)²⁰.

На «стыке» информационно-коммуникативного подхода и синергетики возникла его *синергетическая версия*, состоящая в понимании политики как самоорганизованной, саморождающейся системы коммуникаций (Н. Луман), автопоэтической реальности (в духе Х. Матураны и Ф. Варелы)²¹.

В рамках *нормативно-институционального подхода* политика предстает в виде совокупности организаций, в основе существования которых лежат фиксированные правила поведения, содержащиеся в программах, уставах, конституциях. Смысл политики видится в правильном определении характера отношений между этими образованиями.

В рамках же *консенсусного подхода* политика рассматривается как механизм урегулирования общественных противоречий, средство консолидации граждан и мобилизации их усилий для решения общезначимых задач (экономических, политических, культурных и др.). Приверженцами такого

подхода к пониманию политики традиционно выступают представители структурно-функционального подхода в социологии (Т. Парсонс, Д. Истон, Р. Мертон и др.), рассматривая общество как сложную систему, где каждый элемент и подсистема призваны выполнять определенную функцию согласованно с другими элементами и подсистемами. В соответствии с данной позицией Т. Парсонс определяет политику как «организацию элементов системы с целью эффективного действия для достижения общих целей»²².

В соответствии с вышеназванными методологическими подходами политологические теории и концепции современных российских исследователей можно классифицировать в зависимости от уровня исследуемых объектов политики²³, политико-идеологической направленности²⁴, специфики предмета и объекта исследования²⁵. В нашем исследовании мы придерживаемся классификации по *концептуальным подходам*.

Это теории, обосновывающие геополитический²⁶, хронополитический²⁷, биополитический²⁸, психологический²⁹, субстанциональный³⁰, телеологический³¹, системный³², универсалистский³³, культурологический, антропологический³⁴, нормативно-институциональный³⁵, постструктуралистский подходы³⁶.

Системно-парадигмальный подход к классификации политологических концептуальных подходов, теорий и концепций, с нашей точки зрения, дает возможность охватить все смысловое пространство политической науки и логически обосновать взаимосвязь ее теоретических концептов.

¹ Кроме научных, существует ненаучная — теологическая — парадигма, в рамках которой политическая власть рассматривается как проявление Божественной воли.

² См.: Соловьев А.И. Мозаичная парадигматика российской политологии // <http://www.narod.ru/fubtext/1998/4/2.htm>. С.11.

³ См.: Бирюков С.В., Ивлев С.В., Батурина Т.В., Мельниченко Е.В. Политология // <http://kemtipp.ru/old/char27/polit1-0.htm>. С.3-4.

⁴ См.: Панарин А.С. О хронополитике // http://www.ug.ru/ug_pril/gv/96/25/17_1.htm.

⁵ От англ. behaviour — поведение.

⁶ Цит. по: Бирюков С.В., Ивлев С.В., Батурина Т.В., Мельниченко Е.В. Политология // <http://kemtipp.ru/old/char27/polit1-0.htm>. — С. 4.

⁷ См.: Соловьев А.И. Указ. соч. — С. 5.

⁸ См.: Ильин М.В., Мельвиль А.Ю., Федоров Ю.Е. Основные категории политической науки // Полис. — 1996. — № 4.

⁹ См.: Соловьев А.И. Указ. соч. — С. 6.

¹⁰ Там же. — С. 7.

¹¹ Например, Аристотель определял человека как «политическое животное», которое сама природа побуждает жить совместно с другими людьми и участвовать в делах государства (полиса): «Государство принадлежит к тому, что существует по природе ... и человек по своей природе есть животное политическое». Собственную версию по-

литики как деятельности, вызванной свойствами человеческой природы, предложил известный немецкий философ — иррационалист Ф. Ницше: он рассматривал ее как воплощение базового человеческого (и животного) инстинкта — воли к власти. (См.: Бирюков С.В., Ивлев С.В., Батурина Т.В., Мельниченко Е.В. Указ. соч. — С. 3).

¹² См.: Соловьев А.И. Указ. соч. — С. 9; Бирюков С.В., Ивлев С.В., Батурина Т.В., Мельниченко Е.В. Указ. соч. — С. 3.

¹³ См.: *Краткий политологический словарь*. — М., 1989. — С. 421-422.

¹⁴ См.: Бирюков С.В., Ивлев С.В., Батурина Т.В., Мельниченко Е.В. Указ. соч. — С. 3-4.

¹⁵ См.: Соловьев А.И. Указ. соч. — С. 9.

¹⁶ См.: Бородин Ф.М. Социальная политика: власть и перестройка // Постижение. Социология. Социальная политика. Экономическая реформа / Под ред. Ф.М. Бородин. — М., 1989.

¹⁷ Лащина М.В. Основные сферы общественной жизни в их взаимосвязи // Философские науки. — 1979. — № 4. — С. 63; См. также: Соловьев А.И. Указ. соч. — С. 10.

¹⁸ Лащина М.В. Указ. соч. — С. 38.

¹⁹ Кершис О., Мотузенко Б. Политика как игра // http://petgrod.narod.ru/articles/Motuzenko_Kershis.htm.

²⁰ См.: Мюнх Р. Политическая власть как символическое средство коммуникации // <http://academe-go.ru/Site/GrObsh/Publications/Munchl.shtml>.

²¹ См.: Аршинов В. // <http://prof.msu.ru/book3/arch.htm>.

²² См.: Бирюков С.В., Ивлев С.В., Батурина Т.В., Мельниченко Е.В. Указ. соч. — С. 3-4.

²³ По этому основанию можно выделить теории и концепции: 1) глобального или международного порядка; 2) общественного уровня; 3) политической сферы общества и политического развития; 4) важнейших подсистем политической системы общества; 5) отдельных или частных политических явлений.

²⁴ На этом основании теории и концепции можно подразделить на: 1) либеральные; 2) консервативные; 3) социал-реформистские; 4) марксистские; 4) анархистские и др.

²⁵ Здесь можно выделить: 1) политико-правовые; 2) социологические; 3) психологические; 4) эмпирические теории и концепции.

²⁶ См.: Ковалев А.М. Общество и законы его развития. — М., 1975; Гаджиев К.С. Геополитика. — М., 1997; Дугин А. Основы геополитики. — М., 1997; Панарин А.С. Сколько продлится политическое одиночество России? // Власть. — 1997. — № 1; Разуваев В.В. Геополитика постсоветского пространства. — М., 1993; Цымбурский В.Л. Метафороза России: новые вызовы и старые искушения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. — 1994. — № 3; Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России. — М., 1996; Аксенов К.Э. Пространство и политика. Концептуальные подходы. — СПб., 1993; Плешаков К.А. Гео-идеологическая парадигма. — М., 1994, Поздняков Э.А. Геополитика: теория и практика. — М., 1993; и др.

²⁷ См., напр.: Туровский Р.Ф. Политико-географический анализ политического процесса: теоретико-методологические аспекты: Автореф. дис... канд. полит. наук. — М., 1995. — С. 8; Панарин А.С. О хронополитике // http://www.ug.ru/ug_pril/gv/96/25/17_1.htm. — С. 1.

²⁸ См.: Зуб А.Т. Биополитика: методология социально-биологизма в политологии // XVIII международный конгресс по логике, методологии и философии науки. — М., 1987; Каримский А.М. Социальный биологизм: природа и идеологическая направленность. — М., 1984; Карпинская Р.С., Никольский С.А. Социобиология: критический анализ. — М., 1988; Олескин А.В. Биополитика и ее приложимость к социальным технологиям // Вопросы философии. — 1995. — № 7; Сидякина Н.А. Философско-ме-

тодологические основания биополитики: Автореф. дис... канд. полит. наук. — М., 1991. — С. 5.

²⁹ См.: Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б. Политическая психология. — Ростов-н/Д., 1996; Юрьев А.И. Системное описание политической психологии. — СПб., 1996; Донцов А.И. Введение в практическую социальную психологию. — М., 1994; Косолапов Н.А. Политико-психологический анализ социально-территориальных систем. — М., 1994; Каверин С.Б. Психология и политика. — Тамбов, 1992; и др.

³⁰ См.: Грачев М.Н., Ирхин Ю.В. Актуальные проблемы политической науки. — М., 1996; Борисов Л.П. Политология. — М., 1996; Демидов А.И., Федосеев А.А. Основы политологии. — М., 1995; Соловьев А.И. Политика как общественное явление // Основы политической науки: В 2 ч. / Под ред. В.П. Пугачева. — М., 1993; Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. — М., 1996; Васильева Н.А. Политическая наука: проблемы теории и практики. — СПб., 1994; Мальцев В.А. Основы политологии. — М., 1997; Унелев А.Г. Политология: власть, демократия, личность. — М., 1994; Голосов Г.В. Сравнительная политология. — Новосибирск, 1995; Введение в политологию / Под ред. М.Х. Фарушкина. — Казань, 1992.

³¹ См.: Ильин М.В. Проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем: Автореф. дис... д-ра полит. наук. — М., 1996. — С. 27.

³² См.: Аникиевич А.Г. Политическая власть: вопросы методологии исследования. — Красноярск, 1986; Андреев С.С. Теория политической деятельности. — М., 1995; Политология на российском фоне. — М., 1993; Халитов В.Ф. Политика как наука и искусство // Социально-политические науки. — 1990. — № 7; Бирюков С.В., Ивлев С.В., Батурина Т.В., Мельниченко Е.В. Указ. соч.; Капустин Б.Г. Что такое «политическая философия»? / Полис. — 1996. — № 6; Соловьев А.И. Указ. соч.

³³ См.: Политология / Под ред. А.В. Миронова, В.А. Варывдина. — М., 1993; Белов Г.А. Политология. — М., 1994; Гаджиев К.С. Политическая наука. — М., 1995; Политология: Энциклопедический словарь / Под ред. Ю.И. Аверьянова. — М., 1993; Мурадян А.А. Двухликий Янус: введение в политологию. — М., 1994; Зеркин Д.П. Основы политологии: теоретико-методологические проблемы. — Ростов-н/Д., 1993; Ефимов И. Метаполитика. — Л., 1991; Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. — М., 1995; Нэш В.Ф. Политический конфликт: технологии инициирования, регулирования, разрешения // Вестн. Моск. ун-та Сер. 12. Политические науки. — 1995. — № 5; Краткий политологический словарь. — М., 1989; и др.

³⁴ См.: Панарин А.С. От постчеловеческого мира к человеческому // Общественные науки и современность. — 1991. — № 5; он же. Введение в политологию. — М., 1994; Философия политики. — М., 1994; Политическая антропология / Под ред. В.В. Ильина. — М., 1995; Конопкин Ю.С. Политическое в теории и истории политической науки: Автореф. дис... д-ра полит. наук. — М., 1997; Баталов Э.Я. Политическое — «слишком человеческое» // Полис. — 1995. — № 5; Соловьев А.И. Социокультурное измерение политического процесса: Автореф. дис... д-ра полит. наук. — М., 1994; Качанов Ю.Л. Опыты о поле политики. — М., 1994.

³⁵ См.: Зеленцов А.Б. Основы общей теории политики. — М., 1995; Емшин П.С. Политология: предмет и функции. — СПб., 1996; Кененов А.А. Политика, право, демократия // Политология / Под ред. М.Н. Марченко. — М., 1993; Филипов Г.Г. Социальная организация и власть. — М., 1985; Соловьев А.И. Мозаичная парадигматика российской политологии // <http://www.narod.ru/fubtext/1998/4/2.htm>.

³⁶ См.: Лащина М.В. Основные сферы общественной жизни в их взаимосвязи // Философские науки. — 1979. — № 4.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баширов Р.А. — аспирант кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Бекетов О.И. — заведующий кафедрой конституционного и административного права Омского юридического института, кандидат юридических наук, профессор.

Бекряшев А.К. — доцент кафедры экономической теории и финансового права Омской академии МВД России, кандидат экономических наук, доцент.

Белоусов А.А. — аспирант кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Бережинская О.С. — аспирант кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Быкова А.Г. — доцент кафедры теории и истории государства и права Омского юридического института, кандидат исторических наук.

Векленко В.В. — заместитель начальника Омской академии МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор.

Волторнист О.А. — преподаватель кафедры уголовного права и процесса Омского юридического института.

Головин В.В. — заместитель начальника Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Омской области, Главный судебный пристав Омской области, государственный советник юстиции III класса, кандидат юридических наук.

Деришев Ю.В. — заведующий кафедрой уголовного права и процесса Омского юридического института, кандидат юридических наук, доцент, член Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации.

Дука О.Г. — проректор по образовательным инновациям Омского юридического института, доктор исторических наук, доцент.

Затолокина Т.А. — аспирант кафедры трудового права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Казанник А.И. — первый проректор Омского юридического института, доктор юридических наук, профессор, государственный советник юстиции I класса.

Киреева И.Л. — аспирант кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Костенко Н.В. — преподаватель кафедры гражданского права и процесса Омского юридического института, кандидат юридических наук.

Кустова Е.А. — преподаватель кафедры трудового права Омского юридического института.

Мельникова Т.Н. — аспирант кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Минеева Е.Е. — преподаватель кафедры иностранных языков Омского юридического института.

Мищенко А.В. — старший преподаватель кафедры правовой информатики Омского юридического института.

Огородников В.В. — аспирант кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Пальянов А.А. — старший преподаватель кафедры правовой информатики Омского юридического института, кандидат технических наук.

Пивченко Ю.В. — аспирант кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.

Першин Ю.Ю. — старший преподаватель кафедры иностранных языков Омского юридического института, кандидат философских наук.

Попков В.В. — заведующий кафедрой иностранных языков Омского юридического института, кандидат филологических наук.

Попова Л.В. — старший преподаватель кафедры иностранных языков Омского юридического института, кандидат филологических наук.

Прежеславская С.В. — преподаватель кафедры теории и истории государства и права Омского юридического института.

Распутина Л.Н. — заведующий кафедрой трудового права Омского юридического института, кандидат юридических наук.

Скиллер-Котунова Е.В. — ассистент кафедры трудового права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Слугевич Т.И. — преподаватель кафедры иностранных языков Омского юридического института.

Смагин К.М. — помощник председателя Омского гарнизонного военного суда.

Усов Г.М. — ассистент кафедры психиатрии, наркологии и клинической психологии Омской государственной медицинской академии, кандидат медицинских наук.

Ухова Л.Д. — аспирант кафедры трудового права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Четвериков Д.В. — заведующий кафедрой юридической психологии Омского юридического института, доктор психологических наук, кандидат медицинских наук.

Лицензия ИД № 01297

Редактор Л.А. Янцен
Технический редактор А.В. Задорожная